MOBECTM

И

РАЗСКАЗЫ

Петра Сумарокова.

МОСКВА.

Въ типографии Лазарбвыхъ Института Восточныхъ Языковъ.

1833.

печатать позволяется

съ пъмъ, чтобы по отпечатани представлены были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра. Москва, Апръля 10 дня 1833 года.

Цензоръ Л. Цвътаевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Нынче въ страшной модѣ предисловия. Въ паше время не выходишъ почти им одной книги, ни одной книжки,
ни одной брошторки безъ шого, чтобы при каждой изъ нихъ не было
предисловія. Часто эти предисловія
заключають въ себѣ какую нибудь
мистификацію; часто цѣлые трактаты о философіи, объ исторіи, о
романь, о драмь— о чемъ іы хоти-

те: часто сочинители разсказывають въ этихъ предисловіяхъ просто, безъ всякой мисшификацін, о самихъ себъ, о своихъ сочиненіяхъ, о томъ: почему они писали то, а не другое, почему писали такъ, а не иначе; и часто эпи предисловія бывають не меньше и очень часто бывають лучше самихъ книгь, къ которымъ онъ приложены. Впрочемъ последнее исключительно спало случаться шолько съ некопораго времени. Ошъ шого прежде я не любиль всъхъ предисловій вообще и всегда пропускаль ихъ; нынче, напропивъ, читаю каждое съ жадностію, -кромъ однакожь шакихъ, кошорыя и до сихъ поръ, увы! бывающъ похожи на газепныя объявленія книгопродавцевъ, о вновь вышедней книгъ, ими купленной.

Въ самомъ дълъ — подивигнесь странности! — прежде всякое предисловіс казалось мнъ чъмъ то неумъстнымъ, неуклюжимъ, какимъ-то лоскутомъ, присшавленнымъ къ ворошнику плашья, какимъ-то фронтономъ, вздернутымъ шпицъ колокольни. Или говоря на просіпо: я думаль іпогда, что каждая книга, хоппя бы она была лечебникъ стольтній календарь, должна вполнъ высказать все о самой себъ, и что каждая приставка къ ел началу или къ концу доказываенть шолько ел неполноту, недостаточность и — разрушаетъ единство формы цълаго. Мнь-

ніе старинное, классическое, мивніе, если угодно, шехъ времень, когда слепо веровали въ піри единспіва. По его и породили во миз предисловія сшаринныя, классическій, если не болье ныньшинихъ длинныя, по по крайцей мъръ несравненио болъе скучныя. За що теперь это мизніе совершенно во мнь истребилось; за то теперь, благодари нынъшнему въку, въку примъчаній, пояспеній, дополненій, прибавленій и вськъ варіанновъ вообще, и благодари современнымъ писашелямъ .. савлавшимъ предисловіе необходимою принадлежноспію каждой порядогной книги — шакъ-же какъ Французскій дизыкъ сдълался у насъ необходимою принадлежностію каждаго перядогнаго человька, — я напрошивь счишаю недосшаточной ту книгу, при которой ньть предисловія, и оть того рышаюсь самь писать предисловіе.

Однакожь не бойшесь — обращаюсь къ шъмъ, кошорые, шакъ-же какъ я, были напуганы предисловіями, и ко-шорые можешь бышь до сихъ поръ не осшавляють привычки пропускать ихъ — не бойшесь; предисловіе мое будеть не длинно, и именно воть почему:

Если бы я вздумаль мисшифировань чишателей, принявь на себя вымышленное имя какого нибудь сказочника: русскаго, малороссіянина, дьячка, по-

номаря-кого бы то ни было, тогда, волею, или неволею непремънно было бы должно мнъ исписанъ, опъ этого вымышленнаго лица, цьлую десть бумаги, объясняя чиппаппелямъ: опікуда дошли ко мнъ мои сказки, кто какую именно разсказываль миф, и гдф, и какъ было дъло. Все это могло бы быть очень мило, очень запимашельно, очень забавно — по крайней мъръ мы видимъ тому примъры, -- все эпо могло бы доставить мнъ новую сказку; но я не хоппыть скрываннь своего имени, н безъ того слишкомъ мало извъстинаго, или, какъ сказалъ Алфредъ Девиньи: анонима во всякомъ случав, и пошому я не исписываю дести бумаги, не считаю за нужное объяснять читателямъ отъ кого и гдъ слышалъ я повъсти и разсказы, мной разсказанные, и не дълаю изъ этого новой сказ-ки. — Далъе:

Въ предисловіи къ повъстимъ и разсказамъ было бы ксшаши поговоришь: вообще о повъсши и разсказъ; но я нахожу и это не совсьмъ умъстнымъ. Во первыхъ от пого, что для этого надобно исписать ужь не одну, а двт дести бумаги; а во вторыхъ и потому еще, чпо каждый писатель, разсуждая въ предисловіи книги своей о томъ родъ сочиненій, къ которому принадлежишъ она, неминуемо долженъ сказашь чию нибудь и о самомъ себь, а это вещь трудная. Я старался сделать то, и то, я хошель сдълать такъ, и пакъ: слова почти неизбъжныя въ такихъ случаяхъ; но какаяжь польза онгь эшихъ словь? Если авторъ сдълалъ то, что онъ долженъ быль сдълать — это будеть видно само собой, и шогда честь и слава ему безъ его поясненія; если онъ спиарался сдълать и не сдълаль - пъмъ хуже для него: зачьмь ужь было говоришь о спіаранін. Сверхъ шого въ паше время, когда вся Европа тонеть въ романакъ и повъспілкъ испорическихъ, философическихъ, фантаспическихъ, въ наше время, когда такъ много пишушъ ихъ и піакъ много пишушь о нихь, - шакъ-же мудрено написать хорошее разсуждение о романь, какъ и хорошій романь; въ томь и другомь случав какъ разъ попадець въ колею давно ужь избиную, или желая прокладывань новый путь, вовсе собъещься съ пути. Это говорю не и сдинъ, а говорянъ многіе, и при томъ говорянъ по опышамъ.... И такъ мимо и эту статью.

Наконецъ исповъдывалься чинателямъ, разумъется въ гръхахъ липпиературныхъ, я не намъренъ. Да еслибъ
и вздумалось мнъ разсказывать отъ
чего и какъ сдълался я писателемъ,
то върно бы это не было ни для кого
любопытно, потому что до сихъ поръ
я не написалъ еще ничего особенно
любопытнаго. Да еслибъ это и было

любопышно для кого нибудь, що вся моя исповьдь заключилась бы въ двухъ словахъ: я писалъ, когда мнъ хошълось писать, и писаль то, что миь хопітлось писать, и такимъ образомъ написаль всь мон статьи. Теперь изъ эшфхъ сшаней соспавилось ньсколько книжекъ, кошорыхъ я никогда не думаль составлять, и воть эть книжки начинающъ печащащься. — Если спросять меня: для чего я писаль шакъ, а не иначе, для чего описывалъ топъ, не другой предменть? — повторю опять: такъ мнь писалось, и прибавлю еще, что гоняться за предмешами, какъ за зайцами, или ошыскивашь ихъ, какъ кладъ подъ землей, я не умъю. Худо ли, хорошо ли это -

не знаю; но чиюбы увъришься въ справедливоспін словъ монхъ-вамъ сіпонпіъ шолько взглянушь на при книжки, пісперь мною пзданныя: въ нихъньшь ничего испорического: ни повъспи, ни разсказа, ни даже заглавія. А кто вь наше время не захошъль бы украсинь своего сочиненія чъмъ нибудь историческимъ? въ наше время, когда щысячи романовъ бывающъ разкуплены, прочипаны и даже разхвалены, можеть бынь только за то, что къ заглавію ихъ прибавлено волшебное словцо: ИСТОРИЧЕСКИЙ !- Ясное доказательство, что я писаль безь всякаго приніязанія на славу и почести. — Если спросять меня посль эшого: для чего я печашаю книгу

мого?.. Спранный вопрось!.. Для чего печатаются всь книги?.. Впрочемъ этоть вопрось, сдыланный по серьезиле, могь бы запруднить многихъ писателей и падатиелей кингъ, а въ шомъ числъ можешъ бышь и меня. Хорошо, что Викторь Гюго, въ одной изъ главъ, прибавленныхъ имъ къ Notre Dame de Paris, разрышиль его, и разрешнить довольно милоспиво для каждаго. Теперь каждый самый плохой писатиель можеть сказать: Я несу свой кирпичь въ новый спюлпъ Вавилонскій, который строится изъ идей человъчества. Это право гораздо утвшительные, чымы, по старому повырыю, утонуть въ Летъ вмъсть съ своею ношею.

По я началь писать предисловіе, надобно же его чьмъ нибудь кончить, и стало быть надобноже мнъ говорить о чемъ пибудь? Стану говорить о затавіи моей книги,— никакъ не больше.

Прошу однакожь не шушишь заглавіями: это совсьмъ не пакая маловажная вещь, какъ вы думаете. Я сказаль сей часъ — и сказалъ справедливо, — что частю за одну этгу маловажную вещь разкупатошъ, чишатошъ и хваляшъ книгу; но съ другой стороны часто-же къ этой маловажной вещи придираются (самъ я, гръшный человькъ, гошовъ иногда придирашьел къ заглавію), браняшъ за нее. Ошъ шого по Юлій Жанень о заглавіи своихъ фантастическихъ сказокъ написаль цьлую станью, которая больше каждой изъ его сказокъ. Но Богъ съ пимъ Юлій Жанень, за нимъ не угонлешься. Я буду говорить о заглавін моей книги не такъ много, какъ онъ, и совсьмъ не то, что говорилъ онъ.

Теперь любящь сказки песпрыя — сказки зеленыя, сказки песпрыя — словомъ: сказки всъхъ цвъщовъ радужныхъ. Я не умълъ прінскащь къ монмъ сказкамъ никакого цвъщнаго заглавія — шакъ-же какъ не умълъ прінскиващь для нихъ предмещовъ непорическихъ— и назвалъ ихъ просто: Повъсти и Разсказы. Но отть того то я и хочу говорить объ этомъ заглавіи, что оно

слишкомъ просто и, что еще хуже, не ново. Я хочу отвратить всь нападенія, какія только могуть быть сдъланы на меня за это заглавіе.

Есть люди, которые все готовы назвашь подражениемь, даже и то если одинъ писашель ходишъ на двухъ ногахъ пакъ-же какъ другой. Такіе люди могупть сказапь, что и я назваль мои повъсши и разсказы Повъсшями и Разсказами — изъ подражанія; могупть сказать опть того только, что не такъ давно еще вышли Повъсти и Разсказы Русскіе, Повъсти и Разсказы Г. Карльгофа. Другіе могуть еще замъщить, что содержание моей книги не вполнъ соотвытствуетъ ел

заглавію, потому что въ ней только одна статья, которую можно причислить къ роду собственно такъ называемыхъ разсказовъ, а остальныя всъ относятся къ роду повъстей. Объ этихъ то двухъ пунктахъ хотълось мнъ объясниться съ читателями, съ критиками, съ пъми людьми, о которыхъ упомянулъ я, — и вотъ я объясняюсь:

Начинаю изъ далека, сравненіемъ.

Живописецъ, который предполагаетъ написать цълый рядъ каршинъ, будетъ ли заготовлять всъ рамы для этъхъ картинъ по одной мъркъ? Не думаю: какъ бы воображение его ни было гибко и послушно ему, оно послюнно не можещь вмъщащься въ одинаковый форманть, шакъ-же, какъ и опіливанься въ одинаковую форму. Да и къ чему спаль бы онъ приводинь его въ шакую въчную симетрію, къ чему спаль бы обръзывань ему крылья и отмежевывань границы его полешу царкулемь?

Если вы будете имьть терпьніе прочитать книгу мою до конца третьей части, що увидите, что въ эпихъ трехъ частяхъ я представляю вамъ только первую коллекцію слабыхъ очерковъ, мной набросанныхъ, или просто: увидите, что конецъ претьей части не есть еще конецъ части послъдней. А если эта часть

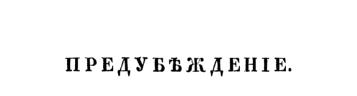
не послъдная, слъдспивенно я надъюсь еще писапь; а если я надъюсь еще писапів, піо знаю ли я что именно случится написать мнь: повъсть, письмо, фантазію? Можетъ быль и то и другое и претье.... Послъ этого разсудите же сами, могъ ли я для собранія сшаптей монхъ принскать какое нибудь другое названіе, котпорое-бы щло къ намъ лучше Повъстей и Разсказовъ?... Повъсщи и Письма? Повъети и Фантазіи? — пожалуй придумапть можно; — но вь объемъ слова: письмо моженть войпи не всякая фантазія, въ объемъ слова: фантазія можешъ войши не всякое письмо, въ объемъ шого и другаго слова можешъ войши не всякой разсказъ, а въ объемъ

слова: разсказъ входишъ и письмо и фаніпазія и цьлый романь, если надобно. Это рамы самыя разнообразныя, галлерея, въ кошорой есшь мъсшо для всякаго рода карпинъ. И такъ: если назвать подражаніемь заглавіе, мною избранное, по стало быть должно названть безпрерывнымь подражаніемъ и вев Французские Romans et Contes, копорые у нихъ шянушся длиннымъ покольніемъ опіъ самаго начала Французской Лишпературы и до нашихъ времень. И шакъ: если я назваль книжки мои Повъстями и Разсказами, то погому глолько, что иначе я не могь назвашь ихъ. И шакъ: если ничио не помъщаенть миъ продолжать изданія монхъ Повъсшей и Разсказовъ, що я надъюсь, чио они оправдающь свое заглавіе.

Въ заключение мнь остается повшоринь слова Жанена, которыл могунть служинь эпиграфомъ для моей книги:

« Trop heureux si, dans ces contes épars, vous rencontrez de tems à autre quelquesunes des impressions fugitives de votre jeunesse, quelques souvenirs de vos plaisirs passés, quelques traces récentes encore de vos voeux, de vos espérances, de vos amours, de vos douleurs! «

«Счастливъ я буду, если въ эпихъ небрежныхъ разсказахъ вы ветръщите иногда какой нибудь слъдъ протекшихъ впечанильній вашей юносіпи, какое илбудь восноминаніе вашихъ прошедшихъ удовольствій, какую нибудь чершу близскую еще и шеперешнимъ вашимъ желапіямъ, ваший любви, вашимъ падеждамъ, вашимъ гореспямъ!»

предубъжденіе.

На свыит управляения еплошь Людьми одно предубъжденье.... Жислениций.

За нъсколько лъпъ назадъ, Людмирскій, молодой человъкъ, пріъхалъ въ свое помъстье, лежащее въ одной изъ Великороссійскихъ губерній.

Ошецъ Людмирскаго, Бригадиръ Екаперининской службы, былъ человъкъ сшрогихъ правилъ и суроваго харакпера. Проведя лучшія лъща своей мо-

въ военной службъ, подъ лолосиин огнемъ непріятельскимъ, онъ привыкъ сльпо повинованься тому, что мы называемъ должностью, и малъйшее оппступление от нея — какъ въ себъ, **такъ и въ другихъ — считалъ гръхомъ** смеринымъ. Бывъ безпрестанно свидъшелемъ кровавыхъ сценъ, онъ пошерялъ послъднюю искру чувствительности, данную ему природою; всъ чувства сердца, всъ спрасти называлъ бабыми глупосшями, и не умълъ прощашь слабостей, вообще свойственных роду человъческому.

Съ пакимъ-то образомъ мыслей Бригадиръ вышелъ въ описпавку и женился на дъвушкъ, обрученной ему еще съ младенчесива завъщаніемъ родипелей объихъ спюронъ. Тоже завъщаніе не позволяло Бригадиру, ни оспавить службы, ни жениться прежде 40 лътъ, т. е. того времени, когда невъстъ его исполнится 20. —

Наптурально, что онъ, съ его характеромъ, выполнилъ всъ эти условія съ величайшею точностію. Въ самый потъ день и часъ, когда ему исполнилось 40 льтъ, подалъ онъ просьбу объ отставкъ, и пріъхавъ домой, такъ заторопился сватьбою, что черезъ недълю ужь былъ женать.— Но невъста повиновалась ему противъ воли своей, по одной только необходимости.

Видъвъ жениха своего не болъе двухъ разъ въ жизни, зная, что онъ вдвое ел старъе, она не могла чувствовать къ нему ни любви, ни дружбы, и въ то время, когда Бригадиръ занимался осадою Турецкихъ кръпостей, сердце ел сдалось на капитуляцію другому. Кому и какъ — разсказывать было бы лишнее: довольно знать, что на этотъ разъ оно не согласилось со властію родительской, которая иногда, такъ несправедливо, хочетъ имъть вліяніе на дътей, даже изъ за

дверей гроба. Бъдная дъвушка не могла безъ ужаса подумать о будущей судьбъ своей, и часъ, въ который долженъ былъ пріъхать женихъ ея, казался ей часомъ смерти.

Рышившись все открыть Бригадиру, который, въроятно, также не могь къ ней чувспвовать ничего особеннаго — даже считая за преступленіе поступить иначе, она думала пронуть его своей отпкровенностью, думала, что самое благоразуміе заставить его ошказащься ошь эшого союза, но ошиблась въ разсчетъ. Бригадиръ выслушаль разсказь ея такъ-же равнодушно, какъ бы рапоршъ о благополучіи полка. Просьбы и слезы отпчаянной не могли сильно подъйствовань на слухъ его, привыкшій къ стону раненыхъ и умирающихъ. Онъ даже ни сколько не обидълся птъмъ, что она предпочла ему другаго, пошому чипо считаль любовь чувствомь не сущсспівующимъ въ природѣ, называлъ ес бреднями воображенія, и доказывалъ невѣстѣ своей, чіпо время и должносіпь застіавять ее наконецъ выкинуть изъ головы эти бредни. Что было дѣлать несчастной? Отцовское завѣщаніе грозило проклятіемъ въ случаѣ сопротивленія— и бѣдная жертва пошла къ алтарю, какъ агнецъ на закланіе.

Такое супружество не могло быть счастливо, и имъло большое вліяніе на характеръ сына Бригадирова, о ко-торомъ я хочу говорить теперь. Онъчасто видълъ слезы своей матери, и тихая тоска ея нечувствительно перелилась въ его душу, со всъмъ не имъвщую каменной твердости души Бригадировой.

Молодой Людмирскій быль похожь на машь свою какъ физически, шакъ и морально. Въ большихъ голубыхъ глазахъ его выражалась шаже доброша

и чувствительность, да и во всъхъ черпахъ какая-то особенная пріятность, которая невольно привлекала къ нему съ перваго взгляда. За то онъ былъ любимцемъ ея сердца, отрадою въ гореспияхъ: для него она готова была переносить тягость своего существованія, для него только хошъла жишь. Но не смотря на швердую увъренносить Бригадира въ томъ, что жена его должна непремѣнно со временемъ исцълипься опть неблагоразумной спрасти своей, здоровье ея съ каждымъ днемъ болъе разстроивалось; тяжкая скорбь медленными шагами влекла ко гробу жершву свою, и Людмирскій 12 лыпъ остался сиротою.

Бригадиръ былъ не такой отецъ, который могъ бы замънить потерю нъжной, любимой матери. Людмирскій чувствоваль это слишкомъ живо и горесть его была неизъяснима. Онъ сдълался еже болъе задумчивъ и пасму-

ренъ; цълые дни проводилъ на могилъ обожаемой маменьки, думалъ о ней, плакалъ и чипалъ книги, копорыхъ послъ нея осшалось множесиво. — Такъ прошекли первыя лъша его, до шъхъ самыхъ поръ, когда наконецъ Бригадиръ, желая сдълашь изъ сына своего полезнаго слугу ошечеству, опвезъ его въ Кадетскій корпусъ.

Оштуда Людмирскій быль выпущенъ въ армію офицеромъ. Три года служиль онь върой и правдой, и конечно служиль бы долье: но въ одинъ день полковой командиръ, разстроенный выговоромъ дивизіоннаго, началь пакъ-же, въ свою очередь, распекать офицеровъ, и въ числъ ихъ и Людмирскаго, волосы кошораго показались ему немножко длинны. Слова Полковника слишкомъ сильно опізывались военного строгостью и были сказаны при цъломъ разводъ. Молодой человъкъ не могъ перенести этого равнодушно

и, не смотря на всъ увъщанія своего родишеля, повшоряемыя въ каждомъ письмъ: слъпо повиноваться старшимъ и не смъть передъ ними разъвать рта, рышился доказань командиру своему философически, что длина волосъ его не имъла никакого вліянія на устройство полка, что она не мъщала быть ему исправнымъ офицеромъ во все продолжение службы, и чипо сверхъ того не дълала безобразія во фронтпъ. Философія хороша, но не во всякомъ мѣсіпъ. Такъ точно она не понравилась и полковнику на мъстъ развода: онъ, чтобы прекрашинь скоръе ръчь орашора, взяль у него саблю, опправиль его на гаушпвахту и въ добавокъ еще погрозилъ остричь на барабанъ.

Давно ужь видимъ мы примъры, что от малыхъ причинъ быватот важныя слъдствія. Длина волосъ Людмирскаго не составляла еще большаго преступленія; прехъ-дневный арестъ былъ

дъломъ очень обыкновеннымъ и слъдовательно все это происшествіе ничего не значило; но слова: остричь на барабанъ, безпрестанно отзывались въ ушахъ молодаго офицера. Людмирскій думаль, что сь нимь поступлено несправедливо, что честь его обижена, словомъ: думалъ все то, что пюлько моженть придпи въ голову въ подобныхъ обстоящельствахъ 20-ти лыпнему человьку съ чувствительнымъ сердцемъ и нъжнымъ харакіпе. ромъ. На другой же день подалъ онъ въ отставку — и скоро получилъ ее.

Еслибы Бригадиръ узналъ какимъ нибудь образомъ, что сынъ его такъ рано вздумалъ оставить службу, що върно не позволилъ бы ему исполнить этого намъренія. Но Людмирскій имълъ предосторожность увъдомить его о томъ тогда только, какъ сдълался свободнымъ. Легко можно представить себъ, въ какой гнъвъ пришелъ Брига-

диръ при чтеніи этого роковаго извъстія; но исправить зла было не возможно, и все его наказаніе ограничилось тъмъ, что онъ запрешилъ сыну являться къ себъ на глаза: лишилъ его всякаго пособія и бросилъ на произволъ судьбы, т. е. предоставилъ ему волю жить, гдъ и какъ онъ хочетъ.

Положеніе Людмирскаго было бы ужасно, еслибь онъ не имълъ собственности; но мать оставила ему нъсколько тысячь денегъ. Желая усовершенствовать свое воспитаніе, котюрое казалось ему слишкомъ недостаточнымъ, онъ ръшился обътхать просвъщеннъйшія земли Европы и пустился странствовать.

Наконецъ Бригадиръ умеръ. Въ послъднія минуты жизни, сердце его смягчилось и онъ простилъ своего сына.

Людмирскій быль въ Лондонь, когда

получиль это горестное извъстіе. Желаніе увидъть опять свою родину, оросить слезами гробъ опца, хотя строгаго, но всегда любимаго, и прахъ обожаемой матери, закипъло въ душъ его, и вотъ онъ возвратился подъ родимую кровлю.

Оставивъ свою сторону еще въ дъпствъ, Людмирскій не имълъ тамъ и знакомыхъ. Чуждый всъмъ, не искапельный по характеру, онъ въ продолженіе почти четырехъ мъсяцевъ
жилъ настоящимъ опшельникомъ. Чтеніе и охота составляли главныя его
занятія, а впрочемъ ему какъ будтю
не было и нужды до людей, его окружающихъ.

Бригадиръ оставилъ сыну своему хорошее состояние; но отставка Людмирскаго и гнъвъ отпца, который онъ навлекъ на себя, заставили сосъдей смопрыть на него очень съ невыгодной спороны: многіе увъряли, что онъ въ чужихъ краяхъ надълалъ пъму долговъ, и что у него скоро ничего не останется; а уединенная жизнь его еще болье доставила работы языкамъ деревенскихъ жителей и жительницъ. Каждому хотълось знать, для чего онъ живетъ такъ; каждый полковалъ объ этомъ по своему и, какъ обыкновенно бываетъ, всегда въ худую оторону.

Иные говорили, что онъ не далекъ; другіе, что часто бываетъ на весель, и даже разсчитывали, по самымъ върнымъ слухамъ, дошедшимъ до нихъ, что онъ со дня прітзда своего выпилъ на 1000 рублей одного сантюринскаго, не считая ужь шампанскаго и мадеры; претыи утверждали, что онъ безбожникъ, и отъ того не хочетъ знаться съ православными; а четвертые безпрестанно повторяли, что отъ та-

кого человъка, который оказаль духъ вольнодумства, поссорившись съ опщемъ овоимъ, нечего ожидать добра. Самые милостивые считали его гордецомъ, или полоумнымъ, и во всемъ околоткъ ему не было другаго имени, кромъ нелюдима.

Не смопря на всв эпи слухи, распускаемые праздностью и злословіемъ, Людмирскій имъль прекрасное сердце, образованный умъ и ръдкія правила; но прівхавь въ деревню, онъ попаль въ кругь такихъ людей, которые спъпили заключить о немъ прежде времени, спавили въ непростительную вину поступокъ молодости, увлеченной понятіемъ о чести, и не въ силахъ были оцънить его.

Любя жизнь шихую и уединенную, онъ не быль мизантропомь; пюлько ни служба, ни пущеществие не могли разсъять пой задумчивости, которая

оспалась въ немъ съ самаго младенчества, а непріятность съ отщемъ, глубоко пронувшая его душу, накинула опппънокъ еще болъе мрачный на характерь его. Прітхавъ въ деревню въ началъ весны, прельщаясь красотами природы, вспръчая на каждомъ шату предмешы, которые спольживо отражали сладкія воспоминанія дъпешва, Людмирскій при такомъ расположеніи духа не спъшиль оппыскивань новыхъ знакомствъ съ людьми неизвъспными. Между плъмъ нъкоппорыя сдълки и акшы, найденные въ бумагахъ покойнаго Бригадира, застпавили его съъздишь, по дъламъ своимъ, кое къ кому изъ окружныхъ помъщиковъ; но не сыскавъ въ ихъ обществъ ничего, кромъ скуки и пріема довольно холоднаго, онъ совершенно оппазался отъ такихъ непріятныхъ бесьдъ.

Людмирскій быль философь: онь умъль избавляшься ошь скуки безь

помощи другихъ; спранные слухи, распускаемые о немъ сосъдями, которые иногда доходили донего, ни сколько его не безпокоили; не смотря на по, пакое въчное одиночество становилось ему въ шягосшь, и онъ, устроивъ дъла свои, можешъ бышь, поспъщилъ бы оставить этоть скучный край и перемънить образъ жизни, потому чию имълъ способы жишь вездъ пріяшно и независимо; но кромъ любви къ уединенію, кромъ устройства дълъ, его занимало и удерживало въ томъ мъстъ еще одно желаніе, котпорое мы сей часъ увидимъ изъ собственнаго письма его, писаннаго имъ къ одному изъ своихъ пріятелей.

«Не совъстно ли тебъ, любезный другъ, что ты, не смотря на данное слово, до сихъ поръ не соберешься навъстить меня? — Знаго, что ты любить удовольствія свъта, съ которыми тебъ трудно разстаться; но

помню также и то, что ты часто оставляль вечеринку какого нибудь помъщика, вь сосъдствъ котораго стояль полкъ нашъ, для того только, чтобъ заъхать въ дымную хату своего пріятеля, разсказать ему о новой побъдъ надъ черненькими или голубыми глазками милой провинціялочки, посторить, и посудить съ нимъ о суетъ мірской. Ты помнишь самъ, я думаю, какъ проходили у насъ въ этихъ спорахъ и сужденіяхъ цълые вечера, а нногда даже и цълыя ночи.

Теперь я, болье нежели когда нибудь, желаль бы поговоришь съ тобой; пошому что съ самаго прівзда сюда, можно сказать, безсловесень, и даже не вижу существа, которому могь бы сообщить хотя одну мысль свою. Есть люди, и ты, кажется, можеть стать въ числь ихъ — которые любять общество, каково бы оно ни было; но ты знаешь, что я люблю только

пакое, въ которомъ можно найдти пищу для ума, или чувствъ, и въ котпоромъ нътъ этикета, для меня ненависшнаго. Выпласкивая бывало меня насильно въ какой нибудь домъ, ты самъ видалъ, какъ я зъваю шамъ, сижу повъсивъ носъ, навожу на другихъ скуку, которую самъ чувствую, наконецъ спъщу уъхащь, чиобъ поскоръе приняться за книгу, или пойдпи бродипь, куда глаза глядяшь. Что дълать: я все тоть же чудакь, которому пы не могъ надивиться! Теперь выпащить меня изъ дома нъкому, да и сосъди мои люди шакіе, съ которыми поговорить не о чемъ. Я по абламъ своимъ долженъ былъ сътздише къ накошорыме изъ нихъ; но вездъ нашелъ одно и тоже: вистъ, бостонъ и самыя пошлыя церемонін. Ни липпператтура, ни шеатръ, кошораго многіе изъ нихъ не видали со временъ Екапперины, не входящъ въ составъ ихъ разговора. Они не имъющъ понятія объ удовольствтін, которое можетъ доставить хорошая книга, потому что чтеніе ихъ ограничивается одними Московскими газепіами. Каріпы составляють главное ихъ заняще: пересуды, и толки о политикъ -главный разговоръ ихъ. Но изъ всъхъ эппихъ прехъ вещей я ни до одной не охоппникъ: карппы наводяпть на меня сонъ, злословія я ненавижу, а сужденія о полипикъ въ успахъ пакихъ людей, котпорые ее не понимають и, между іпъмъ, съ таинственнымъ видомъ предсказывающъ собыщія, какихъ быть никогда не можетъ — ръшительно для меня нестерпимы. Возвращаясь каждый разъ от господъ этихъ сь жестокой головной болью, я даль себъ слово, больше не ъздишь къ нимъ.

Еслибы шы быль на моемь мѣсшь, шо вѣрно бы не вынесь шакого продолжишельнаго одиночесшва; но я, къ счасшію, умѣю заняшься и одинъ. По

прівздв сюда, первымъ двломъ моимъ было улучшить судьбу моихъ крестьянъ. Сельское хозяйспіво само по себъ имъепъ для меня мало привлекательнаго; но войдіпи въ него съ тъмъ, чтобы сдълать счастливыми людей, ошъ насъ зависящихъ, и облегчить работу тружениковъ — есть долгъ каждаго помъщика. Съ эпюй-по цълью именно и я дълаю кое-какія перемъны и завожу новое устройство въ моемъ имъніи. Книги замъняющъ мнъ щоварищей, а охота доставляетъ разсъяніе и поправляеть здоровье мое; словомь: я всегда заняшъ, заняшъ пріяшно но совстмъ шти чувствую иногда какую-то пустоту въ сердцъ!...

Не уже ли это от того, что я не исполниль своего назначенія, и занимаюсь не тьмъ, чьмъ бы долженъ быль заниматься?— Скажуть, что въ мон льта непремьно надобно служить Отечеству; но не уже ли все

общество должно состоять токько изъ судей и воиновъ? Миъ каженися, что и воинъ, и судья, и помъщикъ равно могутъ быть полезны Государству. Дълая счастливыми своихъ подданныхъ, я чувствую внутренее удовольствіе, засыпаю съ чистой совъстью, и слъдовательно исполняю свою обязанность.

Знаешь ли чіпо? Мнѣ, какъ л иногда думаю, недосшаешъ шолько или умнато, просвъщеннаго друга — шакого, на примъръ, какъ шы, — или доброй, милой жены.... Но я шакъ разборчивъ въ послъднемъ случаъ, чіпо желаніе мое едва ли когда исполнишся.

Помню я, какъ сквозь сонъ, что на погребени матушки, куда съъхался почти весь уъздъ, была одна дъвочька, которая много плакала. Ея слезы и слова нъкоторыхъ изъ гостей: « Юлія также сиротка,» глубоко връзались

въ моемъ сердцъ. Одинакое положение, казалось, сближало насъ, и я даже думаль шогда, чшо еслибъ она могла бышь сестрой моей, що я бы не шакъ живо чувствовалъ потерю матери. Мечта объ этой дъвочкъ, наружность которой имъла для меня какую-тю особенную привлекательность, долго наполняла мою душу; а по возвращении сюда, при взглядъ на могилу матушки, возобновилась съ новой силой.

Юлія живенть здѣсь въ сосѣдствѣ, и о ней разсказывають столько добрато и прекраснаго, что мнѣ очень бы хотьлось еще разъ взглянуть на нее. Но воть ужь нѣсколько мѣсяцевъ, какъ она уѣхала къ одному изъ своихъ родственниковъ. Теперь, думаю, однакожь скоро возвращится. Впрочемъ я еще и самъ не знаю, гдѣ и какъ ес увидѣть. Я не знакомъ съ ея родными и не хочу знакомиться прежде времени. Можетъ быть она совсѣмъ не такъ

мила и добра, какъ говорящь о ней, можеть быть совсъмъ не похожа на тоть идеаль, который составило мое воображение изъ маленькой сиротки.

Прощай, мой другъ! Прівзжай ко мнъ подышать деревенскимъ воздухомъ, и разскажи, не нашелъ ли ты истиннаго счастія въ шумъ и вихръ столицы, въ то время, какъ я отыскиваю его въ деревнъ.»

Въ комнапъ, убранной въ спаринномъ деревенскомъ вкусъ, оклеенной песпрыми обоями и украшенной мебелью изъ простаго дерева, на сиппцевомъ диванъ сидъла Анна Осиповна Ладова, спарушка лъмъ 60-пи. — Шелковый капотъ, бълая шаль и чепчикъ съ бълыми лентами, которыя Анна Осиповна надъвала только по праздникамъ, предпочитая бълый цвътъ всъмъ прочимъ, какъ эмблему невинности, потому

что состарълась въ дъвушкахъ, доказывали, что она ждала гостей. Передъ ней стоялъ столикъ съ двумя колодами картъ. И между тъмъ какъ старушка раскладывала пасьянсъ, племянница ея, молоденькая дъвушка, прелестная, какъ ясное весеннее утро, сидя подлъ окна, читала какую-то книгу.

- Что, Юлія, еще не ъдупть? спросила тепка, снявъ очки съ своего длиннаго носа и прогпирая ихъ плапткомъ.
 - Нъпъ, тетушка, не видно.
- Ну, спіало бышь браша задержаль судья и върно съ нимъ будешъ. Пожалуста, Юлія, прими его поласковъе; ты знаешь, съ какимъ намъреніемъ онъ пріъдеть; а нынче хорошіе женихи очень ръдки. Правда, и въ старину ихъ было не много.... Да пол-

но, матушка, читать-то: посмотри, у тебя ужь и такъ глаза помупились; а мнъ право бы хотълось, чтобъты нынче была какъ можно авантажнъе.

Дъвушка положила книгу, и на лиць ея показалась горькая улыбка.

Между шъмъ какъ сшарушка дълала шакія насшавленія своей племянниць, къ крыльцу подътхала коляска
и черезъ нъсколько минушъ вошелъ въ
комнашу мужчина среднихъ лъшъ, небольшой, плошной, краснощекой, кошораго звонкій голосъ раздавался за
шри комнашы: эшо былъ брашъ Анны
Осиповны, Дворянскій Предводишель;
а за нимъ и Судья, человъкъ лъшъ
35-ши, высокій, худощавый и одъшый по послъдней каршинкъ моднаго
журнала.

⁻ Рекомендую, сестра, сказалъ

Предводитель, господина Судью. Это фениксъ нашего дворянства, съ которымъ я давно хоптълъ васъ познакомить. —

Посль обыкновенныхъ привътствій, употребляемыхъ при первомъ знакомъствь, и когда Анна Осиповна отрекомендовала Судьъ свою племянницу и уладила такъ, чтобъ онъ помъстился поближе къ ней, Предводитель, который начиная какую никудь ръчь не любилъ скоро отъ нея опступаться, первый началъ опять разговоръ:

— Да, сказаль онь, я желаль бы, чиобь у нась было побольше шакихь дворянь, и увърень, чио шогда всъ дъла вь уъздъ пошли бы гораздо лучше. А що нъшь никакого единодушія: шошь больнь, шошь не ъдешь на выборы и никшо не хочешь служишь. Хлопочешь, суещишься и никакъ ничего не съющишь. Вошь шеперь есшь

хорошій Судья, такъ нѣтъ Исправника, и чорть знаеть гдѣ взять его! Дворянъ много, а выбрать не изъ кого. Ну, хоть бы на примѣръ, этотъ чудакъ, сосѣдъ твой Людмирскій, пріѣхалъ въ деревню и до сихъ поръ не покажетъ глазъ Предводителю!.. Не былъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, у тебя?

- Господи помилуй! сказала спарушка, перекрестившись, да за чъмъ онъ ко мнъ поъдетъ?
- Ну, пакъ не слыхала ли пы о немъ чего нибудь? Намъ въдь должно имъпь свъдънія объ эпакихъ. . . Понимаець? . .
- A развъ онъ разврашнаго поведенія? спросилъ Судья, поправляя галстухъ.
 - Говорять о немь и то, и другое...

Да ужь и это не такъ-то завидная аттестація, что онъ никому не по-казывается и сидить, какъ медвъдь въ берлогь. Отъ чегожь ты, какъ пріъхаль въ уъздъ, тотчасъ же ко мнь: и въ бостончикъ и въ вистикъ—и пошло у насъ по-пріятельски.

— Чего, братецъ, говорять, что онъ картъ-то въ руки взять не умъетъ.

— Не уже ли?**—**

— Да, Машвей Иванычь мит сказываль. Онъ пріть жаль къ нему за какимъ що дъломъ.

— Hy , чтоже ?—

— Не спалъ играпъ ни во чпо. У него паки кое-кпо были. Толковали о Государъ, о Миниспрахъ, а онъ ни полслова: не просидълъ часа и уъхалъ. Я ужь право думаю, не шпіонъ ли онъ какой.—

- Шпіонъ! сказалъ Предводишель подвигаясь; да шпіонъ сшалъ бы вездъ вздишь, все развъдывашь.
- А развъ этого нельзя сдълать черезъ людей? Посмотри-ка, какіе къ нему короба возять почти каждую почту: поговаривають, будто то изъ Парижа, то изъ Лондона. Я бы право, братецъ, совътовала тебъ когда нибудь хоть одинъ изъ нихъ распечатать, и ты бы върно нашелъ тамъ...
- Книги перебила Юлія, которая до тьхъ поръ не принимала никакого участія въ разговорь и занималась своей работпой.
- Какъ, книги, спросилъ Предводишель, вниманіе кошораго при словахъ: шпіонъ, Парижъ, Лондонъ, возрасло до высочайшей сшепени, и кошорый дълалъ ужь планъ, какъ бы

открыть мнимаго преступника.— Какія книги? — повториль онь, устремивь глаза на племянницу.

Книги, дядюшка, въроятно Французскія, или Англійскія. Людмирскій, говорять, охотникь читать и я слышала, что онъ выписываеть много книгъ.

- Спало быть, господинъ Людмирскій человъкъ умный и просвъщенный? спросилъ Судья.
- Должно шакъ думать; сверхъ того онъ много путешествовалъ. —
- Ты не усивла прівхать, а ужь все знаешь! сказала тепка, такъ-же недовольная замъчаніемъ племянницы, какъ и брать ея. И что за привычка въчно за всъхъ заступаться!
- Ну, да положимъ, продолжалъ Предводишель, конпораго все еще за-

нимала прежняя мысль, положимь, чио онъ получаеть и книги; да развъ въ книгахъ-то не могуть быть бумаги? Въ этомъ-то и состоить вся штука, а иначе какъ же бы они ухитрились переслать ихъ? . . Однакожь я клянусь всъми двънадцатью уъздами нашей губерніи, что открою это дъло, которое по справедливости можетъ назваться казуснымъ.

— Помилуйте, Осипъ Осипычь, сказалъ наконецъ Судья, которому пустые разсказы хозяйки и легковъріе Предводителя казались такъ-же смышны, какъ и племянницъ ихъ, — можеть ли быть, чтобы секретныя бумаги стали пересылать по почть? Вы же знасте, что у насъ теперьмиръ со всъми Европейскими державами.

Судья, можешь бышь, не сшаль бы прошиворьчинь ни Осипу Осиповичу,

ни почтенной сестрицѣ его, потому что имѣлъ на это свои виды: но тутъ была дѣвушка, которой онъ хотѣлъ доказать, что можетъ судить здравѣе ея тетушки и даже дядюшки.

Предводитель, считая Судью за оракула, не сталь спорить съ нимъ, но старушка была изъ числа тъхъ женщинъ, которыхъ и самыя ясныя математическія доказательства не могуть заставить отступиться отъ своего мнѣнія, какъ бы оно нельто ни было.

- Вы, господа, ничему не върише—сказала она; а что народъ говоритъ, то всегда сбывается: не даромъ, батюшка, слухи-то носятся, что Бонапартъ живъ, и что онъ у Турковъ. Такъ мудрено-ли, что его шпіоны разсыпаны по всему свыту.
- Полно, сестра— отвъчалъ Осипъ Осиповичь, взглянувъ на Судью и замъ-

тивъ, что на лицъ его опять показалась улыбка. — Можно ли всъхъ слутать. Да и я бы не совътовалъ тебъ говорить объ эпомъ— прибавилъ онъ, принявъ на себя видъ важнаго государственнаго человъка, потому что распускать такія въсти не должно для спокойствія Правительства... понимаеть?...

- Ничего не понимаю, баппошка; а знаю полько, что от этого нелюдима нечего ожидать добра. И матиушка-то его, покойница, не тъмъ будь помянута, такая же была. Никуда не выъзжала, и за мужъ-то шла Богъ знаетъ какъ. .. ты, я думаю, помниць того офицера? ..
- Пу какъ же не помнишь. Да Бригадиръ-шо держалъ въ рукахъ ес. Тошъ былъ человъкъ строгій, акуратный. Вообрази, брашецъ, при этакомъ-то опцъ онъ безъ позволенія вышелъ въ

отставку: изволиль разгорячиться на Полковника за то, что тоть его побраниль. Экая важность! я въ мою службу не разъ и дурака слыхаль отъ начальниковъ, да чтожь дълать. А?

- Натурально! сказаль Судья сквозь зубы.
- Послѣ того поскакалъ чортъ знаетъ куда. Теперь пріѣхалѣ въ деревню, живетъ здѣсь четыре мѣсяца слишкомъ и не знаетъ, я думаю, какъ зовутъ Предводителя. Скажи пожалуй, не явное ли это вольнодумство? Не имѣетъ никакой атенціи къ стартимъ!
 - А какимъ онъ чиномъ оставленъ?—
- Не знаю право ; только какимъто меленькимъ чинишкомъ.
- Знаеше-ли Осипъ Осипычь, чшо мнъ пришло въ голову? У насъ шеперь

нъптъ въ Земскомъ Судъ Засъдащеля: выберине-ка вы его.

— А что пы думаеть. Прекрасно! Тамъ онъ порастресетъ спесь то. А между шемъ все шаки надобно шеннушь кому нибудь изънашихъ, чтобъ поразвъдали поакурапинъе, какой ведепъ онъ образъ жизни, какъ обходится съ креспъянами, не вселяетъ ли въ нихъ какихъ нибудь вредныхъ мыслей... Тогда я слажу съ нимъ, доведу до свъдънія Правишельсшва... Понимаешь? Предводитель продолжаль бы еще горячипься, а спарушка злословипь своего сосъда и всю его родословную, еслибъ имъ не доложили, чипо гошово кушанье, и потому одинъ поспъшилъ заняться жирнымъ пирогомъ и щами, а другая хозяйственными распоряженіями.

Судья подаль руку дъвушкъ и за столомъ сълъ подлъ нея; только не смотря

на все его сплараніе завлечь Юлію въ разговоръ, хоппя несколько занимапельный, она отвъчала коротко, сухо и холодно. Сильный апешишь Осипа Осиповича не позволялъ ему обращать на это вниманія; но старушка, которой хотьлось, чтобы племянница ся блеснула передъ гостемъ умомъ своимъ и шаланшами, была замъчапіельнье, и дълала страшныя кривлянья, изъявляя свое неудовольствіе паниоминами. Однакожь ничто помогало. Казалось, что на душъ Юліи лежала какая-то дума, когпорая занимала ее больше разговоровъ судьи; разсъянность ея выводила изъ терпънія бъдную тетку.

Но Анна Осиповна еще больше былабы недовольна, еслибы знала, о чемъ думала Юлія, и опть чего она была пакъ разсъяна. Въ версть от деревни, въ которой жила Анна Осиповна съ своей племянницей, на свыплой, извилистой ръчкъ, спояла мъльница, окруженная лугами и пригорками, покрышыми кустарникомъ. Мъстоположение этой мъльницы и ея окрестностей хотя и не могло равняться съ какимъ нибудь картиннымъ видомъ Швейцаріи, однако было довольно пріятно, и Юлія часто ходила туда съ книгою, или съ работною.

По эшимъ первымъ чершамъ ел харакшера, по эшой склонносщи къ уединеннымъ прогулкамъ, иные могушъ счесть Юлію обращикомъ какой нибудь героини одного изъ шъхъ романовъ, которые нынче ужь выходять изъ моды: напрошивъ она совсъмъ не имъла то мности, свойственной существамъ этого рода. Нервы ел не были разстроены до такой степенти, чтобъ она при малъйшемъ, не-

ожиданномъ шорохъ падала въ обморокъ; воображение хотя и представляло ей вдали любовь и счастие, однакожь не подъ соломенной кровлей хижины. Правда, что Юлія была добра и чувствительна, но не проливала безпрестанно слезъ и могла очень равнодущно видъть смерть мухи, или другаго какого нибудь насъкомаго. Словомъ: характеръ ея представляль смъсь чувствительности съ веселостью, мечтательности съ какимъ-то мильть простодущіемъ.

Наканунь того дня, въ который объдали у Анны Осиповны Судья и братъ ея, Юлія, прельщенная тихимъ и яснымъ Ігольскимъ вечеромъ, пошла на любимое свое мъсто. Пробираясь черезъ кустарникъ, тропинкой глухой и узенькой, она подходила ужь къ пригорку, съ котораго открывались и ръчка, и луга, и мъльница, какъ вдругъ возлъ ногъ ея что-то за-

шевелилось — и пестрая змѣя, свивпись кольцомъ, съ свистомъ скользнула по густой травъ. Юлія ахнула, отскочила назадъ и наступила на острый пень, который, проколовъ тонкую подошву башмачка, вонзился въ ногу испуганной дъвушки. Пораженная страхомъ и болью, она вскрикнула еще громче и, на этотъ разъ, — должно признаться! — упала въ обморокъ....

Опомнившись, Юлія увидъла, что ее поддерживаль молодой человькъ пріятной наружности, одътый въ охотничье платье. Въ нъсколькихъ шагахъ отъ него стояло у дерева ружье и лежала собака. Это очень-бы удивило Юлію въ ту минуту, когда она открыла глаза, если-бъ чувство страха, оставшееся въ душъ ея, не заглушало всъхъ прочихъ чувствъ. Видъ змъи сдълалъ на нее сильное впечатлъніе, а боль, происходящая отъ занозы, заставила ее сначала подумать, что

она уязвлена ядовишымъ пресмыкающимся.

— Змѣя ужалила меня! — говорила она въ оптчанніи. — Нога моя распухла и я не могу пронупь ее!

Незнакомецъ, который до тъхъ поръ заботился только о томъ, чтобы привесть въ чувство несчастную дъвушку, бросился помогать ногъ ея, и наконецъ ему удалось ее успокоить, увъривъ, что змъя не сдълала ей никакого вреда, и что она только слегка поколола ногу.

Освободившись опть страха и собравшись съ мыслями, Юлія съ удивленіемъ посмотръла на молодаго человъка. Въ самомъ дълъ ей должно было показапься странно, что въ такомъ уединенномъ и извъстномъ ей мъстъ, она видитъ незнакомца; а его появленіе въ самую ту минуту, когда ей была

шакъ нужна помощь, его благородный видъ и нъжная забошливость, дълали все это еще болъе непонятнымъ.

— Я не знаю, сказала она слабымъ голосомъ, кого мнъ должно благодаришь, и кому я сшолько обязана?...

Молодой человъкъ сказалъ свое имя... это быль Людмирскій, котпораго охота, а можеть быть и другая цъль, завела въ этоть день далье обыкновеннаго. — Я быль не далеко отъ васъ, когда вы подходили къ этому мъсту—
прибавиль онъ — но вы меня не замътили.

Юлія, казалось, такъ-же не замыпила и не слыхала послъднихъ словъ его. Она въ молчаніи глядъла на нелюдима: точно какъ будто имя сто имъло въ себъ какую нибудь таинственную силу и приковало все вниманіе дъвушки.

- Однакожь вы далеко ходише на охоппу сказала она наконецъ, замъпивъ, что и Людмирскій смотритъ
 на нее очень пристально, и желая прекратить это молчаніе, которое продолжалось нъсколько минушъ.
- Это правда, что я нынче зашель далье, нежели когда нибудь: но, мнь кажется, съ избыткомъ и награждень за то. . . .
- Въ другой разъ въ жизни встръчаюсь я съ вами прибавила опящь Юлія, съ какой-іпо задумчивой улыб-кой и все при шакихъ случаяхъ, которые на долго остаются въ памящи.
- И такъ вы меня видъли... и стало быть помните....
- —Я васъ видъла очень давно; полько это время слишкомъ мнъ памятно... Тутъ

невольный вздохъ вырвался изъ груди дъвушки, и, казалось, какое-що горестное воспоминание пробудилось въ душъ ея.

— И такъ я не ощибся! — прошенталь Людмирскій съ восторгомъ. — Это въ самомъ дъль та, которую мнь такъ хотълось видъть! . . . По мьсту, гдъ встрытился съ Юліей, по всъмъ обстоятельствамъ, онъ догадывался, съ самаго перваго взгляда, что это она, и восхищался красотой ея, а эти слова довершили очарсваніе! . . .

Юлія была одъща въ шошъ день очень просто, но съ большимъ вкусомъ и пріятностью, пошому что дъвушки, даже и въ самыхъ уединенныхъ прогулкахъ своихъ, каждому деревцу и кусту любять казаться хорошенькими. Бълое платье ловко обхватывало гибкій станъ ея, перетянутый чернымъ, широкимъ поясомъ; на груди

у ней, на золотой цъпочкъ, висълъ маленкій, черный кресптъ; а шляпа изъ Иппальянской соломы покрывала ея голову. Кашпановые локоны упадали спруей на прекрасное лицо Юліи, щеки которой, послъ смершной блъдноспи, начинали покрываться легкимъ румянцемъ, и на длинныхъ ръсницахъ глазъ ея, свътлыхъ какъ ясное весеннее небо, блистали еще слезы, навернувшіяся оптъ боли и ужаса.

Людмирскому казалось, что онъ видинть передъ собой что-то неземное; сердце его сильно билось, какое-то неизъяснимое чувство кинъло въ груди. — Она лучше, нежели я могъ вообразить — думалъ онъ. Что если она и такъ добра, какъ о ней разсказывають?... Занятой этими мыслями, долго не могъ онъ отвъчать дъвушкъ, боясь сказать или слишкомъ много, или слишкомъ мало; но наконецъ пролепеталъ кое-какъ, что и самъ очень

помнишъ время по, о коппоромъ она говорила. Между іптмъ Юлія замътила, что ей неловко было продолжать разговоръ сидя на правъ, а пюварищу ея стоя на кольняхъ. Молодой человъкъ помогъ ей встать. Но дойдини до деревни пъшкомъ, съ больной ногой, она была не въ силахъ; осшавалось одно средство: идпи на мъльницу и оттуда послать за экипажемъ. И эпого опяпь она не могла сдълапь безъ помощи Людмирскаго. Легко можно представить, съ какимъ удовольствіемъ онъ взялся быть проводникомъ ея. Дъвушка шла опираясь на его руку, и это казалось ему счасиливымъ предзнаменованіемъ.

— Можетъ быть я буду ея пущеводителемъ и на пущи жизни—думаль онъ, и сладкія мечны волновали его душу. Дорогою начинали они разговаривать о томъ и о семъ, только, казалось, думали совсьмъ не о томъ,

о чемъ говорили, шакъ, что когда ръчь зашла о земляхъ, кошорыя обътхаль Людмирскій, що онь началь осуждать Англичанъ за излишнюю выпренносить и увъряль, что всь Французы спрадають жеспокимь сплиномь; Юлія, говоря о Литтературь, сказала, что любимый поэть ея Тредьяковскій, и чіпо сочиненія его очень милы. Не смоттря однакожь пю, что всь отвыты ихъ приходились не въ попадъ, разговоръ этотъ казался имъ очень занимашеленъ. Но когда они стали спускаться съ пригорка, когда Людмирскій, поддерживая дъвушку, долженъ былъ обхвапишь легкій стань ея, тогда онь забылъ совершенно и Францію, и Англію, и всь пять частей свыпа, а она забыла всьхъ поэтовъ въ мірь, не полько что умершихъ, но даже и существующихъ.

Наконецъ видъ мъльницы заставилъ

ихъ опомнишься , и они оба не могли поняпь , какъ она , казавшись пакъ далеко , вдругъ очупилась пакъ близко.

Всь окружные крестьяне любили Юлію за то, что она любила дълашь добро и помогаль бъднымъ. Хозяева мъльницы ахнули, усышавъ о несчастін, случившемся съ доброй барышней, и мъльникъ, желая показапь свое усердіе — на этпотъ разъ можетъ быть очень не кспапи — опрометью пустился бъжать въ деревню за экипажемъ. Думать надобно, что желаніе услужить въ самомъ дъль придало ему крылья, или моженть бынь время въ тотъ день летьло для Юліи скорье обыкновеннаго, шолько она шакъ-же невольно ахнула, увидъвъ пріъхавшую коляску, а Людмирскій, котпорый, поживъ съ Англичанами, сдълался большой охопникъ до закладовъ, гопповъ былъ держашь пари, что мъльникъ можетть почесться первымъ скороходомъ въ Европъ.

Не смотря на эпи замѣчанія, надобно было разспаться, потому что на дворѣ спановилось шемно. Легкій, незамѣтный вздохъ взволновалъ грудь дѣвушки, когда она поклонилась нелюдиму, и прощальный взоръ ея проникъ въ его душу. Долго стоялъ онъ на ближнемъ пригоркѣ, облокопясь на ружье, хотя темнота и даль давно скрыли отъ глазъ его и дѣвушку и коляску, и облако пыли, которое неслось за ней.

Прівхавъ домой, Юлія сказала теткъ своей, что наколола ногу; но обо всемъ прочемъ не упомянула ни слова. Отть чего ей не хоттьлось говорить о томъ, въ этомъ она и сама себъ не умъла дать порядочнаго отчета. Только можно было замътить на другой день, что разговоръ Предводителя и

Анны Осиповны, которые такъ напали на нелодима, сдълалъ на нее какое-то непріятиное впечатлъніе, и что Судья очень ей не понравился.

Этого она ужь не скрыла и отъ тепки; и когда гости утхали, ръшительно объявила, что никогда не согласится выйдти за человъка, у которато глаза похожи на кошачьи.

Въ самомъ дълъ на лицъ Судьи было написано какое-то коварство. Лукавая и насмъщливая улыбка сопровождала каждый взглядъ его, а ужимка, изгибавщая его въ букву S, каждое движеніе.

Можно сказать, что при самомъ рожденіи онъ получиль даръ разсчетливости, и потому разсудиль, что ему гораздо выгоднье вступить въ шпатскую службу, нежели въ военную.

Будучи отъ природы хитръ и пронырливъ, и часто принимая на себя фигуру буквы S — которая отъ привычки и сдтлалась въ последсивіи любимымъ его положеніемъ — онъ умъль снискань любовь своихъ начальниковъ и скоро получиль, какъ говоришся, тепленькое мъстечко. А получивъ его, разумъется, онъ не пропускалъ случая награвать руки, потому что въ этомъ никтю не мъщалъ ему, кромъ совъсти; но съ ней онъ не любилъ много разговариванть, счиная ее за брюзгливую старуху, которая вмішивается не въ свои дъла.

Не смопря на этотъ маленькій недостатокъ, его всѣ считали человѣкомъ прекраснѣйшимъ, потому что онъ умѣлъ очень искусно скрывать свои слабости, втирался всегда въ кругъ людей значительныхъ и мастерски приноравливался къ тому хозяина, или хозяйки дома. Обѣдая у какой нибудь почтенной старушки въ середу, или пятницу, онъ имълъ благоразуміе предпочитать постныя блюда скоромнымъ; бывая у вельможи, ходилъ на цыпочкахъ, говорилъ шопотомъ и употреблялъ очень кстати слово: да; но особенно былъ онъ любезенъ въ такихъ случаяхъ, когда для составленія партіи въ бостонъ, или вистъ, не доставало четвертаго.

Получивъ чинъ Коллежскаго Ассессора, онъ осшавилъ службу, прикупилъ къ маленькой своей деревенькъ большую и поселился въ ней. А дворяне, обрадовавшись человъку, кошорый съ шакими прекрасными качесшвами соединялъ еще и знаніе дълъ, возложили на него, при первомъ-же выборъ, должносшь Судьи.

Чтобы кончить карьерь свой, какъ делжно порядочному человъку, ему оставалось только женипься. Но такъ какъ Судья всѣ поступки свои, даже и самые маловажные, размъривалъ циркулемъ, безъ цѣли и плана не дѣлалъ ни одного шага, не говорилъ ни одного слова, и вездѣ спарался извлекапъ свои выгоды, що этотъ важный пунктъ оченъ затруднялъ его. Ему непремѣнно хотълось взять такую жену, которой имѣніе, сложенное съ его, составило бы сумму по крайней мѣрѣ втрое увеличившуюся, и которая бы, сверхъ того, могла доставить ему и связи, хотя нѣсколько выгодныя.

Всь эти разсчеты заставили его наконецъ обратить вниманіе на племянницу Предводителя, потому что она имъла и хорошихъ родныхъ и богатое состояніе.

Въ корошкую связь съ Осипомъ Осиповичемъ, Судья вошелъ ужь во время отсупствія Юліи, которая цълые полгода прожила у крестнаго отца своего и шакъ-же дяди со спюроны материнской. Но не смоттря на то, что прежде ему нигдъ не случалось видъпъ ее, онъ рышился намекнуть о намъреніи своемъ Предводипіелю, желая узнашь, какъ оно будешь приняшо. Замъппивъ-же, что Осипъ Осиповичь былъ очень радъ вступить въ родство съ нимъ и самъ сще выхвалялъ ему свою племянницу, онъ съ нешерпъніемъ ждаль ея прівзда, и надвялся, что ему очень не трудно будеть получить согласіе дъвушки, недавно оставившей пансіонь, незнакомой съ свыпомъ, и зависящей шолько ошь дяди, кошорый быль на его сторонь, и тетки, кошорая, по словамъ самаго Предводишеля, не видавъ никогда собственной свашьбы своей, желала, по крайней мъръ, увидъть скорье сватьбу илемянницы.

Съ такой-то надеждой явился Судья въ домъ къ Аннъ Осиповнъ. Но чъмъ

болье быль онь увърень вь успъхъ своемъ, шьмъ грусшнье было ему замьшишь, что конецъ дъла не такъ еще близокъ, какъ онъ воображаль себъ.

Между іпізмъ какъ на возврашномъ пуши въ городъ, Предводишель, послъ сышнаго объда и ньсколькихъ стакановъ вина, сладко дремаль, сидя въ коляскъ, товарищь его быль погружень въ глубокую задумчивость. Онъ зналъ, что Осипъ Осиповичь предупредилъ о намъреніи его и сеспіру свою и племянницу, и не постигаль, отъ чего Юлія, при самомъ первомъ свиданіи, приняла его піакъ сухо и холодно. — Странная дъвушка! — думаль онъ. — Тогда какъ весь уъздъ относится обо мнь съ хорошей спороны, когда родные ея одобряють мои исканія, она, повидимому, не хочеть, чтобъ я продолжаль ихъ... Но чемь же я ей не понравился? Физіономія моя не такъ еще несчастна, чтобы могла вселять

отпвращение съ перваго взгляда.... Припомъ же, мнъ кажептся, во всякомъ случав, благоразуміе пребовало бы прежде узнатпь меня хорошенько и потомъ ужь судить обо мнъ ръшительно... Не уже ли она такъ горда, что пренебрегаеть мной?... Или это шолько одно пришворсшво, одинъ женскій капризъ?... Странная, непоняпіная дъвушка !... И однакожь богапая, хорошенькая, миленькая!... Брр. . . . не уже ли всъ планы мон должны разрушиться?... При этой мысли Судья содрогнулся. Самолюбіе его такъ-же страдало жестоко, и пъмъ болъе, что кромъ богатитва и родословной, онъ нашель въ Юліи и красопу и умъ - спашья, которая хоша и не входила въ главный разсчентъ его оженитьбъ, но между тъмъ была для него очень пріяпна и заставила его почувствовать, если не любовь, то по крайней мъръ чио-то на нее похожее.

Теряясь въ различныхъ догадкахъ, превожимый въ первый разъ въ жизни какимъ-по непоняпнымъ ему безпокойствомъ, онъ съ завистію посмо-прѣлъ на своего товарища, и желая опобрать кое-какія нужныя свѣдѣнія по дѣлу, которое его столько занимало, рѣшился наконецъ прервать сладкій сонъ Предводителя.

- Осипъ Осипычь! сказалъ Судья.— Вечеръ безподобный. Какъ можно спашь въ шакое время?... Посмощрище какіе прелесіпные виды!...
- —Здъсь мъста чудесныя, отпвъчалъ Предводитель сквозь сонъ, и захрапълъ еще громче.
- Послушайте: теперь сумерки, спать вредно; да и притомъ-же мнъ надобно поговорить съ вами о дълъ.
 - О дълъ? спросилъ съ любопыти-

ствомъ Предводитель, котторый быль страстный охотникъ толковать о дълахъ. — О какомъ дълъ: о тижебномъ, или уголовномъ?

- Чорть бы тебя взяль сь твоими тяжбами! подумаль Судья. Просто я хочу говорить сь вами о вашей племянниць.
- A, понимаю. Что, брать, не правду ли я сказаль: умна, ловка, воспитана!
- Это все правда, только вы забыли еще прибавить, что и горда.
- Какъ горда! что ты, братець, почему ты это замъчаеть?—
 - По ея обращенію со мной.
- Помилуй! мнъ кажешся, она была тебъ очень рада... и на форшепьянахъ играла, и пъла...

- Она играла и пъла отъ того, что Аннъ Осиповнъ было эпо угодно; но я видьль гримасу, когпорую она сдъла-**4**а... Нъшъ, Осипъ Осипычь— продолжалъ Судья, принявъ на себя видъ смиренія — хогпя в всегда бываль далекъ опъ женщинъ и пошому небольшой знашокъ вънихъ, но между штьмъ понимаю вещи, и — позвольше вамъ сказапь, что посль вашего ко мнь расположенія, посль штхъ словь, копюрыя слышаль я опть вась, пріемъ Юліи Александровны показался мнъ очень страненъ. Если-же вы знали это напередъ, то для чего-жь было дълать изъ меня дурака?...
- Полно, брашець, не спыдно ли шебь такъ огорчаться капризомъ дъвчонки, которую, между нами будь сказано, тетушка по милости своей избаловала, и которая сама не знаеть, что дълаеть! Конечно, мы происходимъ отъ корошей фамиліи! Тутъ

Предводитель приняль на себя довольный видь. — Предки наши извъстны еще со временъ Царя Алексъя Михайловича. Ихъ вытхало двое: Романъ и Юрій. Романъ, отъ которато мы происходимъ, быль сначала у Царя сокольничимъ. Онъ уморилъ было любимаго Царскаго сокола и попалъ подътнъвъ; но послъ, по одному случаю, во время бунта, вошелъ отять въмилость и сдълался большимъ человъкомъ. Ты слыхалъ отъ меня когда нибудь эту исторію?...

- И не одинъ разъ, сказалъ съ досадой Судья, кошорому было совсъмъ не до шого, чшобы слушань анекдоны, давно ужь ему извъсшные.
- Да, виновашъ, я опіступиль опіь машеріи. Я хошъль сказащь мюлько, что хошя мы и можемъ похвалиться знашнымъ родешвомъ, людьми случайными, но все это не даетъ еще права

Юліи мечтать о себь такъ много, чтобы считать тебя партіей невыгодной. Ты самъ столбовой дворянинъ, имъещь хорошее состояніе, прекрасную репутацію.... понимаещь? Право я думаю, что тебъ такъ показалось. Въдь по одной гримась нельзя еще судить о расположеніи женщины: въ нихъ, братецъ, не скоро влъживь.

- Съ эппимь я согласенъ. Но если я вамъ скажу еще, чио она почти нехотя говорила со мной, иногда даже не слыхала вопросовъ моихъ, казалась невесела, задумчива: тогда и вы върно согласитесь, чио присупіствіе моє было ей не слишкомъ пріятно.
- Ну, брашъ, я вижу, что ты не на шутку връзался и дълаешь изъ мухи слона. Племянница вчера наколола ногу, нездорова и отъ того невесела: вотъ тебъ и все тутъ. Да и сверхъ того надобно тебъ знатъ, что въ нашей

фамиліи вст дъвушки очень скромны, и слъдовашельно, въ первый разъ тебя видъвши, она конфузилась... понимаещь? —

- Хорошо если-бъ это было такъподумалъ Судья. Но не смотря на разсказы о скромной жизни своей, онъ зналъ сердце женщинъ и не совсъмъ былъ согласенъ съ мнъніемъ Предводителя.
- Скажите мнъ, спросилъ онъ по минутномъ молчаніи: въдь Юлія Александровна не такъ еще давно, кажетися, вышла изъ пансіона?
 - Съ годъ.
- Это стало быть почти въ самос пю время, какъ и я прівхаль сюда. Но чьмъ она занимается въ деревнъ? Ей должно быть очень скучно.

- Любимое ея заняшіе: чишать книги. Что за память, братець! Пушкина наизусть такъ и ръженть.—
- Не льзя-же однако, чтобъ она цълый въкъ сидъла за книгами, и особенно въ ея льта. Можетъ быть, она такъ-же любитъ общество, танцы, и отъ того только не выъзжаетъ почти никуда, что Анна Оситовна ея не вывозитъ. —
- Нѣптъ, она и сама совсѣмъ не верпушка. Одно полько мнѣ въ ней не правишся, что она ходитъ навѣщать больныхъ крестьянъ, сама отыскиваетъ бѣдныхъ, помогаетъ имъ и пропасть издерживаетъ на это денегъ.—
- Такъ она любишъ дълашь добро подумалъ Судья — а я въ жизнь мою не сдълалъ ни одного добраго дъла.... Гм.... это худо; въ цъломъ уъздъ

нъпъ человъка, котпорый бы могъ прославить щедрость мою....

- Что, брать, или и тебь не по-нутру это? стросиль Предводитель, замытивь, что онь призадумался. Ты, выдь я знаю, малой-то разсчетливый. —
- Напрошивъ, отвъчалъ Судья, я часъ отъ часу больше удивляюсь прекраснымъ качествамъ Юліи Александровны. Теперь я въ самомъ дѣлѣ начинаю думать, что она не можетъ имъть пустаго тщеславія, и что развѣ какая нибудь другая причина заставила ее обойдтиться со мною такъ холодно. —
- Опять свое! Да какая же причина? Я ужь не понимаю. Когда мы съ сестрой, на прошедшей недълъ, говорили племянницъ о тебъ, она только и сказала, что ей не къ чему еще

спъщить замужствомъ, что ей надобно прежде узнать тебя хорошенько и что она иначе не согласится выйдти, какъ по склонности— такъ въдь эти пустяки говорятъ и всъ дъвушки въ такихъ случаяхъ.

— Знаю. И эпи слова, которыя ужь я слышаль от вась, никакъ не заставили меня потерять надежду. Но теперь.... Осить Осипычь! Кто можеть поручиться, что она не имъетъ ужь этой склонности....

— Какъ!

— Я хочу сказать, что, или въ бышность ея въ Москвъ, или вотъ теперь у своего родственника, не случилось ли ей, можетъ быть, видыть какого нибудь молодаго человъка, который умълъ обратить на себя особенное ея вниманіе....

- Тт. Нътъ, любезный, въ нашей фамиліи не было еще примъра, чтобы дъвушка осмълилась влюбиться безъ согласія своихъ родственниковъ. Ты меня понимаеть? Впрочемъ, если бы Юлія нашла человъка по сердцу, и, разумъется, достойнаго, то отть чего жь бы ей не сказать объ этомъ и мнъ, и теткъ своей.
- Мало ли есіпь причинъ, коїпорыя иногда застіавляють молчать въ такихъ случаяхъ.
- Что-же, сударь, развы вы думаете, что племянница моя имъетъ непозволенныя связи... интриги...
- Нъпъ, я этого не думаю... Но вы сами, Осипъ Осипъчь, человъкъ умный, и знаете, какъ слабо сердце женщины. Согласипесь же, что молодая, неопытная дъвушка, не смотря на весь свой умъ и хорошія правила,

очень легко можетъ быть увлечена страстью прежде, нежели посовътуется съ разсудкомъ. Впрочемъ, это въдь одни только предположенія, одинъ, можетъ быть, пустой страхъ... Признаюсь вамъ откровенно: Юлія Александровна — очаровала меня.

Слово: умный человъкъ, смягчило нъсколько Предводишеля, а ошкровенносшь Судьи совершенно ушишила гнъвъ его.

Видишь ли, сказаль онь сь улыбкою, что я хоть не пророкъ, да угадчикъ. Я еще изъ первыхъ словъ швоихъ замъщилъ, что ты безъ ума отъ любви. Однакожь все таки подозрѣнія швои непростительны. Юлія, у насъ, совсѣмъ не такъ воспитана, какъ ты думаєть, и я тебѣ докажу это. Въ будущее же Воскресенье поѣду опять къ сестрѣ, стану говорить съ племянницей рѣшительно, стану требовать настоятельно— и не будь я Уьздный Предводитель, если не кончу дъла, за которое взялся... Ты меня понимаещь?..

— Нѣптъ, Осипъ Осипычь, сказалъ Судья, подумавъ немного, вы этой поспѣшностью и настойчивостью можете все испортить. Ваша племянница, мнъ кажется, такая дѣвушка, съ которой надобно обращаться очень осторожно. Дайте мнъ узнать ее хорошенько, и тогда мы увидимъ, что должно будетъ дѣлать намъ.

— Ну , какъ знаешь. Только пожалусша выкинь шы изъ головы всъ эши глупосши.

Тупть коляска въвхала въ городъ и остиановилась передъ квартирой Судьи. Предводитель высадилъ своего товарища, пожелалъ ему покойной ночи,

и оппправился домой, нешерпъливо желая вознаградишь себя за пошерянныя минушы сна, копюрыя Судья оппяль у него своими разспросами.

Два пріятеля разстались совершенно сь различными чувствами. Не смоттря на пто, что было за полночь, не смоттря на желаніе Предводителя, Судья былъ далекъ ошъ шого, чтобы искать опдохновенія, и въ раздумьи, большими шагами ходилъ по комнашь. Слова и объщанія Осипа Осиповича ни сколько его не успокоили: онъ зналъ, что Юлія была въ совершенныхъ льтахъ и — по понятію, хотя и наскоро составленному о ея умъ и характеръ замъщилъ, чино дядя и шешка едва ли успъють принудить ее опдать прошивъ воли руку свою кому бы по ни было; а снискапть благосклонносіпь дъвушки ему казалось шеперь не такъ дегко, какъ прежде воображаль онъ. Между півмъ не хопівлось же ему и опіказапься съ самаго перваго шага опіь піакой невѣспы, богапство которой прельщало его, не хопівлось видѣть піакъ скоро всѣ надежды свои исчезнувшими. Словомъ, Судья быль похожъ въ піо время на Генерала, который, бросившись въ апіаку, замѣчаєть свою неосмотрительность, но не хочеть отступить назадъ, и не смѣеть податься впередъ, боясь ускорить рѣшительнымъ ударомъ собственное свое пораженіе. —

«Я сдълалъ большую ощибку — думалъ онъ — и началъ дъло совсъмъ не
такъ, какъ бы надобно... Но чортъ
же зналъ, что племянница такого
дурака, какъ нашъ Предводитель,
можетъ имътъ такія капризы, такія—
судя по словамъ ея дядюшки — романическія заттъи!... Прежде болванъ не
говорилъ мнъ ни слова объ этомъ....
Теперь остается одно средство:

ъздишь чаще къ Аннъ Осиповнъ, казапися спірасшными обожащелеми въспы моей, душить ее вздохами, поддълыващься къ ней всъми способами — и этакъ наконецъ, съ помощію шеривнія и ласкашельсивь, я можешь быть достигну цьли своей..... Ну, а если всь эти вздыханія не помогунть, если всъ пруды мои пропадушъ по напрасну?... Тогда я ужь останусь въ круглыхъ дуракахъ, и сколько насмъщекъ на меня посыплется!...» Тупъ Судью опять начинало брать раздумые, и онъ опять начиналь мфрять шагами свою комнашу. «Нъшъ — подумаль онъ наконецъ — прежде нежели я пущусь играть роль плаксиваго Селадона, которая совсьмъ не забавна, мнъ надобно узнашь, можно ли хошя сколько нибудь надъяться на успъхъ этого представленія.... Вдругъ въ головъ его сверкнула мысль; онъ позвонилъ, и маленькій человькь, сь черными, блеспіящими глазами, съ орлинымъ носомъ, въ засаленомъ нанковымъ сюршукъ, вошелъ въ комнашу.

Это быль приказный, который служиль вмысть съ Судьей, когда еще поть правиль должность Столоначальника. По своимь способностямы и уму, онь бы могы со временемы занимать хорошее мысто, но быль выгнань изыслужбы за лихоимство. Судья, зная его дарованія, взяль его кы себы, и оны быль у него домашнимы секретаремы, управителемы, повыреннымы во всыхы дылахы, которыя пребовали скрытности, а иногда исправлялы даже и должность камердинера.

[—] Чіпо шы дълаль безь меня, Юрковь? — епросиль Судья.

[—] Писалъ просъбу для того господина, который вчера быль у васъ. Только, воля ваша, хотя вы и приказали написать ее въ такой силь,

чтобы искъ его показать справедливымь, но сколько я ни ломаль головы, сколько ни переверпываль законы, а все не умъль приладить такъ, чтобы можно было хоть на одинъ изъ нихъ опереться. Развъвы сами.....

- Поди шы къ чорту съ своими законами! сказалъ Судья, все еще прохаживаясь по комнать и кусая себъ ногти. — Я совсъмъ не о томъ хочу говорить съ тобой...
 - Что же прикажете?
- Знаешь ли пы, что л тадиль смотрыть невъсту?..
 - Какъ же мнъ не знашь эшого.
- A почему? спросилъ Судья, остановившись и посмотръвъ на него съ удивленіемъ.

- Пошому, что объ этомъ знаетть весь городъ.
 - Какъ весь городъ?...
- Да, сударь. Эти дъла всегда узнаются прежде, нежели ихъ начинають дълать. Нынче цълый день всъ городскія барыни о томъ только и говорили, что вы женитесь на племянницъ Предводителя. Теперь върно скажуть, что у васъ была помолька, и можно биться объ закладъ, что есть люди, которые ужь спорять о томъ: въ Пятницу, или въ Воскресенье будеть ваша сватьба. —
- Чорптъ возьми праздныхъ людей! я бы совсъмъ не желалъ пакой гласности. —
- Чию же? Въдь женипъба еще не уголовное преступленіе; за это въ Сибирь не сошлють. —

- Ты, мнѣ кажешся, шолько и боишься, что Сибири, да каторги. Ну, а если, на примѣръ, дѣло какъ нибудь разстроится, что очень легко можетъ быть тогда что станутъ говорить тъ же самые люди, которые теперь толкуютъ о моей сватьбѣ?...
- Какъ, развъ невъсша вамъ не понравилась?
- Нъпъ , къ несчастью , мнъ кажется , вышло совсъмъ наоборотъ.
- То есімь, сь позволенія сказать, сіпало быть вы ей не показались?—
- Да, и признаюсь, чипо энио для меня не очень пріяшно.
- Просишель, который хочеть выиграть свое дёло, никогда не должень огорчаться первымъ отказомъ Секретаря—сказаль приказный съ ужимкой.

- —Понимаю, что пы хочень сказать, господинъ законовъдецъ; но мнъ кажется, что гораздо легче сыскать благосклонность Секретаря, нежели благосклонность женщины. —
- А я такъ думаю, что это все равно, потому что и въ томъ и въ другомъ случат есть върныя средства. —

Судья улыбнулся.— Не льзя ли сообщить мнъ хоть одно изъ этихъ средствъ? сказалъ онъ. Я очень любопышенъ слышать от тебя, какимъ образомъ можно понравиться женщинъ; и въ теперешнихъ обстоятельствахъ даже готовъ принять совътъ твой.—

— Однакожь, опівечаль лукаво Юрковь, вы, кажешся, не спрашивали меня объ эшомь въ шо время, когда понравились вдовушкь, къ кошорой и носиль ваши письма, и жень повышчика, къ шошорой помогалъ перельзать вамъ черезъ заборъ сада.....

При эшихъ словахъ Судья посмопрълъ вокругъ себя, какъ бы боясь, чиобы и самыя сшъны не подслушали ихъ и не вывели наружу вещей, копорыхъ онъ не любилъ пускапъ въ огласку.

- Переспіань врашь пустое, сказаль онь съ досадой, а говори пю, что я у тебя спрашиваю. —
- Извольше, сударь: я думаю, что съ нѣкоторыми женщинами должно обращаться такъ-же, какъ съ Секретарями, т. е. дарить ихъ; а съ другими такъ какъ съ начальниками, т. е. льстить имъ.
- Браво , Юрковъ! път часъ оптъ часу сплановищься умите. —

- —Опть вась просвъщаюся, милоспивый государь,— ошвъчалъ подьячій, съ низкимъ поклономъ и съ какою-шо язвищельною миною.
- A я право иногда думаю, чіпо самъ сашана даешъ шебъ уроки. —
- Ну, да это почти одно и тоже, подумаль плуть. —
- Послушай, Юрковъ продолжаль Судья, положивъ руку на плечо къ нему я знаю швой умъ и усердіе; шы помогаль мнъ во многихъ случаяхъ, и шеперь я имъю надобность въ швоей помощи болъе, нежели когда нибудь.

Глаза приказнаго заблистали радостью: онъ не зналъ еще, какой услуги хотълъ отъ него требовать патронъ его, но зналъ по крайней мъръ правило, что въ комъ имъютъ нужду, тому почти всегда бываетъ выгодно; а ласковое предисловіе Судьи еще болье въ томъ его увъряло.

- Въ чемъ же состоить дъло? спросиль онъ. Я готовъ служить моему благодъпелю.
- Правда, что порученіе, которое я хочу тебъ дать, немножко трудненько, но надъюсь, что тебя на это достаненть. Слушай: пы знасшь, какъ было бы выгодно для меня женипься на Предводительской племянниць, и по эпому ужь можень судинь, какъ буденть больно мнъ, если дъло это разстроится; а сверхъ того она такъ хороша, что, увидъвъ ее, я почувствовалъ что-то такое, чего не чувствовалъни къ вдовушкъ, къ которой ты носиль письма мои, ни къ женъ повышчика, къ кошорой я лазилъ черезъ заборъ. Холодный пріемъ ея, и даже видъ пренебреженія, оказаннаго ею мнь, терзають душу мою какой-то

мукой, заставляющей меня думать, что я за живо попаль въ адъ (при этихъ словахъ приказный невольно перекрестился), и я, во что бы то ни стало, хочу узнать, отъ чего она такъ дурно приняла меня, что обо мнъ говоритъ, что думаетъ — словомъ: хочу узнать всъ сокровенныя мысли и чувства ея... Можешь-ли ты сдълать все это!...

Юрковъ вышаращиль глаза и думаль, что Судья лишился разсудка. — Еслибь я — сказаль онъ наконець — въ самомъ дъль учился, у того учишеля о которомъвы говорили, тогда бы мнъ конечно не мудрено было влъзть въ душу къ вашей невъстъ; но такъ какъ я, благодаря Бога, покамъстъ еще не знакомъ съ нимъ, то мнъ и кажется, что вы требуете опъ меня невозможнаго. —

[—] Глупецъ! сказалъ Судья — шебя точно надобно учить еще многому!

Не уже ли шы не понимаешь, что для этого тебь стоить только переселиться поближе къ ней, познакомиться съ людьми ел, съ горничной, вкрасться къ нимъ въ довъренность? Не уже ли не понимаеть, что тебь надобно узнать отъ нихъ, о комъ чаще говорить барышня, съ къмъ переписывается; надобно красть, перехватывать письма ел и доставлять ко мнъ? Не уже ли не понимаеть наконецъ, что для всего этого нужны только ловкость и — деньги?...

- Понимаю, понимаю!— закричаль Юрковь, надъ которымь слово: деньги, произвело какое-то электрическое потрясеніе.— Я съ радостію готовь выполнить все, что вы мнъ приказываете.—
- Хорошо. Но знаешь ли ты, что это дъло требуетъ большой скрытности? Не должно подавать и тъни подозрънія, что я тупъ участвую.

- Что же мудренаго сдълать это? Въ той споронъ никто почти меня не знастъ.
- Но гдъ ты будешь жить, и подъ какимъ предлогомъ поселишься тамъ?...
- Я... ну, я, на примъръ... отправлюсь поохопилься... найму квартиру у какого нибудь крестьянина, буду таскаться сь ружьемь, случайно встрьчусь съ людьми, которые мнъ надобны, попрошу показашь, гдъ больше дичи у нихъ водишся, напою за это виномъ, и если въ томъ домѣ, шакъ-же какъ и во всъхъ почши господскихъ домахъ, люди не слишкомъ презваго поведенія, если горничныя дъвушки не слишкомъ стпротихъ правилъ, и если сверхъ эщого барышня имъешъ какую нибудь пріяпельницу, съ которой часто переписываенся: то будьте увърены, что я вь двь недьли кончу слъдствие, какъ

не льзя лучше. Только надобно, чипобы не было недосшатка въ финансахъ, котторые мнъ оттустится на непредвидимыя издержки. —

— Прекрасно! сказаль Судья, какъ бы не слыхавъ последнихъ словъ его. — Я самъ ничего бы не могъ лучше выдуматть. Но еще одно замъчаніе: барышня любишъ помогашь бъднымъ и больнымъ; шы долженъ шакъ-же и объ эппомъ развъдать хорошенько, и узнать всьхъ немощныхъ и убогихъ, когорыхъ она навъщаетъ. Можетъ быть обстоятельства заставящь меня самаго прівхань къ шебъ поохоннився, и мнъ бы очень хошьлось встрытиться съ ней въ какой нибудь полуразвалившейся хижинь, куда меня, натурально шакъ же какъ и ее, завлечешъ непреодолимая склонность къ добру. А въ доказашельство моего добродущія, прибавиль онъ вздохнувъ и вынимая кощелекъ свой, завтра по утру отнеси

эпи деньги въ богадельню и раздай ихъ бъднымъ; только постарайся сдълать такъ, чтобы объ этомъ узналъ весь городъ. Говорятъ, что добрыя дъла платятся сторицею; я хочу теперь испыпать это, и — почему знать — можетъ быть молва о моемъ подаяніи принесетъ въ самомъ дълъ со временемъ пользу мнъ. —

Кончивъ совъпъ и распорядившись такимъ образомъ, Судья бросился въ постель, желая наконецъ забыться сномъ и успокоится отпъ непріятныхъ чувствъ, которыя волновали его въ продолжение дня; но повъренной его долго еще разсчитывалъ, какую можетъ онъ извлечь для себя пользу изъ сдъланнаго ему препоручентя.

Между шьмъ какъ Судья дълаль планы свои, и, слъдуя правиламъ

Овидія Назона, располагался методически овладыть сердцемъ дъвушки, оно, казалось, и такъ было не въ обыкновенномъ своемъ положеніи.

Я сказаль уже въ началь этой повъсши, что Людмирскій служиль боганымъ предменюмъ для разговоровъ всьхъ старухъ и праздныхъ людей его околодка; но не смотпря на по, что эши разсказы были иногда слишкомъ злорьчивы, а иногда даже и нельпы, молодыя девушки слушали ихъ съ особеннымъ вниманіемъ, подвигались ближе къ своимъ бабушкамъ и тетушкамъ, когда птъ заводили ръчь о нелюдимъ, и принимали въ судъбъ его тайное участіе. какое-то Можетъ бышь ошъ того, чио молодость всегда бываетть снисходительнъе и добрње староспи; а можеть быть дъйствовала туть и другая причинаименно та, что нелюдимъ былъ красавенъ.

Этоть слухь распустили о немь двь, или три молоденькія его сосьдочки, когпорыя очень пристально посматривали на него, когда ему случалось проважать мимо ихъ верхомъ, на прогулку, или на охоппу. Онъ даже разсказывали нѣкоторымъ изъ своихъ пріятельниць, что и онь иногда на нихъ поглядывалъ, но топчасъ опяпь опускаль голову и повъся носъ продолжаль пушь свой. — Какъ жаль — говорили дъвушки, которыя такъ-же любящь кое о чемь пошолковащь между собою — какъ жаль, что такой прекрасный молодой человькъ такъ угрюмъ и не показывается въобщество! Судя по ловкости, съ котпорой онъ управляенть своею сердинного лашадью, онъ долженъ прелесино шанцовашь. -

[—] Не можешь бышь, говорили другія, что-бы онь ни съ къмъ не хошьль бышь знакомъ изъ одной шолько гордосии; онъ совсъмъ не шаковъ и кла-

няется всякому мужику, который передъ нимъ скинетъ шапку; а тупъ есть какія нибудь особенныя причины. — Тъ, которыя были подогадливъе, подозръвали, что онъ влюбленъ, и всъ вообще заключали, что въ исторіи его должно быть что нибудь чрезвычайное и очень трогательнос.

Есть случаи, которые съ самаго дъщенива остиающея въ памящи цълую жизнь. Такъ Людмирскій и Юлія помнили, что видъли другъ друга — можеть быть от того, что въ топъ день оба они потрясены были слишкомъ сильно однимъ и шѣмъ же чувствомъ горести, которую знали еще въ первый разъ въ жизни. Разсказы о нелюдимъ пробудили этпо воспоминаніе въ душть Юліи. Правда, чіпо время и возрасшъ, въ которомъ она видъла Людмирскаго, заставили ее забышь почти совершенно черты лица его; но она помнила, какъ плакаль онъ погда, какъ молился, — и ей казалось, чпо онъ не можептъ бышь шакъ дуренъ, какъ думала о немъ и говорила болшливая ея шешка; а слова подругъ, которыя увъряли, чпо на прекрасномъ лицъ нелюдима изображалась какая-по доброта, привлекающая съ перваго взгляда, еще болъе ушвердили ее въ эпомъ мнъніи. Вмъсптъ съ ними ломала она голову: оптъ чего ведешъ онъ шакую уединенную жизнъ, вмъсптъ съ ними заключала, что онъ несчасшливъ — и жалъла о немъ.

Обыкновенно по, что кажется нвсколько странно, и, по видимому, носить на себъ печать тайны, дъйствуеть на воображение, и особливо на воображение пылкое, разгоряченное чтениемъ и мечтами. Юлія имъла этоть грышокъ за собою. Разговоры о нелюдимъ, догадки о немъ, сдълали на нее какое то непонятное впечатльніе и даже возбудили любопытиство видъпъ чудака сосъда, который казален такъ задумчивъ, и вмъстъ былъ такъ корошъ. А нечаянная встръча съ нимъ и притомъ въ такую минуту... но я буду продолжать разсказъ по порядку.

День, котпорый провела Юлія съ госпіями, казался ей до безконечноспіи длиненъ; разговоръ дяди и шешки кололъ какъ иголками ея сердце, а учшивости Судьи приводили ее въ отпчаяніе. Она ничьмъ не была довольна, ничьмъ не могла заняшься. Даже вечеромъ, когда увхали гости, которымъ она приписывала всю свою скуку, ей сдълалось веселье. Бралась ли она книгу- глаза ел остпанавливались, какъ прикованные, къ одному какому нибудь слову, и она не могла понять тпого, что читала; принималась ли за работу — и тупъ опять все не ладилось. Наконецъ Юлія рада, рада была, когда осшалась одна и могла лечьвъ постель.

Однакожь бъдная дъвушка провела и ночь не слишкомъ покойно: все мечшалась ей то змъя, то заноза, а образъ нелюдима безпрестанно быль у ней передъ глазами, не смотря на то, что она спаралась зажмурить ихъ какъ можно кръпче. Только къ утру уже, тихій, благотворный сонъ, съ сладкими, прелестными мечтами, успокоилъ немного разстроенныя ея чувства, и она встала позднъе обыкновеннаго.

- Помилуй, матушка! сказала тетка, когда Юлія вошла къ ней. Можно ли спать такъ долго? Одиннадцатый часъ.... весь самоваръ выкипъть и я ужь одна напилась чаю. —
- Что жь дълать, тетушка; другую ночь я не могу скоро заснуть съ вечера. —
- Кто же въ томъ виноватъ? Чипаютъ до свъпа, а послъ спять до

объда, или ходяшъ какъ шальныя. Ну хошь бы вчера, въдь срамнехонько было посмотръщь: человъкъ пріъхаль въ первый разъ, и пріъхалъ шы знаешь съ какимъ намъреніемъ, а шы и двухъ словъ не могла сказащь ему порядочно; сидишь да зъваешь. Я чай онъ подумалъ: экъ дескать, матушка, не выспалась.

Между тьмъ какъ старуха ворчала, а Юлія принимая отть нее чашку, открывала роть, желая что-то сказать — вошель слуга и доложиль, что прівхаль Людмирскій. При этихъ словахъ тешка перекрестилась, а племянница сперва покрасньла, потомъ побльдньла и чуть, чуть не уронила чашку.

— Это что за новость! сказала Анна Осиповна. Чепыре мъсяца не ъздилъ и вдругъ вздумалъ пожаловать... Кажется, нъчего ему дълать въ та-

комъ домѣ, гдѣ однѣ шолько дѣвушки.... Скажи, башюшка, чшо я не здорова и не могу приняшь его. — Къ какой сшаши пріѣхалъ! продолжала она, когда слуга вышелъ. Безъ шебя не былъ ни разу, а шеперь вдругъ разлешѣлся... Видно ошцовскимъ-шо денежкамъ прошеръ глаза, шакъ началъ пронюхивашь, гдѣ есшь богашенькія невѣсшы. Нѣшъ, башюшка, нынче дураки-шо вывелись, никого не обманешь. —

—Что же ты, Юлинька, не пьешь чай-то? Онъ ужь, я думаю, совсьмъ простимъъ.

Если бы Анна Осиповна немного получше видъла, или по крайней мъръ была въ очкахъ, що конечно замъщила бы, что племянницъ ся гораздо пужнъе спиртъ, нежели чай, потому что она стояла какъ окаменълая на одномъ мъстъ, и въ томъ же самомъ положении, въ какомъ была въ то время, когда вошелъ слуга съ извъстіемъ о пріъздъ нечаяннаго гостя. Мысль, что Людмирскій прівхаль узнать о ея здоровью, сверкнула какъ молнія въ головь Юліи, и огонь пробъжаль по щекамь ея; но другая мысльчто при первомъ словъ его Анна Осиповна узнаешь о встрычь ихъ-заста. вила ее содрогнупься. Богъ знаеть, что она стала бы отвъчать тогда петкъ своей? Богъ знаеть, что подумаль бы о томъ и самъ Людмирскій?... Различныя чувства, которыя въ эту минуту волновали грудь дъвушки, были неизъяснимы и она не знала еще, грустипь ли ей о помъ, что ему отказали, или радоваться, чшо ошказъ эшошъ избавиль ее ошъ непріятной сцены.

Наконецъ спукъ опъъзжающихъ опъ крыльца дрожекъ заспавилъ Юлію опомнипься и невольно привлекъ ее къ окну. — Посмотрите, тетушка— сказала она, стараясь какъ нибудь скрыть свое смущение — какія у него хорошенькія дрожки.

— Давно знають, матушка, что онь щеголь и моть; да что въ этомъ проку-то? Ну къ чему въ деревнъ такой экипажъ.... Въдь что и сдълаетъ-то — продолжала старуха по минутномъ молчаніи и покачавъ головою — такъ все не полюдски: пріъхаль ни свъть ни заря!..

Между пітмъ какъ Анна Осиповна разсуждала, дрожки быстро скапились съ двора, поворошили на право и скрылись изъ вида.

«Что онь должень заключить теперь о тетушкь — и обо мнь!»... думала Юлія, отошедши оть окна и усъвшись за работу. « Онь помогаль мнь сь такою забыпливостью— тупъ

щеки ея покрылись румянцемъ- принимаешъ во мнъ шакое участіе, и за все эпо — его не приняли.... Прекрасная благодарность! »... Юлія начинала ужь раскаяваться, что скрыла отъ тепки встръчу съ нимъ... « Но какъ же мнь было сказапь объ эпомъ, подумала она опять! — Тетушка его такъ не любитъ.. можетъ быть самую доброшу его она перешолковала бы по своему, и върно ужь не пропустила бы случая побранить его за по, чпо онъ шакъ далеко ходишъ на охошу.... а мнъ всегда бываешъ шакъ грусшно, когда говоряшъ дурно о человъкъ, который совсъмъ того не заслуживаетъ !...ъ

Но Юлін и безъ того въ этопъ день было еще грустиве, нежели наканунь; даже выходили такія минуты, въ которыя у ней наверпывались слезы.

Часа въ четыре послъ объда, не

смотря на легкую боль въ ногѣ, пошла она походить, чтобы хоть какъ нибудь разсьять тоску свою, и сначала бродила безъ всякой цѣли и плана. Но потомъ, какъ-то, нечаянно попала на дорожку, которая вела къмѣльницѣ, какъ-то нечаянно поворотила въ сторону, въ задумчивости все шла далѣе и наконецъ — увидѣла Людмирскаго, который стоялъ на томъ же самомъ мѣстъ, гдѣ встрѣтились они въ первый разъ.

Онь, казалось, быль шакъ-же погружень въ задумчивосшь и даже не замышиль, чшо ша, о кошорой можешь бышь думаль онь, была ошь него шакъблизко. Сердце дъвушки сильно билось, и она не знала, впередъ, или назадъидши ей.... но собака, лежавшая у ногъ Людмирскаго, прежде всъхъ нарушила эшу молчаливую сцену. Она залаяла и Юліи ужь не ловко же было ворошиться.

Радость блеснула въ глазахъ молодаго человъка, когда онъ увидълъ дъвушку; но эта радость перешла въ скромную почтительность и какуюто тихую грусть, когда онъ подощелъ къ ней.

— Я прівэжаль давича узнать о вашемъ здоровьв — сказаль онь — но теперь кажется безъ вопроса могу судить, что приключеніе, котораго я быль свидътелемъ, не имъло никакихъ дурныхъ послъдствій. —

Эти слова и тонь, которымь были они сказаны, показались Юліи похожими на упрекъ за утренній отказъ; и ей совъстно было взглянуть прямо въ глаза нелюдиму.

— Пъпъ , опівъчала она съ милою опікровенносілью , нога моя все еще болипъ. —

- Болипть! сказаль съ участиемъ Людмирскій, котораго тронуль голось дъвушки до глубины сердца. Зачъмъ же вы не бережетесь и такъ далеко ходите прогуливаться?...
- Эпо. . . это от пого. . . что здъщнее мъстоположение очень мнъ нравится, говорила Юлія запинаясь. А вы, продолжала она, стараясь скрыть свое замъщательство, върно нашли здъсь много дичи, что такъ часто ходите сюда охопиться?...
- Нѣпъ, я не нашелъ здѣсь ни одной ппицы... но... но мнѣ пакъ-же понравилось мѣсшоположеніе... и вчера провелъ я здѣсь почти цѣлый день....

Сказавъ эти слова, Людмирскій опять призадумался. Въ глазахъ его изображалось восхищеніе, съ которымъ онъ смотрълъ на прелестную дъвушку, а на душъ лежало много птакого, что ему хоттьлось высказать.

- Отть чего, спросиль онъ по минупиномъ молчаніи, тетушка ваша не хоттьла видъть меня? Въ самомъ дъль она нездорова? —
- Да, отвъчала Юлія, попіупивъ взоръ.
- Но по крайней мъръ завшра, послъ завшра я могу надъяшься бышь у васъ?...
- Бользнь шешушки шакого рода, чио она не скоро пройдешь.

Людмирскій пристально посмотрыль на нее, какъ бы догадываясь, что это значило, и горькая улыбка показалась на лиць его. Но минушное чувство неудовольствія скоро исчезло; онъ переміниль разговорь и сділался опять весель. Это, какъ бы въ душь условленное свиданіе, милое обращеніе дівушки, ея ласковый взорь, ея замыша

тельство, все наполняло душу его неизъяснимымъ блаженствомъ, и онъ разстался съ нею восхищенный, очарованный еще болъе прежняго.

Грудь Юліи шакъ-же волновалась какимъ-що пріяшнымъ чувсшвомъ, когда она возвращилась домой. Но на завіпра шаже груспь, шаже непоняшная сила привлекли ее къ роковому мѣсшу у она опяшь видъла нелюдима, опяшь говорила съ нимъ....

«Ужь не переспапь ли мнъ ходипь пуда?» думала она. « Но чпюже? въдь я не прошу его бышь шамъ! и не уже ли должно лишишь себя любимой прогулки за то только, чпо мъсто это понравилось другому точно шакъ-же, какъ и мнъ?... Притомъ же онъ такъ скроменъ, такъ почтинпеленъ.» Можетъ быть Юлія видъла и сама, что разсуждала не слишкомъ справедливо; но гдъ же иначе

она могла видыпь Людмирскаго? А не видапть его, ей уже было невозможно, и невозможносить эппа съ каждымъ днемъ увеличивалась. —

Съ каждымъ днемъ лучше узнавала она его, съ каждымъ днемъ удивлялась болье его познаніямъ, уму, добродушію. Пылкія, иногда мечшашельныя сужденія молодаго человька плъняли Юлію. Часшо приносилъ онъ съ собою книги; вмъсшъ чишали они, судили, разговаривали и хошя не упоминали ни слова еще о любви, но можно навърное сказашь, чшо эши минушы были счасшливьйшія въ ихъжизни.

Время лешьло, и ничшо не возмущало спокойствія Юліи. Предводитель увхаль на какое-то сльдствіе и съ тьхъ поръ не быль ни разу у сестры своей. Да и сльдуя наставленіямъ Судьи, онъ не спышиль приводить къ окончанію сватовства его. Только Анна Осиповна напоминала объ эпомъ дълъ, ворчала, по обыкновенію, за неловкость, съ котпорой племянница ея приняла жениха, не хоптъла слышать, чтобъ она отказала ему и, не получая о немъ никакого извъстія, боялась до смерпи, какъ бы самъ онъ не отказался.

Между пъмъ свиданія прододжались. Людмирскій шакъ-же съ каждымъ днемъ болъе восхищался одушевленнымъ своимъ идеаломъ и видълъ, что только одна эппа милая, несравненная дъвушка можеть составить счастіе его жизни. Часто, глядя на нее, вспоминаль онь Греевь спихь, часто повшоряль его ей, и въ самомъ дълъ любовался Юліей, какъ цвышкомъ пустыннымъ. Однажды бесъда ихъ продолжалась долье обыкновеннаго, взоры чаще встръчались, разговоръ былъ ошкровеннъе, и счасиливецъ не могъ болье таить чувства, скрывавщагося

въ его сердцъ: — Юлія! — сказаль онъ, взявъ руку ея — что мъщаетъ нашему блаженству? ... Свиданія наши такъ кратки, разлука такъ горестна! Что же мъщаетъ намъ соединить судьбу свою — и никогда не разставаться? ...

- A родные мои... опівъчала Юлія прерывающимся голосомъ.
- Неужели вы еще недовольно узнали меня?..... Неужели родные шакъ мало имъюпъ къ вамъ довърія, что не одобрять выбора вашего?... Но, Юлія, скажи мнъ, хочешь ли ты этого, любишь ли ты меня?...

Роковое слово вырвалось изъ устъ Юліи и пылающее лице ел склонилось на плечо друга....

Въ то времи, когда Людмирскій высказываль прелестной дъвушкъ чувства свои, когда она, потупивъ взоръ, съ первымъ препешомъ любви слушала слова его, два человъка тихо пробирались по извилистой тропинкъ, которая шла от извъстной намъ мъльницы на пригорокъ. На одномъ изъ нихъ было надъщо чщо похожее на егерьскую куршку; на плечт его вистла изорванная охопіничья сума, и онъ, казалось, съ большимъ трудомъ тащиль длинное, заржавълое ружье. Другой превышаль перваго цьлою головою и быль закуппань въ плащь, воротникъ кошораго закрывалъ совершенно нижнюю часть лица его, а длинный козырекъ плотно надвинутой фуражки, сходясь съ ворошникомъ, оставлялъ ему шолько маленькую скважину для глазъ, въ которую онъ могъ разсматиривать дорогу. Они шли съ большою осторожностью и, казалось, боялись сдълать даже мальйшій шорохъ.

[—]На право, на право—сказаль шошь, кошорый быль поменьше, когда они

вошли въ кустарникъ. — Мы сей часъ придемъ къ мъсту ихъ свиданія.

- Я боюсь, не опоздали ли мы сказаль другой.
- Нъпъ. Въдь вы видъли, что дрожки его на мъльницъ, и онъ бы попался намъ на встръчу.

Разговаривая шакимъ образомъ, они прошли еще нъсколько саженъ, и егерь осшановился.

— Постойте здъсь, сказаль онъ щопотомъ. А я пойду и высмотрю прежде хорошенько. Только, сдълайте милость, подержите это проклятое ружье, которое связываетъ мнѣ руки, и которое я таскаю всякой день, чорть энаетъ для чего. —

Тупть подался онъ впередъ, съ осторожностью раздълиль выпви частаго

кустарника, посмотрълъ сквозь нихъ, и сдълалъ знакъ, чтобы товарищъ его приблизился. — Ну видите ли вы теперь— продолжалъ онъ, когда тотъ подощелъ къ нему — видите ли, что съ барышней гораздо скоръе можно встрътиться на чистомъ воздухъ, нежели въ какой нибудъ дымной хижинъ, какъ прежде думали вы.

Теперь върно всякой угадаеть, что человькъ одътый въ родъ егеря, быль знакомецъ нашъ Юрковъ, а другой, закутанный въ плащь, достойный его благодътель.

Трудно изъяснить, что почувствоваль Судья, увидъвъ въ придцати шагахъ передъ собою невъсту свою и нелюдима, которые въ упоеніи чистой, небесной любви забыли вселенную, въ цъломъ міръ видъли только другъ друга и не замъчали, что происходить вокругъ нихъ.

Долго стояль онь въ какомъ-то оцъпеньни и не въ силахъ былъ произнести ни одного слова.

- Что сударь? сказаль Юрковь Этоть господинь, кажется, охотишся удачнфе нась. Видно намь приходится ни съ чъмъ ъхать въ городъ и искать другой невъсты.
- Да, прошеппаль наконець Судья. Теперь я вижу, что ты сказалъ мнь правду. До сихъ поръ я не хотълъ въришь, чтобы дъвушка, которая, по словамъ дурака, ея дяди, бываетъ такъ скромна и застънчива въ присупіствій жениховъ, была способна на такой поступокъ!... Но, повърищь ли ты - прибавиль онь, схвативь за руку приказнаго съ такой силой, чипо тоть върно бы закричаль, еслибъ только не боялся открыть себя повъришь ли, что мнъ даже и въ эту минуту жаль потерять ес!... И я

не знаю, что мѣшаетъ мнѣ вонзить этотъ ножъ въ грудь злодѣя, который лишаетъ меня и счастія и богатства! — Говоря эти слова, онъ въ самомъ дѣлѣ взялся за длинный, охотничій ножикъ, которымъ вооружился на всякой случай, пускаясь на такое приключеніе.

— Боже вась сохрани! — сказалъ трепетущій Юрковь, который никогда еще не видываль своего господина въ такомъ бъщенствъ. Развъ вы не видипе, что возлѣ него лежитъ двуствольное ружье, изъ котораго онъ можетъ повалить насъ обоихъ прежде, нежели мы успъемъ оцарапнуть ему палецъ. —

Судья быль не изъчисла храбрецовь, и при взглядь на двуствольное ружье, природная трусость его начала брать верхъ надъ минутнымъ изступленіемъ, которое однакожь не совсьмъ еще утихло. —

- Такъ отъ чегожь намъ не предупредить его? сказалъ онъ, вспомнивъ, что и у него есть пакъ-же ружье,
 и поднимая длинный дробовикъ свой. —
 Но жаль, что я не мастеръ стрълять...
 да и притомъ же у меня такъ дрожатъ руки... на, другъ мой, выстръли
 ты, и однимъ спускомъ курка избавь
 меня отъ этого человъка!...
 - Ей Богу, вы, сударь, помѣшались! сказалъ приказный, принимая
 ружье и посматривая съ удивленіемъ
 на Судью, который ему казался и
 смѣшонъ и жалокъ. Правда, что я
 убилъ въ жизнь мою одного зайца, но
 это єще не заставитъ меня выстрѣлить въ человѣка. Вы знаете, что
 бываетъ за смертоубійство; а на мнѣ
 ужь и такъ много грѣховъ, за которые вѣрно достанется на томъ свѣтѣ,
 а можетъ быть, еще и на этомъ.—

[—] Но что же намъ дълать?... про-

шепталъ Судья жалкимъ голосомъ. — Неужели безъ бою уступить добычу разбойнику?...

— Какъ быть! Дъло наше проиграно, и кажешся шакъ, чио ужь его нельзя взять на аппеляцію. Наплюйте на все, и поъдемъ-те въ городъ. . . Эге! посмоприше-ка: онъ цълуешъ у нея руку. — Тушъ въ глазахъ у Судьи опять помупилось. — Этого прежде не бывало... пойдемъ-пе, они прощающся, и эшошь господинь, кошорый, какъ говорять, и всегда-то небольшой охопникъ до людей, върно будеть не очень доволень, если насъ здъсь увидишъ... Чортъ знаетъ, что моженть придши ему въ голову!... Пойдемъ-те же, сударь...

Юрковъ отпащилъ почти насильно Судью отъ мъста, на которомъ они стояли, и повелъ его другой дорогой, боясь, чтобы нелюдимъ не нагналъ ихъ. До маленькой деревеньки, гдѣ они осшавили лошадей, надобно было перейдипи версшы полшоры и во время эшого перехода буря, свирѣпсшвовавшая въдушѣ Судьи, нѣсколько поушихла. Онъ опяшь началъ разсуждать съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ и опяшь началъ сосшавлящь планы.

- Да— сказаль онь въ самомъ дълъ намъ надобно ъхапь въ городъ и при- помъ сей часъ же. Предводитель завира сбирался сюда, и мнъ должно переговорить съ нимъ, прежде нежели онъ увидится съ своей племянницей. —
- Но мить кажепися, какое бы онъ ни сдълалъ ръшишельное опредъление по вашему доносу, вамъ все будешъ мало пользы.
 - Нъшъ, я еще не отчаяваюсь.-
- Какъ! и не опказываещесь опть вашего намъренія?...

- Глупъ бы я былъ, еслибъ пустой предразсудокъ заставилъ меня опказаться отъ 500 душъ... Что такое любовь женщины? ... Нынче ей нравится одинъ, завтра другой... Если Юлія будетъ женой моей, то никогда его не увидитъ, и можетъ быть забудетъ со временемъ... Но пусть эта любовь и цълый въкъ терзаетъ сердце ея: эти мученія, эти слезы— будутъ служить для меня отрадою, я буду отмиценъ тогда... Испыталъ ли ты, какъ пріятно миценіе? —
- Одинъ разъ! Когда еще я служилъ Канцеляристомъ, товарищь перебилъ у меня выгодное дѣло, о которомъ я взялся хлопотать. Я отметилъ ему, т. е. далъ пощечину, и признаюсь, что мнѣ было это очень весело. Однакожь не знаю, какъ можно смотрѣть съ удовольствіемъ на слезы жены своей.

[—] Ты глупъ и ничего не понимаешь,

проворчаль Судья, неслишкомъ довольный шакимъ замъчаніемъ. Но надобно поспъщить, прибавиль онъ, надобно переговоришь съ Предводи пелемъ ныньче же вечеромъ и сдълать такъ, чтобъ ужь завшра имъ не удалось видъшься, потому что, при одной мысли о каждомъ изъ эппихъ свиданій, меня морозъ подираетъ по кожъ. — Только послу-- шай, Юрковъ: когда я совсъмъ пошеряю надежду женишься на племянницъ Предводителя, тогда пы смъло можешь разсказывань всьмъ и каждому о помъ, чпю мы видъли, и даже съ нъкопюрыми прибавленіями; но до штах поръ не смъй разинутть ртпа и будь молчаливъ въ эпомъ случав, какъ пошъ заяцъ, котораго убилъ ты.

[—] Кажептся, вы смѣло можете полагаться на мою скромность. Мы съ вами много ужь передѣлали такихъ дѣлъ, за которыя намъ не сказали бы спасибо, еслибъ они вышли наружу.—

Въ продолжение эпого разговора Судья безпрестанно прибавлялъ шагу. Они пришли на свою станцію, лошади въмигъ были заложены и лихая пройка помчала ихъ. —

Въ первый разъ въ жизни, Судья, который быль бережливъ на все, гналь безъ пощады лошадей своихъ. Кучеръ видълъ, что баринъ его былъ не въ обыкновенномъ расположении духа, а бъдныя животныя еще болъе это чувствовали, потому что съ нихъ валила пъпа, когда они остановились наконецъ у крыльца Предводительскаго дома. — Это было ужъ часу въ двънадцатомъ вечера, и Судъя боялся, что Предводитель, или спитъ, или гдъ нибудъ на бостонъ.

[—] У себя ли Осипъ Осипычь? спросилъ онъ вбъжавъ опрометью на лъсигницу, и чуть было не сшибъ съ ногъ

человъка, котпорый вышель встръ-

- У себя, сударь. —
- Не спить? —
- Htmr еще. —

Осипъ Осиповичь сидълъ въ своемъ кабинешъ, въ шлафрокъ, и курилъ прубку. — Ба, ба, ба! сказалъ онъ, увидъвъ Судыо. — Откуда такъ поздно? Что за платье на тебъ, что за ножикъ? . . . Куда ты нынче ъздилъ, братецъ? . . .

- Стрълять. —
- Вошъ шебъ на! Я еще въ первый разъ слышу, что ты охотникъ. —
- Не могу сказать, чтобъ я и быль имъ — опівъчалъ Судья, садясь на ди-

ванъ. Я ѣздилъ больше для прогулки, и знастпе-ли какъ далеко? почти подъ самую деревню вашей сестрицы.

- Эге! Да какъ тебя Богъ занесъ туда?
- Юркову кто-то навраль, что тамъ много дичи; а вмъсто того мы ничего не нашли.
- Что жь бы тебъ заъхать къ сестръ-то?

Какъ-же возможно: вы видише въ какомъ я косшюмъ. Впрочемъ я все шаки могу сообщипь вамъ о нихъ коскакія новосши.... сказашь, на примъръ, что Юлія Александровна здорова и — что я ее видълъ.

— Видълъ! Ага, пріятель, ты ужь не за тъмъ-ли и залетълъ-то шакъ далеко?...

- Нъпть, клянусь вамъ, что я ъздиль безъ всякаго намъренія, и встрътиль ее совсъмъ нечаянно. —
- Hy, пты въдь върно говорилъ съ ней... что, какънынче она съ птобой?...
- Нѣптъ, я не могъ говоришь съ ней пошому, что сна въ то время и безъ того была занята разговоромъ, и притомъ такимъ, которому помъщать мнъ казалось неловко. —
- Я что-то этого не понимаю сказалъ Предводитель вытаращивъ глаза.
- -- Послушайте, Осипъ Осипычь! продолжаль Судья важнымъ тономъ:— то, что я буду разсказывать, въ самомъ дълъ вамъ покажется странно, и потому прошу васъ, во первыхъ: выслушать меня хладнокровно, а во вторыхъ: върить мнъ, какъ честно-

му человъку. — Обойдя почти весь кустарникъ, который примыкаетъ къ деревнъ вашей сестрицы, и поворотивъ назадъ — къ мъльницъ: вы въдь знаете это мъсто — я такъ утомился, что принужденъбыль остановиться. Вдругъ слышу, что недалеко отъ меня ктото разговариваетъ. Любопытство заставило меня податься въ ту сторону и — судите о моемъ удивленіи — я увидълъ вашу племянницу, которая сидъла съ какимъ-то молодымъ человъкомъ....

- Какъ, съ молодымъ человъкомъ? сказалъ остолбенъвшій Предводитель.
- Не нужно разсказывать, какъ я смъщался; но къ счастію они такъ занимались разговоромъ, что меня не замътили. Тихонько удалился я отъ нихъ и пошелъ на мъльницу, чтобы утолить жажду, которая жестоко меня мучила. Тамъ увидълъ я дрожки,

и узналъ, что онъ господина Людмирскаго, который подъ предлогомъ охоты пріъзжаетъ туда всякой день.—

- Ну, что-же дальше?...
- Ну, это и заставило меня заключить, что молодой человъкъ, котораго я видълъ съ ватией племянницей, былъ никто другой, какъ онъ....
- Что это, сказки что-ли ты мнъ разсказываещь? ... Гдѣ, какъ, когда могла она съ нимъ познакомиться? ... Это вздоръ, сударь, ложь, клевета! ... Тутъ Предводитель вскочилъ съ мъта и такъ сильно треснулъ объ полъ глиняной трубкой своей, что она разлетълась въ дребезги.
- Пожалуста не горячитесь, Осипъ Осинычь. Вашъ крикъ и стукъ взбаламутящъ весь домъ. Я говорю вамъ то,

что видълъ собственными глазами, и какая-жь польза мнъ выдумывать небылицы.

- Гм!... Стало быть это върно?...
- Такъ шочно, какъ вы Предводишель, а я Судья.
- Прекрасно!... прекрасно! повтюрялъ Осипъ Осиповичь, ходя въ задъ и впередъ по комнашъ. — Желалъ бы я знашь, что скажеть теперь племянница... Умъла выбрапіь человъка!... Да это вздоръ! я покажу этому господину, каково шушишь со мной и дълашь такія казусныя дъла!... Пусть Правишельсиво взойдешь въ эшо: завшра же просьбу на Высочайщее имя, самому Государю... что Людмирскій обезчеспиль нашу фамилію, чию онъ... Голось Предводишеля, возвышаясь безпрестланно, прервался наконецъ отпъ сильнаго гивва, и онъ шолько съ какой-

по хрипью могъ произнести любимое свое слово: ты меня понимаеть?...

- Но какую пользу сдълаете вы себъ эпими жалобами?
- Какъ, какую?... Пусть судять его по законамъ.
- И весь судъ кончишся шъмъ, что его заставять жениться на вашей племянницъ, а на это онъ, я думаю, и безъ суда будетъ согласенъ.
- Да я не буду согласенъ загръмъль опять Предводитель я не буду согласенъ принять къ себъ въ родство этого гордеца, этого вольнодумца, этого опаснаго человъка, который... который... часъ отъ часу хуже себя рекомендуетъ....
- —И предпочитаетъ знакомство племянницы знакомству дяди — подхва-

пиль Судья съ язвишельной улыбкой.— Теперь сшало бышь вы сами видише, что просьбы ваши пи къ чему не послужащь, прибавиль онъ. —

- Однако согласись-же, чио эпо дъло щекоппливое, и чио миъ его нельзя шакъ осшавишь... понимаешь?
- Ну шакъ ступайте стръляться съ Людмирскимъ.
- Какъ стръляться? Помилуй, братецъ, что ты!
 - Да чию-же вы спанеше дълащь?
- Я ужь и самъ не знаю! сказалъ Предводишель, пожимая плечами.— И признаюсь шебъ, еще ошъ роду я не бывалъ въ шакихъ кришическихъ обстоящельствахъ.—
 - Послушайте, Осипь Осипычь, я

знаю средство, которое можеть вывесть вась изъ затруднения. Если бы, на примъръ, не смотря на это маленькое препятствие, намъ удалось кончить дъло, которое мы начали; если бы вы могли уговорить Юлію Александровну, чтобы она выкинула изъ головы всъ глупости и послущалась васъ, тогда бы все осталось между нами и вы были бы совершенно покойны...

- Чіпо **шы** за аллегорію несешь міть?...
- Я хочу шолько сказашь, что все еще почель бы за большую честь вступить въ родство съ вами.
 - И ты говорить это не тупя?
- Что же тупть страннаго? Я слишкомъ далекъ опъ того, чтобы минутное заблуждение сердца неопытнаго

считать важнымъ проступкомъ. Да и сверхъ того мое уваженіе и любовь къ вамъ такъ велики, что я бы, кажется, готовъ былъ пожертвовать всъмъ для вашего спокойствія.

- Теперь-то я вижу, какой ты славный малой сказалъ Предводитель, обнимая Судью; шеперь-то вижу, какой ты единспвенный человъкъ! Ну, брать, у меня какъ гора съ плечь свалилась. —
- Однакожь, я думаю не шакъ-шо легко будеть склонить на это вашу племянницу возразилъ Судья, стараясь освободиться изъ его объятий.
- Гмь! склонишь. Да развъ я не дядя? развъ не умъю принудишь.... А не що въ монасшырь!...
- Эши угрозы, котпорыя едва-ли могуть быть исполнены, ни къ чему не

послужать, и вы гораздо лучше сдълаете, если съ кротостію напомните ей, что она забыла свои обязанности; докажение невозможность вступинь въ союзь сь человькомь, о конпоромь всь имъютъ такое невыгодное мнъніе; и наконецъ дадите почувствовать, что неосмотпрительные поступки ея могупть нанесивь ей пятно неизгладимое. Но когда ужь все это не подъйствуеть, въ шакомъ случав останется толькоудалишь ее оппсюда, и ждашь, чтобы время и разлука изгладили въ сердцъ ея чувство, которое върно не могло еще слишкомъ сильно укоренипься.

При каждомъ словъ Судьи Предводитель кивалъ головою въ знакъ согласія и слуппалъ его разинувъ ротть. — Прекрасно! прекрасно! повіпорялъ онъ. — Ты, братіецъ, говоришь, какъ книга! Я сдълаю все точно такъ; и если ужь въ самомъ дълъ не слажу съ племянницей, то упоромлю ее опять къ креспному баппошкъ. Онъ ее скоръе приведетъ въ резонъ. —

Настроивъ Предводителя, Судья простился съ нимъ. Онъ видълъ, сколько препятствій надобно было преодольть ему; но хотвлъ испытать всъ средства, и покамъстъ хоть разлучить любовниковъ.

Людмирскій не хошъль болье скрывать любви своей от родныхъ Юліи и рышился познакомиться съ ними въ первый же разъ, какъ полько Предводитель прівдеть къ Аннъ Осиповнь. Онъ надъллся, что ему не трудно будеть истребить то ложное понятіе, которое они имъли о немъ; но Юлія, зная лучше характеръ своего дяди и тетки, все сще боялась слишкомъ сильнаго предубъжденія ихъ противъ человъка, которому она отдала свое сердце. Волнуемая и чувствомъ любви и думой

о будущемъ, встала рано она на другой день и оппворила окно, желая освъжишься чисшымъ, ушреннимъ воздухомъ. Вдругъ послышался колокольчикъ: это былъ Предводитель. По условію съ Людмирскимъ, Юлія должна была извъстить его опрівздъ дяди, и сердце ся стъснилось, когда она увидъла, чио ръшительная минута такъ близко. Анна Осиповна, хопія сполько вспревоженная, не менъе однакожь удивилась раннему посъщенію своего браша, кошорый, мучаясь неперпъніемъ излишь гиввъ свой на племянницу, поднялся еще до свъта и цълую дорогу обдумываль, какъ бы получше сыграть свою роль.

Желая послъдовать съ точностію благоразумнымъ совътамъ, которые подалъ ему Судья, онъ ръшился принять тонъ важный и тихій, что совсъмъ не шло ни къ его характеру, ни къ разговору, обыкновенно слиш-

комъ громогласному. Самая физіогномія его и поступъ, отть этой несвойственной важности, сдълались такъ странны, что Анна Осиповна еще болье удивилась, когда онъ вошелъ въ гостиную, и думала, что съ нимъ случилось какое нибудь необыкновенное происшествіе.

- Что это, баттошка? спросила она. Ужь не сдълалось ли съ тобой какого несчастія? Ты никогда не ъзжалъ къ намъ такъ рано; да и видь твой мудренъ какъ-то...
- А то, что ты услышить оть меня, покажется тебъ еще мудренье— отвъчаль Осипъ Осиповичь. Останься, племянница, продолжаль онъ обратясь къ Юліи, которая, поздоровавшись съ нимъ, хотьла выдти и написать къ Людмирскому останься съ нами; то, что я буду говорить, касается тебя. —

- Върно опять о женихъ подумала Юлія. Между шъмъ Предводитель заперъ дверь, сълъ, откашлялся и началъ.
- Ты помнишь, я думаю, сестра, сказальопь, что покойный брать нашь, а племянницынь отець, умирая, препоручиль ее нашимь попеченіямь; помнишь, я думаю, что онь просиль нась....
- Какъ не помнишь! подхващила Анна Осиповна. Я какъ шеперь гляжу на покойника. Брашецъ, сказалъ онъ, и шы сесприца... Тушъ Анна Осиповна зарыдала и не могла говоришь болъе.
- Онъ просилъ насъ, продолжалъ Предводишель, чиобъ мы засипупили ей мъсто опца и матери, и мы....
 - Это ужь было послъ исповъди-

сказала опять старушка вздохнувъ и упирая слезы.

- Сдълай же милость, сестра, не перебивай меня. Какая нужда до того, прежде, или послъ исповъди онъ говориль это. Дъло только въ томъ, что я хочу напомнить племянницъ ел обязанности, которыя она забываеть, выходя изъ должнаго къ намъ повиновенія— понимаеть?... А ты не даеть мнъ кончить!...
- Чъмъ же я это доказала?— спросила удивленная Юлія.
- Тъмъ, сударыня вскричаль сь сердцемъ Предводишель, увидъвъ, что ему никакъ не удалось сказать и половины приготовленной имъ ръчи, въ конорой онъ хотълъ показать, съ какою точностно выполнены имъ препорученія покойника, и исчислить Юліи всъ права свои на ея признательность—

тьмъ, сударыня, что вы слишкомъ дурно приняли жениха, котораго мы вамъ назначили, а между тьмъ, забывъ всякую благопристойность, безъ въдома нашего, изволите прогуливаться съ нъкоторыми молодыми людьми... Понимаете?... А! что вы такъ покраснъли?... Видите ли, что мы все знаемъ.

Туптъ Предводитель разсказалъ сестъръ своей все слышанное имъ оптъ Судьи, слово въ слово, не забывъ шакже упомянуть и о его великодущи.

Въ продолжение этпого разсказа, Анна Осиповна едва не лишилась чувснъ опъ изумления и ужаса, и прочла всъ извъсшныя молишвы и заклинания пропивъ нечисшаго духа, который по ея мнънио овладълъ душою Юлін; а бъдная дъвушка сидъла, какъ приговоренная къ смерти, и слезы катились по щекамъ ея.

- —Ну что же, спросиль у ней Предводишель, скажете вы теперь въ свое оправдание?—
- Дядюшка! онъ шакъ благороденъ... шакъ почшителенъ... мы шолько чишали съ нимъ — говорила Юлія въ смущеніи. Но увъренность въ непорочности своего сердца помогла ей наконецъ собраться съ духомъ. Съ благородною откровенностью отвъчала она на вопросы дяди и съ швердостью прибавила, что выборъ ея сдъланъ и что она и сама не хоптъла болъе шаить чувствъ своихъ.—
- Вздоръ! закричали въ одинъ голосъ дядя и шешка, когда услышали, что Людмирскій хошълъ пріъхать къ нимъ. Чтобы онъ не смълъ показываться къ намъ на глаза: мы не хотимъ и слышать объ эпомъ!....
 - Право, дядюшка, онъ совсъмъ не паковъ, какъ говорящъ о немъ, и если

бы вы хоппь одинъ разъ его увидъли, по върно бы....

- Онъ еще хуже нежели какъ говорять о немъ перебила Анна Осиповна. Это демонъ искуситель, это змъй, который соблазнилъ Евву и лишилъ ее царства небеснаго!
- —Полно, племянница—началь опять Предводищель, спараясь принять важный пюнь свой. Оставь эти глупости. Послущайся нашего совъта и согласись выйдти за человъка, который такъ добръ и великодущенъ... понимаещь?
- Нъпъ, дядюшка, сердце мое принадлежипъ другому и я никогда не соглашусь на эпо.
- Господи, Боже мой! вскричала Анна Осиповна, сплеснувъ руками; дъвушка не спыдишся говорить, что

сердце ея принадлежить другому: воть до какихъ времень мы дожили! Да я въ твои-то годы боялась пристально посмотръть на мужчину, а ты ужь устъла отдать свое сердце и еще разсказываеть объ этомъ!... Такъ ли я тебя воспитывала? Все это отъ пансіоновъ, да отъ книгъ, отъ проклятыхъ! А ужь я чай онъ то какія книги читалъ съ ней... Мать Пресвятая Богородица, прости меня гръшную! волосъ дыбомъ становится!...

Предводитель продолжаль уговаривать племянницу. Онъ просиль, приказываль, угрожаль, однакожь ничто не помогало. —У меня есть такъ-же родные съ матушкиной стороны — сказала она наконецъ: — Върно и они не одобрять принужденія, которое вы хотите мнъ сдълать. —

О, если ужь пакъ, сударыня, если вы ужь совершенно выходище изъ по-

виновенія къ намъ, що миѣ шочно ничего не осшается больше дѣлать, какъ шолько отправить васъ къ вашему крестному батюшкѣ, къ Холмскому. Мы увидимъ, одобритъ ли онъ такъ-же и ваши поступки . . . Извольте сбираться въ дорогу: вы завтра же ѣдете.

Этоть крестной отець Юліи, и, какъ я ужь сказалъ, родной дядя ей по машери, быль умный, веселый спарикъ, незараженный никакими предразсудками, и который, сверхъ того, любиль свою крестницу какъ родную дочь. Юлія знала, что онъ приметь въ судьбъ ея большое участіе и хопітьла сама опінеспінсь къ нему; но совсьмъ пітьмъ скорое и нечаянное ръшеніе Предводишеля удивило ее и, казалось, было ей не совсьмъ пріяшно. А Анна Осиповна, котпорая, не смотря на то, что была сердита на племянницу, не могла безъ слезъ подумать

о разлукъ съ ней, не хошъла и слы-

- Какъ! сказала она въ другой разъ ъхашь ей шуда, въ другой разъ осшавишь меня одну!... Да развъ не я засшупила ей мъсшо машери, развъ не меня должна бы она ушъщашь на сшаросши?... Нъшъ, башющка, ни за чшо не ошпущу ее. Не лучше ли написать къ Николаю Петровичу? Если онъ желаетъ ей сшолько же добра, какъ мы, що пускай пріъдеть самъ: всъ-шо вмъсшъ мы скоръе приведемъ ее въ разсудокъ, нежели онъ одинъ.—
- Гм... написать къ нему... а между тъмъ она будетъ продолжать прогулки свои и чтеніе?
- Если вамъ не угодно, дядюшка, чтобы я его видъла, сказала Юлія, то ужь я върно не ръшусь васъ ослушаться. —

- Да сохрани ее Господи! прибавила Анна Осиповна. Нъпъ, братецъ, положись на меня и пиши къ Николаю Петровичу. Эпакъ право будетъ лучше.
 - Ну, а ежели онъ не пріздеть?
- Все шаки мы увидимъ, чию онъ будеть отвъчать. Узнаемъ, хоть изъ письма, его мнъніе, и тогда посмотримъ, чию дълать. Богъ милостивъ, братецъ, я все еще не теряю надежды увидъть племянницу подъ вънцемъ...

Съ Анной Осиповной мудрено было сладить. Предводитель же зналь, какъ Юлія уважала крестнаго отца своего, и самъ ужь начиналь думать, что дъло пойдеть гораздо лучше, если онъ только пріъдеть; а что старикъ возьметь его сторону, въ этомъ быль онъ увъренъ, и потому ръшился наконецъ послушаться сестры своей.

Возвращись въ городъ, онъ шошчасъ сообщиль о перемънь общаго ихъ плана Судьъ, и сначала шому это очень не понравилось. Но когда Осипъ Осиповичь прибавиль, что въ случат неудачи. Юлія все шаки отправится отсюда, и что до тъхъ поръ она не увидится съ Людмирскимъ, то онъ расчелъ, что ничего туть не теряетъ и помогъ еще Предводителю написать письмо, въ которомъ постърался раскрасить своего соперника самыми черными красками.

Юлія такъ-же въ это время не оставалась безъ дъйствія и цълый вечеръ писала. Толстый пакеть, адресованный его на имя крестнаго папеньки, заключаль въ себъ исторію ея сердца; а маленькой записочкой она увъдомила Людмирскаго обо всемъ случившемся и просила его пичего не предпринимать до времени.

Почта отправилась. Отвъта надобно

было ждать черезь двь недьли, и эпи двъ недъли казались Юліи цълымъ годомъ. Врочемъ не одна она желала, чтобы время тоски и неизвъстности прошло поскорье. Людмиракій такъ-же груспилъ и не зналъ, чъмъ все эпо кончипся. Часто посъщаль онь то мъсто, гдъ провель столько счастливыхъ минушъ, но и шамъ не находилъ ошрады: оно стало теперь пусто и одиноко. Сама Анна Осиповна счиппала всь дни и часы но пальцамъ, каждый вечеръ гадала въ каршы, и говорила, чіпо префовый король непремінно долженъ быпь въ дорогь.

Наконецъ Предводишель получилъ ошвъшъ, кошораго ждали съ шакимъ нешерпъніемъ. Холмскій увъдомляль, чшо въ слъдъ за письмомъ своимъ онъ выъдешъ самъ; но о кресшницъ своей не упоминалъ ничего и не приписывалъ къ ней ни слова.

Это письмо привело всъхъ въ дви-

женіе. Анна Осиповна восхищалась, что подала братту такой благой совыть, и вмъсшъ съ нимъ надъялась, чио шеперь все скоро кончипся по ихъ желанію. Судья началь составлять планы, какъ ему поддълашься къ новому, неизвъстному лицу, готовому выйдіпи на сцену; но Юлія была въ оппчаяніи. Холодность крестнаго папеньки не предвъщала ей ничего хорошаго, надежда ея исчезала, и свиданіе съ нимъ начинало страшить ее. Однакожь это свиданіе было не такъ еще близко, какъ думала Юлія, и пому, оставивь ее, мы поговоримъ лучше о чемъ нибудь другомъ, для того по крайней мьрь, чтобы вовсе не замолчать намъ.

Въ одно прекрасное уптро, на послъдней станціи къ городку, въ увздъ котораго случилось все нами разсказанное, съвхались два путешественника. Оба они были пожилыхъ лѣптъ; полько прекрасная дорожная кареша и хорошо одѣтые слуги одного доказывали, что онъ не могъ пожаловаться на скупость фортуны; а простая рогожная кибитка другаго, его ветхая одежда, и печальное, изнуренное лицо служили явного вывѣского бѣдности, почти всегда неразлучной съ горъкими заботами.

Между шъмъ какъ перемъняли лошадей, проъзжающие вошли въ комнату постоялато дома, который тамошние жители величали названиемъ трактира. Всякой, кто только бывалъ въ дорогъ, знаетъ, какъ скоро знакомятся на станцияхъ, и знаетъ такъ-же, что въ такихъ случаяхъ разговоръ обыкновенно начинается вопросами: Вы откуда изволите ъхать? Куда? Долго ли тамъ пробудете? Давно ли въ дорогъ? и проч. Точно такъ-же начался и разговоръ путешест-

венниковъ, о когпорыхъ я говорю теперь. Только казавщійся бъднякомъ болъе отвъчаль, нежели спрашиваль, изъ почтенія ли къ другому, или можеть быть отть того, что сосотвенныя гореспи, лежавшія на душь его, подавляли въ немъ явное любопыпісіпво и дълали его равнодушнымъ ко всему прочему. Однакожь, наконецъ объяснилось, что пущешественникъ повидимому боганный, странствоваль отъ скуки, какъ Англійскій Лордъ, а другой быль жишель шого же угода, и съ горемъ шащился по дъламъ своимъ въ городъ.

— Вошъ уже въплшый разъ шащусь я ныньшнимъ льшомъ по одному и шому же дълу, сказалъ онъ, и всегда возвращаюсь безъ успъха. Думаю, чшо и шеперь ждешъ меня шакая же учасшь. Не дай Богъ — прибавилъ сшарикъ со вздохомъ — и врагу моему имъшь шяжбу!

- Да, отвъчалъ другой, правда, что въ такомъ случать надобно имътъ больтое терпъніе. Впрочемъ, если ваше дъло справедливо, то все, рано или поздно, должно же кончиться въ вашу пользу.
- Большое мнъ будетъ утъщение, если оно кончипся послъ моей смерши, а между іптыт разорнінт меня совершенно и доведенть до крайности бъдное мое семейсиво!.. Одинъ Уъздный Судъ стоинть мнь ужь слишкомъ дорого, по моему состолнію. Но когда бъ оно, какимъ нибудь чудомъ, и ръшилось здісь справедливо, що соперникъ мой върно возьменть его на аппеляцію, и если члены всъхъ присупственныхъ мъсшъ, кошорыя мнъ придешся проходить по инстанціямь, будуть такьже глухи къ жалобамъ бъдняка, какъ нашъ господинъ Судья, що мнъ ответся одна полько надежда, что отнятое у меня неправедно, можетъ быть,

возвращится внукамъ моимъ, чего однакожъ, съ того свъта, ни какъ я не увижу.

Сказавъ эпи слова, бъднякъ всшалъ съ своего мъсша и въ опичаяніи началь прохаживаться по комнатть большими шагами; а вниманіе слушателя его, который съ самаго начала, казалось, принималъ въ немъ большое участіе, при концъ ръчи удвоилось.

- Я думаль о вашемь Судьь совсьмы иначе сказаль онь, покачавь головою.
 - Но развъ вы его знаетте? —
- Нѣшъ. А по нѣкошорымъ, дошедшимъ до меня слухамъ, предполагалъ, что онъ долженъ быть человѣкъ очень хоротій.
 - Да, онъ шочно хорошъ и услуж-

ливъ для людей богашыхъ и знашныхъ, или шъхъ по крайней мъръ, въ кошорыхъ имъешъ нужду.

— Милостивый Государь! надыось, что вы простите моей нескромности, если я попрошу вась разсказать мнь весь ходъ вашего дъла, котторое меня очень интересуетть. Върьте, что вы не будете въ этомъ раскаяваться и много тъмъ обяжете человъка, принимающаго въ васъ истинное участие.

Начать говорить о дълъ съ тяжущимся, значитъ тронуть такую струну, которая готова издавать безпрестанные и самые продолжительные звуки. Несправедливо обиженный старикъ былъ безъ памяти радъ, что нашелъ наконецъ человъка, охотно желающаго знать такую исторію, которую онъ, за неимъніемъ другихъ слушателей, повторялъ ежедневно своимь сосъдямъ, пріятелямъ, женъ и дъщямъ. Располагаясь вполнъ удовлешворишь любопышсиво новаго знакомца, онъ раскурилъ свою шрубку, и сълъ возлъ него, но въ самую шу минушу, когда онъ ошворилъ рошъ для начашія шочнаго и подробнаго разсказа, вошель сшанціонный смошришель и объявилъ, что лошади гошовы.

— Такъ чіпо же — сказаль любовышный пушешественникъ, вынувъ книжку, туго набитую ассигнаціями, и опдавъ прогоны — это ни какъ не помъщаетъ мнъ слушать, а вамъ разсказывать. Намъ ъхать по одной дорогъ, и вы върно не откажетесь състь вмъстъ со мной?

Предложеніе было приняпю очень охопіно. Проъзжающіе вышли, дверца карешы хлопнула, и шестерка лоша-дей скоро умчала ихъ изъ вида станціоннаго ємотрителя, который все еще стояль на одномъ мъсть и дивил-

ся щедрости барина, сунувшаго ему рубль серебромъ.

На другое упро вошель въ переднюю Судьи какой-то незнакомецъ. Ему, по видимому, было лѣтъ около 60-ти. Платье его, довольно чистое и опрятное, показывало однакожь бѣдность; а по свертку бумагъ, торчавшему изъ его кармана, можно было тотчасъ заключить, что опъ пришелъ по какому нибудь дѣлу.

НОрковъ, который въ это время чистиль свои сапоги, окинуль его бътлымъ взглядомъ, и сообразивъ въ одну минуту, что отъ человъка, прищедшаго пъшкомъ, съ простою суковатою палкою въ рукъ, и одъщаго въ сюртукъ изъ ровнаго сукна, немногимъ можно поживиться, продолжалъ заниматься своей работой, не удостоивъ его даже и вопросомъ.

- Могу ли я видъпъ господина Судью? — спросилъ незнакомецъ.
- Господинъ Судья еще почиваепть оппвъчалъ Юрковъ, поплевывая на щептку и не перемъняя своего положенія.— Но для чего вамъ надобно видъпь его?
 - Мнъ нужно поговоришь сънимъ.
- Вы пришли очень рано и вамъ придешся подождать. . . Вошъ я вычищу сапоги и пойду узнаю, проснулся ли онъ.... Ну, какъ о васъ доложить?
- Скажи просию, чито какой-ию помъщикъ желаенть съ нимъ видънься.
- Помъщикъ проворчалъ Юрковъ, выходя изъ комнапы я думаю надъ двумя курицами....
- —Этоть пріемь, въ самомь дель, кажется, не объщаеть ничего хорошаго—

проворчалъ шакъ-же и сшарикъ, когда остался одинъ. —

Черезъ минуту приказный опять возвратился и сказалъ, что баринъ его хотя и проснулся, но не скоро еще выдетъ.—Не угодно ли вамъ състь, почтенъйшій? — прибавилъ онъ указывая на лавку, возлъ которой стоялъ незнакомецъ. — Вы, я думаю, устали.

Такое предложеніе, казалось, еще болье увеличило негодованіе помыщика, но онъ скрыль его, и смиренно помьспился въ углу, опершись на шолстую свою палку. Не прежде какъ черезъ полчаса, Юрковъ ввелъ его въ другую комнату, гдъ однакожь Судьи все еще не было.

Эта комната служила вмъстъ и пріємной и кабинетомъ. Въ одномъ простънкъ ея стоялъ шкафъ съ книгами, и первыя мъста между ими зани-

мали: Памяшникъ изъ законовъ, Уложеніе, Учрежденіе о губерніяхъ, и прочія сочиненія, нужныя для судопроизводства, которыхъ однакожь новенькіе переплеты доказывали, что они помъщены піупть болье для вида, нежели для употребленія. На длинномъ письменномъ сполѣ лежало нъсколько дълъ, которыя Судья бралъ для просмапприванія на домъ; а на срединъ его стояла маленькая статуйка, изображающая Правосудіе, съ мечемъ и въсами, которые впрочемъ, или отъ времени, или опть неискуства мастера, покривились. Наконецъ стъны комнашы были украшены портпрешами славныхъ законодателей, выръзанныизъ книгъ разнаго форматта вставленными въ рамки различнаго вида, Незнакомецъ имълъ довольно времени разсмотръть всъ эти вещи, и глядълъ на нихъ шакимъ наблюдательнымъ взоромъ, какъ будто это быль самь Жуи, котпорый прищель за

шьмь, чинобы написаны какую нибудь спашейку.

Наконецъ появился и Судья. Съ низкими поклонами указалъ онъ мъсщо своему гостно, усълся самъ, и послъ нъсколькихъ извиненій, что заставиль себя такъ долго дожидаться, просиль объяснить причину посъщенія.

- Въ здъщнемъ уъздъ живетъ мой дальній родственникъ, сказалъ старикъ. Онъ имъетъ дъло, которое производится у васъ въ Судъ, и не смотря на всю свою страведливость тяненся уже нъсколько лътъ.
- A въ чемъ состоить это дъло, и кто такой вашъ родственникъ? —
- Дъло состоить въ томъ, что у него завладъли землей по праву сильнаго. Впрочемъ, если вы возмете на себя трудъ просмотръть нъкоторыя

изъ бумагъ, принесенныхъ мной, то можетть бытть онъ лучше напомнятть вамъ и объяснятть всъ обстоятельства.

— Да, я знаю теперь, о чемъ вы говорите — сказаль Судья, просмотръвъ первый листъ. — Это дъло точно давно тянется. Теперь остановка за справками, потому что Земскій Судъ все не такъ производить слъдствіе, какъ бы должно, и дълаетъ намъ неполныя донесенія.

— Я хорошо знаю производство дълъ — отвъчалъ незнакомецъ — и по копіи, которую имтю съ этого, мнт кажется, что послъднее слъдствіе Земскаго Суда было и достаточно и полно; но вы, Богъ знаеть почему, не удовольствовались имъ. Теперь, можетъ быть, вмъсто поясненій, дъло еще больше запутають, и все это, по моему мнтынію, клонится отять къ тому только, чтобы продлить время, какъ то

обыкновенно бываешъ въ шакихъ случаяхъ, когда несправедливая сторона сильнъе правой.

- Милоспивый Государь!— сказаль Судья, котораго ръзкій тонъ старика ньсколько смутиль; Вы слишкомъ невыгодно думаете о нашихъ присутственныхъ мъстахъ; но повърыте, что въ какомъ бы то случав ни было, мы не захотимъ сдълать умышленнаго упущенія, и подвергать себя стрости законовъ.
 - Вся эта спрогость можеть кончиться только выговоромь или штрафомь; но наши чиновники, по несчастію, такъ ужь привыкли къ выговорамь, что они на нихъ совершенно не дъйствують, а въ штрафахъ, ихъ всегда обезпечивають ть, въ угодность кому они кривять душой.

[—] Надъюсь, сударь, что вы по край-

ней мъръ исключите меня изъ числа такихъ чиновниковъ.

— Да вы върно и не примете этого на свой сченть. Впрочемъ я пришелъ совсъмъ не для того, чтобы читать вамъ законы и стращать правосудіемъ; но хочу говорить съ вами откровенно: знаю, что если вы не примете особеннаго участія въ дъль, окоторомъвзялся хлопотать я, то мнь точно не скоро еще удастся привесть его къ окончанію; знаю, чіпо даже Губернское Правленіе смотрипть сквозь пальцы на медленносіпь Суда, пошому чіпо соперникъ моего родспвенника брать Губернатору, и такъ, оставивъ всь требованія справедливость, позвольте просто попросить васъ, какъ честнаго и благороднаго человъка, войдти въ положеніе бъдняка, у котораго отняли послъдній кусокъ хльба....

[—] Гмъ! — подумалъ Судья: я ужь

слыхаль эппи пъсни; полько никакъ не намъренъ плясать подъ нихъ. — Опкровенность ваша, сказаль онь по минутномъ молчаніи, заставляетъ меня заплашинь вамъ ной же моненой и подать полезный совъть: самое лучшее и выгодное средство для вашего родственника- прекрапишь эту тяжбу какой нибудь полюбовной сдълкой. Если бы онъ, на примъръ, согласился уступиль добровольно спорную землю своему сопернику, кошорому она ксшаши, шо върно шошъ не пожалълъ бы заплапишь сму деньги, для избъжанія всъхъ хлопошь. А въдоказательство участія, коппорое принимаю въ положеніи вашего родсшвенника, и изъ уваженія къ вашей просьбъ, я даже гошовъ бышь посредникомъ въ эпой сдълкъ. Въ против• номъ же случаъ, не хочу даже обнадеживать вась пустыми объщаніями, котпорыя бы впрочемъ ничего мнъ не стоили: въдь дъло еще сомнишельно, и неизвъсшно какъ оно ръшишся.

Спарикъ, который говорилъ съ Судьей, казалось, такъ же въ жизнь свою слыхалъ много пъсенъ, подъ пріятнымъ голосомъ которыхъ скрывались хипрость и притворство, и по видимому понялъ, что предложеніе, сдъланное Судьею, происходило не отъ состраданія къ ближнему, но отъ желанія услужить губернаторскому брату.

— Немногіе изъ судей— сказалъ онъ съ насмъшкою — любятъ мирипь тяжущихся, хошя по наспоящему это должно бы составлять первую ихъ обязанность, и потому совъть вашь съ одной стороны дълаенть вамъ честь, но съ другой напоминаептъ мнъ сказочку, которую я гдъ-то читаль: Одинъ разбойникъ ограбилъ на дорогъ купца, и тоть въ порывь опгчания началъ осыпашь его упреками. — Ты врешь, закричаль злодъй, я ничего не беру у тебя даромъ, а только хочу купишь шоваръ швой. Но помни, что если пы спанешь дорожиться, по я вошкну шебь въ бокъ вошъ этопъ ножикъ.-Такъ какъ у насъ пошло на отпкровенность, прибавиль старикь, то я скажу теперь, что положение моего родспвенника очень сходно съ положеніемъ этого купца, темъ болье, что прошивникъ его имълъ ужь безспыдство давать ему 500 рублей за землю, стоющую вдесятеро дороже. Но я все еще до сихъ поръ не думаль, чтобы вы согласились бышь орудіемъ приписнишеля! Опідайше, сударь, прежде собственность ограбленному и тогда онъ пусть ее продасть, какъ знаетъ.

[—] Милостивый государь! — вскричаль Судья, вскочивь съ своего мѣста: — я люблю сказки только въ то время, когда ложусь въ постель, а проповъди слушаю въ церкви. Проту избавить меня отъ того и другаго!

⁻ Я давно бы избавиль вась ошъ

моего присупіствія — опівъчаль незнакомець, такъ-же вставая, — еслибь все еще не надъялся, что голось правды и вопли несчастнаго семейства тронуть наконець ваше сердце. Но теперь вижу, что ожидаль этого напрасно, и что мнѣ въ самомъ дълъ не для чего здъсь долъе оставаться. —

Спарикъ вышель. — Вопть пебъ на водку — сказаль онъ Юркову, встръпивь его въ передней. Это, можетъ быть, научить тебя впередъ обходиться въжливье даже и съ самыми бъдными людьми. — Приказный улыбнулся такому наставленію, думая, что чудакъ даль ему двугривенникъ, и не въриль глазамъ, когда увидълъ върукъ полуимперіялъ.

— Клянусь Памяшникомъ изъ законовъ! — вскричалъ онъ, вбъжавъ къ Судъъ— что у васъ теперь былъ, или какой нибудъ ревизоръ, или самъ чорпъ!

Посмотрите, сударь, можно ли было ожидать от него такого подарка?

- Въ самомъ дълъ странно— сказалъ Судья, такъ-же удивившись. Впрочемъ, можетъ быть это сдълалось какъ нибудь отибкой.
- Въ шакомъ случат онъ непремънно доженъ ворошишься, пошому что все илашье его, не исключая даже шляпы и палки, не стоитъ эпихъ денегъ. Но какъ вы не спросили его фамилію? Я слышалъ весь разговоръ вашъ и очень этому удивлялся.
- Я совсьмъ не любонышешвоваль знапь имя человька, котораго мнь хотьлось поскорье отправить. Да и подъ конецъ-же мы такъ крупно съ нимъ заговорили, что мнь ужь нъ-когда было его разспрашивать.

- Жаль право, что вы съ нимъ не поладили! Если онъ въ самомъ дѣлѣ не такъ бѣденъ, какъ кажется, и ссли всегда такъ соритъ деньгами, то вы бы могли надѣяться отъ него славной поживки.
- Ну, объ этомъ еще нечего жальть, потому что за дъло, о которомъ онъ хлопочетъ, я не соглашусь взять ничего на свътъ. Ты знаеть, какъ я хорошъ съ Губернаторскимъ братомъ, а связи иногда дороже денегъ. Однакожъ я все таки досадую, что не спросилъ объ имени этого чудака.

Напрасно Судья и приказный ломали голову и терялись въ догадкахъ, таинственный проситель болье не являлся, и они, не смотря на всъ старанія, ничего не могли узнать о немъ. Даже самый тоть человькъ, по чьему дълу хлопоталь онъ, и котораго Судья увидъль вскоръ послъ того, сказаль, что

у него от роду не бывало и родственниковъ.

Прошло три недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Людмирскій получилъ записку отъ Юліи. Во все продолженіе этого времени онъ не видалъ ея ни разу и—послушный волѣ ея — не писалъ даже къ ней. Точно, какъ будто во снѣ видѣлъ онъ счастье свое и пробудился въ самую ту минуту, когда первый пламенный поцѣлуй коснулся устъ его, когда сладкій звукъ перваго слова любви потрясъ его душу.

Часто, погруженный въ задумчивость, бродиль онъ по темнымъ аллеямъ своего сада. Наступалъ Сентябрь, и осень начинала пестрить яркими красками зеленые листья. Но равнодушный ко всему, тревожимый безпокойнымъ ожиданіемъ, онъ не любовался этой картиной, унылой и вмъстъ привлекательной; только думалъ о Юліи, ду-

маль о томь, от чего иногда два существа, повидимому созданныя для взаимнаго счастія, не могуть соединить судьбы своей безь согласія другихь людей, тогда какь для этого, казалось, было бы достаточно одной собственной воли ихъ?...

Однажды эти размышленія были прерваны приходомъ слуги, который сказаль, что какая-то повозка, недалеко от деревни, опрокинулась, что человъкъ сидъвшій въ ней— баринъ ли онь, купецъ ли, Богъ знаетъ— больно ушибся, и что его съ трудомъ перенесли на крестьянской дворъ.

Забывъ и любовь свою и философію, побуждаемый однимъ пполько чувспівомъ состраданія, мечтатель нашъ бросился опрометью изъ сада, забъжалъ въ комнаты и, схвативъ нъсколько спікляночекъ съ спиртами и солями, полетъль на помощь къ несчастному. Вошедши въ избу, гдъ лежалъ больной, Людмирскій увидълъ, что онъ въ намяти, только, казалось, слабъ. Но преклонныя льта незнакомца все еще заставляли безпокоиться о его положеніи, и добрый молодой человъкъ, истощивъ всъ свои маленькія пособія, которыя впрочемъ подкръпили нъсколько страдальца, хотълъ тотчасъ же послать за лекаремъ.

— Не безпокойтесь! — сказаль старикь, тронутый его заботливостью и добродушіемь: — лекарь мнь совсьмь не нужень. Я ушибь только ногу, и хотя жестокая боль не позволяеть мнь продолжать пути своего и заставить нъсколько дней пробыть въ вашей деревнь, но я не предвижу изъ этого никакихъ дурныхъ послъдствій, и надъюсь, что все пройдеть само собою.

[—] Въ шакомъ случаъ, ошвъчалъ Людмирскій, — ибо почшенный видъ сша-

рика и порядочный разговоръ его заставили юношу принимать еще болье въ немъ участія — позвольте по крайней мъръ попросить васъ, чтобы вы переъхали ко мнъ въ домъ, гдъ вамъ будетъ гораздо покойнъе.

Долго больной не соглашался и на это предложеніе, думая, можеть быть, что оно происходить от одной только учтивости; но наконець усильныя просьбы убъдили его. Только ноги своей онъ никакъ не позволялъ осматривать, и увърялъ, что самъ знаетъ средство помочь себъ.

Между шъмъ какъ занимались перемъщеніемъ больнаго, узнали, что онъ какой-то отставной Штыкъ-Юнкеръ Архибальдовъ, очень небогатый помъщикъ; что, ъхавъ по дъламъ въ Москву, откуда-то издалека, онъ вздумалъ навъстить одного стараго сослуживца своего и пріятеля; что для этого своротиль съ большой дороги и пробираясь къ нему ближайщимъ трактомъ, попаль наконецъ въ деревню Людмирскаго, гдъ и случилось съ нимъ несчастное происшествіе. Все это разсказаль слуга, бывшій при немъ; но если бы я еще описаль подробнъе одежду и всю наружность его, тогда бы всякой увидъль, что Г. Штыкъ-Юнкеръ Архибальдовъ и проситель, удивившій Судью и Юркова своею щедростію—быль одинъ и тоть же человъкъ.

Желая доставить какъ можно болье спокойствія своему госто, Людмирскій помъстиль его въ прекрасной, особенной комнатть, и всякой день проводиль съ нимъ по нъскольку часовъ. Такое вниманіе было очень пріятно больному, и, казалось, лучте всъхъ медицинскихъ пособій дъйствовало на его выздоровленіе. Съ каждымъ днемъ онъ чувствоваль себя лучте, и съ каждымъ днемъ становился веселье и

разговорчивъе. Сначала Людмирскій навыщаль старика для того только, чтобъ доставлять ему разсъяние; но онъ умълъ наконецъ сдълать бесъду свою занимашельного. Точно, какъ будто вмъстъ съ тълесными силами возвращались къ нему и умственныя способносии, казавшіяся съ перваго взгляда очень ограниченными! Безпрестанно находиль въ немъ Людмирскій новую любезность, новыя свъдънія; чась отъ часу больше удивлялся здравымъ его сужденіемъ, полюбилъ его общество, и скоро гость и хозяинъ сдълались неразлучны.

Между шьмъ какъ Шшыкъ-Юнкеръ шолковаль съ ласковымъ своимъ хозлиномъ о шомъ и о семъ, и иногда заводилъ съ нимъ шъ пріяшные умсшвенные споры, въ кошорыхъ невольно выказываещся насшоящій образъ мыслей каждаго, и особенно пылкаго, ошкровеннаго человъка, слуга его шакъ-же не оставался безъ дъйствія. Казавшись по наружности очень простымъ, онъ умъль однакожь вкрасться въ довъренность ко всъмъ людямъ въ домъ: узнавалъ мнѣніе ихъ о господинъ, распрашивалъ о хозяйственномъ порядкъ, положеніи крестьянъ, и всякой вечеръ отдавалъ подробный отчетъ своему барину во всемъ, что видълъ и слышалъ въ продолженіе дня. Всякой вечеръ старикъ засыпалъ довольнъе и веселье прежняго.

Такъ произла недъля. Больной, казалось, совершенно оправился и наконецъ, въ одно утро, желая испытать состояніе ноги своей, пошель осмотръть усадьбу и деревню, которую прежде видълъ только мелькомъ. Пріятное мъстоположеніе, густые сады, устройство усадьбы и порядокъ, вездъ царствующій, прельстили его; а довольныя лица встръчающихся крестьянъ, ихъ красивыя, чистыя избы служили до-

казательствомъ, что всъ донесенія, дъланныя ему слугою, были совершенно справедливы. Возвратившись съ прогулки, онъ вощель въ кабинетъ къ Людмирскому.

- Правду говорять сказаль старикь сь веселымь видомь что перпъніе есть первая и самая полезная добродьтель. Еслибь я не выдержаль такъ терпъливо карантина, впрочемь очень пріятнаго, и всякой день, хотя по немножку прохаживаясь, вередиль бы ногу свою, то върно нынче быль бы еще не въ силахъ сдълать такой дальней прогулки.
 - А гдѣ вы были?— спросилъ Людмирскій, удивившись и никакъ не ожидавши видъпъ его въ пакомъ бодромъ состояніи.
 - Я осматривалъ ваше хозяйство, и любовался имъ.

- Напротивъ, я совсѣмъ не хозяинъ, и, мнѣ кажется, никогда не могу быть имъ. Утонченное хозяйство почти всегда неразлучно съ строгостью и съ изнуреніемъ подданныхъ; а я не хочу имѣть въ кошелькѣ своемъ ни одного рубля, омытато слезами моего земледѣльца, или осыпаннаго его проклятіями. Мнѣ гораздо пріятнѣе видѣть улыбку довольства и счастія вокругъ себя, нежели въ одномъ только зеркалѣ.
- Не смоптря на эти филантропическія мысли, вы однакожь, какъ каженся, нашли среднее пропорціональное число— между упущеніемъ и алчностію къ пріобрътенію, между строгостью и послабленіемъ, которое такъ-же въ свою очередь бываетъ пагубно.

[—] Что касается до последних всловъ ваших т, то я их такъ-же счипаю

аксіомою, какъ и всякій благоразумный человъкъ; но въ первомъ случать вы, можетъ быть, опибаетесь. Даже можно сказать рышительно, что имъніе мое, при лучтемъ присмотръ, дало бы мнъ болъе дохода; но съ меня довольно того, что я получаю, и слъдовательно планъ моего хозяйства — основанный на правилъ: не пріобрътая, не расточать пріобрътеннаго — исполнень.

[—] Согласенъ, что это правило довольно хорошо для человъка одинокато; но если вы будете имътъ семейство — я падъюсь, что это когда нибудь случится, прибавилъ старикъ лукаво — тогда върно оно покажется вамъ не совсъмъ справедливо.

[—] Можешъ бышь. Но впрочемъ я думаю, что главная обязанность отца, доставить дътямъ своимъ болъе образованія, нежели богатства.

Въ продолжение этого разговора Шпыкъ-Юнкеръ иногда улыбался, иногда покачивалъ головою, и между тъмъ съ любопышствомъ разсматривалъ книги и каршины, бывшія въ кабинеть. И если выборъ того и другаго выказывалъ тонкій, образованный вкусъ хозяина, то нъкоторыя замъчанія гостя давали такъ-же понять, что и онъ хорошо знакомъ съ Литтературой и Живописью. —

Давно верпівлся вопрось на языкъ Людмирскаго; давно казалось ему непоняпіно, какъ человъкъ, который, по собственнымъ словамъ его, провелъ всю молодость въ походахъ и лагеряхъ и имълъ притомъ состояніе очень маленькое, могъ быть такъ ученъ и свъдущъ! И теперь онъ ръшился спросить его объ этомъ.

Спіарикъ засмѣялся. — Правда, опівъчаль онъ, что я худо учился въ мо-

лодости, но имълъ случай вознаградить себя за то послъ, прилежнымъ чтенісмъ и знакомствомъ съ людьми образованными. Впрочемъ я надъюсь, что мы скоро познакомимся съ вами еще короче; тогда все объяснится, и подробный разсказъ о жизни моей удивитъ васъ не менъе похожденій Синбада мореходца.

Шпыкъ-Юнкеръ пробылъ еще при дня у госпепріимнаго своего хозяина, и наконецъ вечеромъ объявилъ, что завпра по упру онъ ъдептъ.

Это было за ужиномъ. Столъ кончился, люди вышли, и бутылка Шампанскаго явилась передъ растающимися друзьями.

[—] Обыкновеніе, выпишь бутылку вина прощаясь съ пріятелемь, очень мнъ нравишся, сказалъ сщарикъ. —

Тупть всегда сбираешься говоришь о многомъ и всегда, какъ-то, ничего не скажешь; но вино развязываетъ языкъ, скованный непріятными чувствами, и воть я сей часъ докажу это выпивъ свой стаканъ.... Только, право, вате расположеніе духа—прибавилъ онъ замѣтивъ, что Людмирскій очень невесель—отнимаетъ и у меня охоту къ разговорамъ....

- Пеняйще на себя. Если бы ваше общество было менье пріящно, то върно бы я не столько и жальть о вась.
- Я привыкъ въришь вамъ; но теперь вижу, что и вы не всегда говорите правду. Не отъ другой ли какой причины происходитъ ваша задумчивость?... Такого старика, какъ я, легко можно замънить другимъ пріятнъйшимъ собесъдникомъ....
 - Напрошивъ, довольно трудно.

Умные люди встръчаются ръдко, а умные люди съ хорошими правилами еще ръже. Въ здъшней же сторонъ, гдъ такъ мало жителей, нътъ къ несчастію ни того ни другаго, и я почти незнакомъ ни съ къмъ.

- Напрасно. За недостаткомъ пріяпнаго общества не надобно чуждаться того, какое есть; лишь бы оно только не было вредно.
- Для человъка съ швердыми правилами, по моему мнънію, никакое общество не можетъ быть вредно, а развъ тягостно и скучно.
- Должно преодольть себя и хопи изръдка показываться птымь, въ кругу которыхъ суждено жить намь. Этого пребуеть собственная наша польза. Люди неохотно отдатотъ справедливость достоинствамъ другихъ, даже и въ такомъ случаъ, кот-

да имьють на то ясныя доказапельства. А какъ же хотьть, чтобы они умьли оцьнить нась издали?... Знаете-ли, что, проьзжая чрезъ здъшній уьздъ, я слышаль именно объ васъ множество самыхъ чудныхъ анекдоповъ...

- Теперь вы имъ върише?...
- Разумъется, чио нъшъ. —
- Ну , и слъдовашельно пусшь же разсказывающь , что хотять. Это все таки меня ни сколько не безпокочть.
- Я не согласенъ съ вами. Быть счастливымъ есть быть добрымъ, сказалъ Карамзинъ. Конечно, чистой совъсти и чувства собственнаго достоинства досталочно для внутренняго спокойствія; но вспомните, что есть еще и постороннія обсто-

лтельства, опть которыхъ иногда зависипть оно, и я никакъ не исключаю изъ числа ихъ мнтніе, котпорое имъють о насъ другіе. Что ежели бы, на примъръ, всь эппи анекдопы и ложныя сужденія, сами по себъ конечно достойныя посмъянія, предубъдили прошивъ васъ шакихъ людей, съ которыми бы вы захотъли вступить въ короткія связи, по какимъ бы то ни было отношеніямъ? Прежде нежели бы вы успъли открыть имъ глаза, вамъ бы, можентъ спіанься, прицилось перенесть много непріятиностей....

Слова старика подходили довольно близко къ настоящему положенію Люд-мирскаго и нъсколько удивили его. — Вы нъкоторымъ образомъ говорите правду, сказалъ онъ; но виноватъ ли л, что одни обстоящельства, извъстныя только поверхностно, одна только склонность моя къ уединенію,

заставили судить обо мнѣ несправедливо? А я, признаюсь, былъ столько гордъ, что не коттълъ выводить изъ заблужденія людей, котторые смотръли на меня косо.

- И не захоптъли слъдовать старинной пословицъ, что съ волками надобно вышь. Но оставимъ философію. Скажите лучше мнъ, намърены ли вы когда нибудь женишься?
- Что вамъ вздумалось сдълать этотъ вопросъ? сказалъ Людмирскій засмъявнись.
- Миъ не шолько что вздумалось сдълать вопросъ, но даже и сватать за васъ невъсту, умную, прекрасную дъвушку, съ которой вы върно будете счастливы.
- Надобно прежде знашь, понравимся ли мы другь другу.

- О, на втрное. Вы, кажется, созданы другъ для друга. Одинакія чувства, одинакіе характеры.
 - А смъю ли спросишь, кто она? -
- Покамѣстъ я скажу только, что она родная моя племянница.... Послъ такого предложенія вы можетие судить, умѣю ли я цѣнить васъ...

Шпыкъ-Юнкеръ говорилъ пакимъ важнымъ шономъ, кошорый совсьмъ не похожъ былъ на шушку, а послъднія слова его еще болье удивили Людмирскаго. Очень благодаренъ за честь, сказалъ онъ; шолько, къ сожальнію, я не могу его воспользоваться. —

— Вы можеть быть думаете, что племянница моя такъ же бъдна какъ я, и отъ того такъ спъшите отказомъ; не бойтесь! она богатъе васъ.

- Очень върю, и со всъмъ шъмъ не могу приняшь вашего предложенія.
 - Почему же?
- Это вы узнаете тогда, какъ мы познакомимся покороче. —
- Сшало бышь мы разскажемь наши приключенія другь другу вь одно время: въ самомъ дѣлѣ оно и должно бышь шакъ. Но ваша холодность и рѣшишельный ошказъ подстрекають мое самолюбіе. И хочу непремѣнно, чтобы вы увидѣли мою племянницу и держу какой угодно закладъ, что при одномъ взглядѣ на нее вы перемѣнище мысли.
- Если бы ваши родные жили поближе, що я бы за большое удовольствие счелъ познакомиться съ ними; но увъряю васъ, что закладъ вы все паки проиграли бы.—

- Увидимъ.... Послушайте продолжалъ старикъ, подумавъ съ минуту — прежде нежели мы разстанемся, я хочу съ васъ взять одно обязательство, и надъюсь, что вы исполните просъбу мою: въ здъшнемъ уъздъ у меня есть одно важное дъло, по которому вы мнъ будете очень нужны; дайте честное слово, что по первому моему приглашению, вы не откажетесь прітхать ко мнъ.
- Я гопіовъ сдълать для васъ всякую услугу; но нельзя ли сказать, на что буду нуженъ вамъ?..
- Если вы хошите въ полной мърв одолжить меня, то не требуйте объясненій и имъйте довъренность къ человъку, который не потребуеть отъ васъ ничего такого, что было бы противно чести, или вашимъ правиламъ.
 - Въ эшомъ я ни сколько не сом-

ньваюсь. По крайней мьрь скажите, когда и куда должень буду я ъхать?

- Очень скоро и очень недалеко. Я увъдомлю васъ объ этомъ письмомъ, и человъкъ, который доставить его, будетъ проводникомъ вашимъ. —
- Чтобъ доказать, сколько я уважаю васъ, и чтобъ доказать такъ-же, что не боюсь приключеній—прибавилъ съ усмъткою Людмирскій— я готовъ исполнить ваше желаніс.
- Прекрасно! дайте же руку. Ну, теперь надобно кончить бутылку. Пора спать. Завтра я ъду очень рано и не увижусь съ вами; но мы прощаемся не надолго...

Госпів и хозяинъ чокнулись спаканами, пожелали другъ другу счастія и разсіпались.

— Что ему вздумалось вдругъ сватать за меня свою племянницу? подумаль Людмирскій, оставшись одинь. Для чего взяль онъ съ меня объщаніе пріъхать Богь знаеть куда?.. Старикъ слабъ: върно онъ опьяньль отъ Шампанскаго.

Былъ вечеръ. Анна Осиповна, по обыкновенію, сидъла за каршами, Юлія за книгой. Но имъя различныя заняпія, объ онъ думали объ одномъ. По письму Николая Петровича, ему надобно было пріъхать еще дней за двънадцать назадъ, но онъ не бывалъ, и не знали даже, что его задержало. Анну Осиповну это безпокоило, Юлію и подавно.

— Что за чудо! — сказала тентка: всякой разъ дорога тупъ какъ тупъ, а все не ъдетъ! Посмопри, Юлія, какъ хорошо вышло: видишь?.. Только вопъ этоть проклятый пиковый тузъ что-то ему мъщаетъ... точно какъ

будп о онъ больнъ, или получилъ какое нибудь непріятное письмо, которое его удерживаеть: видишь, воть десятка-то въ головахъ...

Между шъмъ какъ Анна Осиповна, разсматривая карты, истолковывала значеніе каждой изъ нихъ— вдругъ послыщался на дворъ крикъ ямщиковъ и стукъ шяжелой кареты. Сердце Юліи замерло: она бросила книгу; по какому-то невольному движенію выбъжала въ залу, заглянула въ прихожую, ворошилась, опять заглянула, и черезъ нъсколько минутъ, проведенныхъ въ несносномъ безпокойствъ, бросилась на шего къ своему креспному папенькъ.

—Ты, въпреница, заставила меня ломать спарыя кости— сказаль онъ, взявъ ее за ухо.—Однакожь я все таки тебя поцълую.

Анна Осиповна такъ-же вышла на

встръчу къ Холмскому, приняла гостя со всъми должными почестями и усадила въ большомъ мъстъ.

- Мы ужь право думали, что съ вами что нибудь случилось сказала она. Цълые десять дней ждали мы васъ всякую минуту.
- Я въ самомъ дълъ занемогь дорогой и ошъ шого долженъ былъ осшановишься ошвъчалъ Холмскій.
- Ну такъ и есть. Въдь я ужь и въ карты-то объ вась загадывала, и на бобахъ, и въ псалтыри.
 - Что же выходило?
- Все какая-то бользнь, или непріятность; а червонная шестерка всякой разъ ложилась на сердце.
- Это от того, что я очень люблю червонную даму.

- Охъ, башюшка!.. Брашъ къвамъ писалъ обо всемъ: вамъ нечего разсказывашь...
- Упро вечера мудренье прибавиль Николай Петровичь. Пошлите нарочнаго къ Осипу Осипычу; завтра онъ прівдеть, и тогда мы всв вмъсть потолкуемь о дълахъ. А теперь воть будемь пить чай, и поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

Какъ ни хоптьлось Аннъ Осиповнъ услышать поскорте, что думаль Холмскій о письмъ Предводителя, но старикъ безпрестанно склонялъ разговоръ на другіе предметы, и, казалось, нарочно томиль ея любопытство. Юлія такъ-же ничего не могла узнать отъ него въ цълый вечеръ. Обращеніе его съ ней ни сколько не перемънилось, и на лицъ его не было замътно ни безпокойства, ни неудовольствія.

Нарочный быль опправлень къ Пред-

водителю въ ночь. И на другой день, часовъ въ одиннадцать по утру, все семейство собралось вмъстъ.

- Ну, теперь я готовъ къ слушанію дъла — сказалъ Холмскій? —
- А что вы думаете? подхватиль Предводитель, которому эта мысль очень понравилась. Мы точно можемъ составить здъсь полное присупствіе: вы по льтамъ вашимъ и двойному родству займете мъсто Президента, вотъ на этомъ диванъ, я буду спаршій членъ, сестра младшій, а подсудимая сядеть вонъ тамъ въ уголькъ, и будеть ожидать нашего приговора. Теперь жаль, что намъ недостаетъ краснаго сукна.

Засъданіе открылось жалобами Предводителя и сестры его на непослушаніе племянницы, и упреками, которые посыпались на нее градомъ.

- Послушайте сказалъ Николай Петровичь: теперь мнъ кажется всъ упреки безполезны. Скажите, пожалуста, за что вы такъ не любите этого Людмирскаго, никогда не видавъ его? Тогда какъ онъ кажется очень любезенъ тъмъ, которые его видъли—прибавилъ старикъ, взглянувъ на Юлію.
- За что мы его не любимъ! подхватилъ Предводитель. — Но можно ли любить человъка, о которомъ говорятъ столько худаго, который никому не показывается, и не имъетъ атенцію къ старшимъ? . Тутъ и онъ и Анна Осиповна начали высчитывать по пальцамъ все то, что говорили о нелюдимъ.
- Но все въдь эпо только говорятъ, а по моему, не всякому слуху должно върить.

⁻Однакожь это-то ужь очень в фрно-

отвъчалъ Предводитель — что онъ вышель въ отставку въ такихъ еще льтахъ, когда всякій благомыслящій человъкъ долженъ служить; что поссорился съ отцомъ и промотался въ чужихъ краяхъ.

- Что онъ рано оставилъ службу, въ эпомъ, можешъ бышь, нельзя еще обвинятть его. Мало ли мы вилимъ примъровъ, что одинъ пустой капризъ начальника полка, или департпамента, заставляеть выходить изъ службы людей достойныхъ и опымаетъ у отечесіпва хорошаго воина, судью, дипломата; но мы, къ несчастию, имъемъ привычку всегда въ шакихъ случаяхъ обвинять младшаго, а не старицаго, хопія часто надлежало бы судить совсъмъ напроливъ. Точно тоже можно сказать по ссорь его съ отцомъ: есть родишели, которые, точно такъ же какъ и начальники, употребляютъ иногда во зло власть свою и бывають

недовольны дъшьми самыми покорными, пребуя от нихъ невозможнаго. Я зналъ нъсколько стараго Бригадира. Онъ быль спіранень, слишкомь жестокъ по харакшеру — и легко можешъ спапься, чпо сынъ совсьмъ невинно навлекъ на себя гнъвъ его. Но всего для меня мудренъе що, что вы ставише въ порокъ Людмирскому его пупешеснвіе. Неужели, по вашему, издержки, которыя онъ употребилъ на него, не стоять просвыщения и похвального любопытства, узнать нравы людей, увидъть все ръдкое, достойное замъчанія? По крайней мъръ я думаю, что онъ вздилъ съ этой цълью, а не для того чтобы промашывать деньги, которыя очень легко и удобно могъ промошать не вытыжая изъ Россіи. Словомъ, скажу вамъ, Осипъ Осипычь, что никогда не надобно судить о дъйстви, не узнавъ причины, когпорая заставила насъ поступать такъ, или иначе.

— Чіпо онъ мошъ, що мошъ! — возразила Анна Осиповна, покачавъ головою. — Расчешистый человъкъ не спалъ бы держать собакъ и рыскать съ ними по полю. Да и эта же проклятая забава никогда до добра не доводить. — Нодобно знать, что между прочими причинами, вооружившими Анну Осиповну противъ Людмирскаго, была и та, что онъ иногда ъздилъ на охоту, которую она ненавидъла вотъ по какому счучаю:

Единственный женихъ, сватавшійся за нее въ молодости, имълъ страсть къ собакамъ, и эта страсть обладала имъ до такой степени, что онъ, увидъвъ зайца, забывалъ все на свътъ, скакалъ за нимъ безъ памяти, погонялъ свою лошадъ то арапникомъ, то перчатками, то картузомъ, и разбрасывалъ всъ эти вещи одна по одной; а наконецъ, какъ-то однажды полетълъ за ними и самъ, и такъ ловко

ударился, что оставиль невъсту свою вдовой прежде замужства. Съ тъхъ поръ она при одномъ взглядъ на борзую собаку чувствовала истерику, и въ душъ предавала анавемъ всъхъ охотниковъ.

- Крайность не хорота во всякомъ случат—отвъчалъ Николай Петровичь, которому старушка съ глубокимъ вздохомъ напомнила это печальное происшествие.— Неумъренная страсть вредна, къ чему бы то ни было; но заниматься охотою въ часы отдохновения, совсъмъ не предосудительно, и мнъ кажется, что это можно сдълать не растроивая ни здоровья своего, ни состояния.
- Ну, вы върно не читали той книги, сказалъ Осипъ Осиповичь, въ которой такъ прекрасно и умно критикуютъ охотниковъ.
 - Напрошивъ, я ее чипалъ, но эпо

никакъ не заставляетъ меня думать, чтобы всякой тоть, кто только любить охоту, быль человъкомъ развратнымъ. Впрочемъ мы теперь толкуемъ не о томъ, какъ должно понимать критику, и я бы лучше желаль что нибудь услышать отъ васъ и о другомъ женихъ Юліи.

— О, какая же проклятая разница между этими людьми! отвъчаль опять Осипъ Осиповичь. — Судья человъкъ совсъмъ другато свойства, человъкъ умный, разсчетливый; человъкъ прекраснъйшихъ правилъ, человъкъ Коллежскій Ассессоръ, и который пе смотря на то имъетъ атенцію къ старшимъ, тогда какъ другіе не хотятъ знать ихъ... понимаете?...

Послъдній пункшъ, казалось, сильно безпокоилъ Предводишеля и онъ никакъ не могъ просшишь Людмирскому, чшо онъ ни разу не засвидъщельствовалъ

ему своего почтенія. Конекъ Осипа Осиповича не скрылся отъ старика; онъ улыбнулся, но оставилъ однакожь эту статью безъ возраженія.

- Все это хорошо, сказаль онь, только я не думаю, чтобы человькь прекрасньйшихъ правиль рышился предложить руку свою дъвушкъ, которая, какъ ему извъстно, не можетъ любить его.
- Какъ! вскричаль съ удивленіемъ Предводитель да это-то и доказываетъ превосходство его правилъ, великодушіе, привязанность къ нашей фамиліи и истинную любовь къ племянницъ.
- Полно не къ имънію-ли єя?... Попробуйте сказать ему, что она по какому нибудь случаю лишилась всего, и тогда, можетъ быть, увидите, что великодущіе его исчезнеть вмъсть съ ея богатствомъ....

- Какъ бы то ни было— перебила Анна Осиповна— только эпоть началь честь честью, какъ водится; а топъ, прости Господи мое прегръщеніе! какъ окалиный подвернулся къ дъвушкъ и началь надувать ей въ уши всякой вздоръ, не познакомившись ни съ родными и не узнавъ прежде ихъ мыслей.
- Въдь онъ прітажалъ къ вамъ; но вы сами же не захопітли приняпь его... Врочемъ намъ не о чемъ спорипъ. Я люблю Юлію, дорожу ея благополучіемъ, и для того самъ выбралъ ей жениха, съ которымъ втрно она будепъ счасплива.

При этой неожиданной выходкъ, Предводитель и Анна Осиповна вышаращили глаза, а Юлія чуть не упала со стула, Николай Петровичь — который, по видимому, защищаль Людмирскаго и вливаль надежду въ душу ея — вдругъ самъ же разрушиль эту

надежду пакъ скоро, пакъ нечаянно.... Удивленіе, груспъ спъснили ея сердце; она поблъднъла, голова ея закружиласъ....

Спарикъ, который въ прододженіе разговора замъчаль каждое измъненіе лица ся, первый бросился къ ней на помощь. Онъ самъ подалъ ей воды, и наконецъ слезы облегчили грудь бъдной дъвушки.

— Никогда не надобно огорчаться прежде времени — сказалъ Николай Петровичь, тронутый ея положеніемъ. — Человъкъ, о которомъ говорю я, върно тебъ понравится. Онъ добръ, благороденъ, только немножко мечтателенъ; но этоть педостатокъ пройдеть со временемъ. Да ты-же я думаю и сама не боишься мечтательности....

—Итпъ, отвъчала отчаянная Юлія я не въ силахъ выполнить вашего требованія...

- Да, послушайте ее, подхватила Анна Осиповна: она топчасъ разскажетъ вамъ, что сердце ея отдано другому.
- Спало бышь вы возьмеще племянницу съ собою? спросилъ Предводишель съ видомъ нъсколько недовольнымъ. — Но гдъ же мы увидимъ этпого жениха?...
 - Онь будешь нынче здъсь объдащь.
- Какъ! закричали въ одинъ голосъ брашъ и сеспра.
- —Посоль къ нему опправленъ давно— прибавилъ спіарикъ хладнокровно, и посматривая на часы. Я жду его всякую минуту.... Ну, вотъ наконець ъденть.

Юлія, бладная, трепещущая, взглянула въ окно....

— Ну, что-же это такое! Она опять сдълалась какъ мершвая.... Анна Осиповна, помогите ей; а я пойду встръчать гостя, который такъ-же, думаю, скоро упадетъ въ обморокъ....

Холмскій вышель и черезь минуту возвратился вмъсть — съ Людмирскимъ. Между тъмъ дядя и тетка, помогая Юліи, бъгали, суетились и наконецъ привели ее въчувство.

Рекомендую вамъ, сказалъ спарикъ, моего хорошаго пріятеля, господина Людмирскаго. А вамъ, молодой человъкъ, рекомендую свою племянницу.... Ну, что, кто бы изъ насъ проигралъ закладъ?...

Осипъ Осиповичь и сестра его ничего не понимали. Юліи и Людмирскому такъ-же казалось, чіпо они видяпть все это во снъ. Но Холмскій мало по малу успоконлъ всъхъ и объясниль дъло:

Онъ разсказаль, чио въ продолжение цълой дороги обдумываль, какъ бы узнать покороче обоихъ жениховъ Юліи, что встрьча на послъдней спанціи съ бъднымъ дворяниномъ подала ему мысль познакомиться съ Судьей подъ чужимъ именемъ, и что, начавъ играть комедію, онъ ръшился продолжать ее до самой развязки.

— Если я видъль изъ письма моей креспіницы, продолжаль Николай Пешровичь, что повязка любви легко могла осльпить ее, то съ другой стороны мить казалось также, что и вы можете ощибаться, судя о человъкъ по однимъ полько слухамъ. Теперь върно вы сознаетесь въ своей несправедливости. Тебя, Юлія, я хотъль наказать немножко за твою вътренность; но те-

перь раскаяваюсь въ эппомъ: самъ вижу, чито слишкомъ сильные переломы чувсивъ очень шебя разспроили. Виноващь! Ты не опиблась въ своемъ выборѣ, и загрубѣлые оптъ спаросни нервы мои не позволили мнѣ предчувсивовать всѣхъ послѣдствій шакой шупьки. Для васъ, добрый, благородный молодой человѣкъ, шеперь все объясиллось; но, не правда ли, чито превращеніе мое изъ бѣдняка Архибальдова въ дядю вашей невѣсты удивило вась?

— Добрый, милый папенька! — говорила Юлія со слезами. — Добрый, почтенный человькъ! говорилъ тронутый Людмирскій: — я не умъю благодарить васъ....

Предводитель и сестра его слушали ихъ разинувъ рты. Всъ подробности разсказа, которыя намъ ужь извъсты, вывели ихъ изъ заблужденія, и старушка, глядя на эту сцену, также расчувствовалась и прослезилась.

— Въдь есть-же люди, сказала она, которые выдумывають на другихъ небылицы!! Какъ у нихъ языкъ поворачивается говорить худо о пъхъ, кого они совсъмъ не знають?. . Слава Богу, что все это такъ хорото кончилось. Теперь я надъюсь скоро увидъть сватьбу племянницы.

Предводинель быль немножко поупрямье въ этомъ случат. Ему все еще хотълось показать настойчивость и вступить въ родство съ Судьей— нбо поступокъ Судьи съ бъднымъ дворяниномъ казался Осипу Осиповичу дъломъ очень обыкновеннымъ и не заслуживающимъ вниманія— но наконецъ Николаю Петровичу удалось убъдить ето, и онъ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ началъ изъясняться съ Людмирскимъ.

— Дядюшка! — сказала Юлія сь улыбкою, которая была похожа на бльдный лучь солнца, проглянувшаго посль бури — я надъюсь, что вы не станете теперь выбирать его въ Земскій Судъ въ Засьдатели.

- Помилуй, матушка! отвъчалъ Осипъ Осиповичь. Развъ есть примъры, чтобы Предводительскій племянникъ служилъ когда нибудь въ такой должности? Мы его выберемъ Депушатомъ въ Дворянское Собраніе.
- Сшало бышь— спросиль засмыявшись Николай Пешровичь— предубыжденіе кончено?
 - Кончено, кончено!
 - Ну, слава Богу! насилу-то.

колодецъ.

повъсть, заимствованная изъ пародныхъ преданій.

КОЛОДЕЦЪ.

Преданье старины глубокой.

Верспахъ въ 25-пи опть Тулы, между льсовъ и овраговъ, на одномъ камениспомъ холмѣ, и плеперь еще сущеспвуенть колодецъ, котпорому жипели окреспныхъ деревень приписывають чудотворную силу. Больные приходять по зарямъ купаться въ водъ его, спарухи и знахари берупъ эту воду и льчать его опть бъщенства людей, собакъ и скотину. Но никто не смъстъ ни выкупаться въ колодцъ, ни взять воды изъ него безъ какого

нибудь приношенія: иные бросають вь колодець деньги — въ честь клада, будто-бы нькогда скрытаго на днь его; другіе приносять платки и пелены и вышають ихъ на сухой дубь, находящійся близь колодца, изъ усердія къ иконъ, которая тамъ поставлена. Суевъріе этихъ людей смышиваеть набожность съ изувърствомъ и само не умъсть дать себъ отчета къ какой паинственной силь оно прибъгаеть.

О существованіи клада на днь колодца разсказывають много странныхь исторій. Иные говорять, что кладь этоть быль положень славнымь разбойникомь *Кудеяролю* (*), и притомь

^(*) Просшой народъ, по крайней мъръ въ нъкошорыхъ мъсшахъ, всъхъ спіаринныхъ разбойниковъ, о кошорыхъ шолько сохранилось какое нибудь шемное воспоминаніе, величаенть этимъ именемъ, произнося его шочно шакъ, какъ оно здъсь написано.

положенъ съ страшными заклинаніями прошивъ тпого, кто осмълится къ нему прикоснупься. Что по этому-то именно какой-то смъльчакъ, одинъ изъ намъспинковъ Кудеяра, рышась овладъть сокровищемъ, былъ вмъсшъ съ нимъ поглощенъ преизподней. Другіе разсказывающь, чию кладь быль вынушь однимъ благочестивымъ Бояриномъ, некогда тупъ жившимъ, съ помощію какого-то старика, явившагося ему во снь. Трешьи напрошивь ушверждаютть, чио скрышая на шомъ мъсшъ казна и до сихъ поръ еще хранишся, но не въ самомъ колодцъ, а по близости его; чипо не давно еще находились люди, которые пробовали отрышь ее, но всегда встръчали какія нибудь препяпіствія: то дорывались они до огромнаго камня, какъ-бы закрывающаго входъ въ подземное жилище, и этпопть камень, прошивясь всемъ усиліямъ ошвалишь его, заставляль прекращать работу; по являлись имъ страшные призраки,

и своимъ опперапишельнымъ видомъ, своимъ свисиомъ и крикомъ разгоняли дерзкихъ.

Такъ сбивчиво и неясно полкують о кладъ и о колодцъ жители окружныхъ селеній. Но одинъ дряхлый, почти стольтній старикъ, разсказаль мнъ повъсть, которая поясняеть нъкоторымъ образомъ всъ эти полки. Она дошла къ нему по изустнымъ преданіямъ отъ дъдовъ и прадъдовъ. Разсказъ его показался мнъ занимателенъ и даже, не смотря на нъкоторыя темныя мъста, довольно въроященъ.

Еще во времена Іоанна Грознаго, Бояринъ Андрей Троерукой поселился въ небольшой деревенькъ, между лъсовъ и овраговъ, близь шого мъсша, о ко-торомъ разсказывають сполько чудныхъ исторій. Оклевептанный своими врагами, онъ подвергнулся Царскому

гнъву: и Московскій домъ его, и добро, и богашства сдълались жертвой опалы; но Бояринъ былъ радъ и шому, что его не лишили по крайней мъръ ни головы, ни свободы. Изгнанный отъ двора Іоаннова, какъ человъкъ гнусный Царю, но совсъмъ тъмъ безопасный, удалился онь, вмъсть съ своею дочерью и нъсколькими върными слугами, въ эту маленькую пустынную вотчину, которую только одну и оставили ему, для насущнаго хлъба.

Окрестности жилища изгнаннато Боярина, были мрачны и дики. И теперь еще къ Съверо-Востоку от Тулы тянется длинной полосой казенная засъка; но нынче она вырублена, переръзана селеніями и полями. Тогда всь окружные лъса сливались съ ней, и составляли одну дремучую, непроходимую уйму — гнъздилище дикихъ звърей и разбойниковъ — облегавшую со всъхъ сторонъ деревеньку Андрея.

Вблизи было шолько одно село; но слухи носились, что и тамъ живупъ люди не добрые, что близь него погибла не одна душа человъческая. Часто самъ Болринъ слыхалъ по ночамъ свисть и крикь и гарканье, какъ будто кто перекликался въ шемнотъ и подаваль условленный знакъ. Обыкновенно эппи крики и свистъ раздавались на одномъ холмъ подъ опушкою лъса: но никто не зналъ что такое тамъ происходиить, никипо не смълъ, даже и днемъ, подходишь близко къ эшому -- какъ называли шошъ холмъ---Заклятолу урогишу. Иные думали, что тамъ было сборное мъсто разбойниковъ; другіе полагали, что на вершинъ холма — гдъ иногда свъщился огонекъ — зарышъ кладъ, и чшо вкругъ него свищушъ и гаркаютъ невидимые хранишели сокровища, призванные къ нему страшнымъ заклятіемъ прежнято владъльца, -- опть чего и урочище получило свое название.

Какъ-бы то ни было, только такое сосъдство сначала очень не нравилось Боярину; но шакъ, какъ люди ко всему привыкающь, то и онь черезь насколько времени спалъ гораздо меньше забошиться обо всъхъ чудесахъ, котпорыя вкругъ него происходили. Опъ того моженть бынь, что ни нечистые духи ни разбойники, такъ-же казалось, вовсе о немъ не думали, и не дълали ему никакого вреда. Правда, что Андрей, по примъру другихъ, никогда не осмъливался проникать въ ихъ тайны н приближашься къ шому мъсшу, гдъ сбирались они, опасаясь, — и очень основаниельно- чипо за такое любопытсшво ему могушъ свернушь голову; но за що, увлекаемый чувствомъ набожности, столь теплой въ предкахъ нашихъ, онъ началъ сперва вызажащь по Воскреснымъ днямъ къ объднъ въ село, о которомъ упомянули мы, и гдѣ находилась старинная, деревянная церковь во имя Покрова пресвятой Богородицы;

а потомъ - ободренный тъмъ, чио шамъ по крайней мъръ деннаго разбоя не было — и на охощу съ любимымъ своимъ соколомъ, или съ двумя сворами борзыхъ и двумя же смычками гончихъ собакъ-остапиками прежней, огромной стпаи своей, которая по собственнымъ словамъ Боярина, была лучшая въ цълой Москвъ. И тамъ еще, во дни своего счастія, онъ страстно любиль охоту; а теперь, въ такой глуши, что было больше и дълашь ему какъ не гоняшся за волками и лисицами? Завлеченный иногда звъремъ, Андрей далеко вдавался въ глушь лесовъ, но не вспречая нигдъ опасносии, не видя никого, кромъ такъ-же развъ какого нибудь охопіника, онъ день опіъ дня спіановился смылье, оппыважаль дальше оппы дому, и наконецъ совершенно предался любимой своей забавъ.

Такая жизнь начинала нравипнься изгнаннику. И мракъ лъсовъ и свиспъ

выпра были оппрадны грустной, раздраженной душь его. Даже звъри, за которыми гонялся онъ, казались ему лучие, добръе людей, его оклеветавнихъ. Со всъмъ тъмъ мысль о прежнемъ богатетв, о прежнемъ счасти возмущала иногда его забавы и оппдохновеніе; но это бывало только въ двухъ случаяхъ: на охоть— когда звърь, по малочисленности собакъ, уходилъ отъ него; дома — когда онъ начиналъ размышлять о будущей судьбъ своей дочери.

«Для кого цвыпень она въ эномъ вериненъ? думалъ Бояринъ, глядя на несинадцанильниною Ольгу; какая учаснь жденъ ее здъсь?» и при эной думъ съдое чело его спановилось мрачно, какъ зимній льсъ, покрытый инеемъ.—

Въ самомъ дѣлѣ Ольга цвѣла, какъ роза, — была красавица, загляденье! Не одинъ юноша Московскій испышалъ

этпо на себъ — когда бывало она прихаживала въ церковь, - и засмащриваясь на ея черные очи, малиновыя уста, шемнорусую косу, забываль молишву. А теперь кому было полюбованься красотой ея? — Правда, въ больше праздники, Ольга бывала вмъсшъ съ опцемъ своимъ у объдни, въ сель Покровскомъ; но шамъ она никого не видала, кромъ креспъянъ, лица которыхъ казались ей такъ страшны и звърски, что робкая дъвушка всякій разъ послѣ того, цълую ночь, вздрагивала во сит и пугалась. Только однажды, еще съ первыхъ дней переселенія Боярина въ этпу пустыню, когда Ольга стояла у плетня своего сада,или правильные сказать огорода, попому чио въ немъ не было ничего кромъ десяпка березъ, дюжины подсолнечниковъ и нъсколькихъ грядъ съ капустой — мимо ея проъхалъ какой-то незнакомецъ, не похожій на простолюдина: подъ нимъ былъ огненный воро-

ной конь въ шапарской збрућ; изъ за его широкаго ремешнаго пояса, сверкали огромный кинжаль и два пистолета. Лице всадника было почти совсьмъ закрышо черной, мъховой шапкой, плошно надвинутой на глаза, и медвъжьей шкурой, накинутой на плечи. Замъшивъ дъвушку, онъ сдержалъ коня, какъ-бы желая что-то спросипь у нее, или по крайней мъръ полюбованься ея красошой; но Ольга при первомъ взглядъ на него ахнула, и полумершвая отъ ужаса прибъжала домой. Въ другой разъ, когда Андрей вмѣстѣ съ дочерью возвращался изъ церкви — этотъ-же самый всадникъ встрытился имъ, но и шушъ опяшь грозный нарядъ его и оружіе нагнали страхъ на самаго Боярина.

Но кромѣ шого, чшо во всей окружности не было ни одного молодаго человѣка, который бы могъ— какъ ужь сказалъ я— оцѣнить красоту Ольги и

заставить, въ свою очередь, сердце ея бишься сильнъе, она не имъла даже и подруги, которой бы могла повърянь тайныя мечты и думы. Все общество ея состояло изъ нъсколькихъ спарухъ и сънныхъ дъвокъ, разсказывавшихъ ей по вечерамъ сказки о мершвецахъ, кладахъ и разбойникахъ. Близость мѣсша, гдѣ по ночамъ слышались крики и свисть, а иногда мелькалъ огонекъ, какъ свъчька, давали неизспощимый запась разскащицамъ. Всякой вечеръ Ольга слышала двъ, или піри новыя исторіи — одну другой страшнье, одну другой ужасные. То разсказывали ей, что на закляшомъ урочицъ видъли такой свъть, отъ кошораго весь окружный льсь быль въ заревъ, что даже издали было замътно, какъ вокругъ шого свъща мелькали и прыгали черныя пітни, съ пакимъ спірацінымъ воемъ и крикомъ, какъ будто тамъ самъ сашана тъшился адской пляской. То повіпоряли піьму

анекдотовъ о какомъ-по невидимомъ богашырь, кошорый будшо-бы вь шой сторонъ предводительствовалъ разбойниками. Говорили, что онъ живетъ подъ землей; полько ночью выъзжаепть на добычу, и всякой разъ передъ штьмъ держипъ совъпъ съ нечистымъ духомъ, который по дружбъ даенъ ему наставленія и дъласть его невредимымъ- такъ, чио богатырь не боится никакого оружія, а пули, пущенныя въ него, грызепть, для забавы, вмъсто оръховъ. Прибавляли даже и що, что обладатель преизподней самъ провожаешъ богашыря во время опасности: иногда въ видъ страшной собаки, иногда въ видъ огромной черной конки, а иногда въ видъ такого живопнаго, коппораго и назвать не умъли.

Ольга слушала эти исторіи съ пвердой върой въ чудесное, — да и кто же въ тоть въкъ не върилъ ему?— Отъ того бывали минуты, въ кото-

рыя бъдная дъвушка, напуганная разсказами, гошова была опдашь половину жизни своей, чтобы только по дальше перенестись опть страшнаго богапыря и ошъ чоршовой пляски. Часто сидя въ маленькой, скучной горенкъ, вспоминала она со вздохомъ свышлый, высокій Московскій теремь свой, гдъ страхъ быль незнакомъ ей, гдъ ходила она по коврамъ разноцвъпнымъ, наслаждалась спокойствіемъ и богатствомъ. Мечты уносили Ольгу въ прошедшее, и тогда хотълось бы ей сдълаться птичкой, чтобы самой летыть вслыдь за ними-въ Москву. Тамъ, можеть быть, счастые ожидало ее, памъ, рано-ли, поздно-ли, брачный вънецъ покрылъ-бы навърное ея голову. А пеперь?.. одинокая будущность представлялась ей страшна и пустынна, какъ необозримая, занесенная снъгомъ спень, на которой нъпъ ни былочки, ни слъдинки. Сердце Ольги начинало посковать, грусть западала въ ея душу.

Такъ прошла вся осень. Наступила зима; Ольга стала еще задумчивъе. Да и чему было веселипться? И маленькой садикъ съ березами и подсолнечниками, и гладкій зеленый лугь, на которомъ стоялъ бревенчаный, покрышый соломой, домикъ Боярина Андрея — занесло снъгомъ; яркіе разноцвътпные листья упали съ деревъ, темный окружный льсь, черньясь на бълизнъ снъга, спалъ казапъся еще болъе мрачнымъ, еще болъе шаинсшвеннымъ. Въ это скучное время, Бояринъ находиль по крайней мъръ опраду, разсматривая пропы звърей, рыскавшихъ по порошъ, и добираясь слъдами до ихъ логова; но дочь его, кошорую не могли занимать слъды ни лисьи ни заячьи, сидя подъ окномъ своимъ, какъ птичка въ клеткъ, не встръчала ни одного предмета, привлекашельнаго для глазъ, а для сердца и подавно. Дни ея проходили однообразно и медленно. — Даже когда наступили

святки— этот праздникъ дъвушекъ, эти таинственные вечера, въ которые онъ, ръзвясь и играя, хотятъ разгадатть свою участь— Ольгъ не сдълалось веселье. Правда, что прислужницы забавляли ее своими играми, пъснями и гаданьемъ, но сама она не принимала никакого участия въ этихъ забавахъ, не хотъла ни разузагадать о своемъ суженомъ: какъ будто какое темное предчувствие спрашило ее, отнимало у нея всъ надежды.

Въ одинъ изъ пакихъ вечеровъ, когда кружокъ деревенскихъ пѣвицъ, въ цвъпныхъ ферезяхъ и повязкахъ, собрался около Ольги, когда онъ шолько чио запіянули подблюдную пѣсню, вдругъ подъ окномъ кіпо-іпо поспіучался. Хоръ умолкъ. «Это вѣрно святочный,» шеппіали дѣвки, робко посматривая одна на другую.— Наше мѣсто свято!— сказала Ольгина няня, зачьмъ онъ зайдетъ сюда?— Между піѣмъ

спіукъ опяшь повторился, и всь сь ужасомъ подступили къ окну. «Укройне опть шемной почи, говориль голось; Богъ наградишь васъ, сели вы дадише ночлегь бъдной женщинъ! » Добрая Ольга, желая видъпъ сама убогую странницу, велъла впустить ее. Она вонда въ свъплицу съ низкимъ поклономъ. Эпіо была старуха, по видимому, лъшъ восмидесящи; съ худощавымъ, осуновшимся лицемъ, сморщеннымъ, какъ печеное яблоко; съ длиннымъ, яспіребинымъ носомъ, конпорый почти сходился съ вострымъ, выдавшимся вверхъ, подбородкомъ. Худой, высокій сшанъ ел быль согнушь, какъ напличупый дукъ, и, казалось, вся плжесть его лежала на полстой клюкъ, о которую старуха опиралась костлявой рукою. Нижняя часть одежды чудной спранницы состояла изъ разныхъ заплашъ, нашишыхъ одна на другую; сверху была надъпа на ней корошенькая шубка, покрышая сму-

рымъ сукномъ, а на головъ черный повойникъ. Клоки съдыхъ волосъ мъстами торчали изъ подъ него. Вся наружность старухи предспавляла что-то ужасное, и Ольгъ казалось, что она видить передъ собой Бабу-ягу, которая только волшебной силой поддерживаеть бренный остовь свой, давно уже разрушенный природою. Въ самомъ дъль одни черные блеспіящіе глаза этпой муміи доказывали, что она еще пользуется жизнію: они круппились и сверкали изъ подъ густыхъ бровей, какъ разгорающіеся угли.

«Миръ вамъ! — сказала спаруха, кашляя и кивая дрожащей головой своей. Кіевскіе чудотворцы помилують тебя, добрая барышня, за твою милость.»

—Опікуда іпы идешь, старушка?— спросила Ольга, коїпорая и послъ іпакого благочестиваго привъта все еще смотръла на нее со страхомъ. «Изъ Кіева, моя голубушка, и принесла шебъ благодать Божью. За що, что ты не погнушалась бъдной женщиной и пустила ее подъ свою кровлю—Онъ пошлетъ шебъ женишка, такого же красавца какъ и ты сама.»

— Спасибо за пророчество, — отвъчала Ольга, невольно улыбнувшись от похвалы и желанія старухи. — Но ты, я думаю, устала, добрая женщина; сядь и разскажи намъ что нибудь про свое странствованье.

Старуха устлась въ углу, на лавкъ, и оперлась на свой костыль. «Да, я много въ жизнь мою вымърила земли ногами, сказала она; много видъла и дурнаго и хорошаго. Въкъ прожить не поле перейтить...» Тутъ сильный капель съ судорогами прервалъ слова ея. «Кашель меня мучитъ, говорила она задыхаясь и стуча о костыль бородой своей; не могу вымолвить слова...»

Ольга вельла ей подать воды, и сь удивленіемъ глядьла на это полуживое существо, котторое, не смотря на свою старость, могло еще дълать такія дальнія путешествія съ помощію одньхъ ногь и костыля своего; но любопытныя дъвки и женщины, окруживъ старуху и помогая ей, продолжали ее разспрашивать.—Какъ ты, бабутка, не заблудилась въ здъшнемъ льсу? говорили онь; какъ на тебя не напалъ ни звърь, ни лихой человъкъ, или чего нибудь не почудилось? —

«Когда я иду съ молишвой, що что можетть мнъ почудиться? злому человъку нечего взять у меня; да я же знаю чъмъ оборониться и отъ человъка и отъ звъря.»

[—] Оборонишься? спросили всъ съ любопышсивомъ. Ужь не клюкой-ли своей? прибавили нъкопорыя смъясь.

«Много будете знать скоро состареетесь, мон умницы. За чъмъ спрашивать о томъ, что для васъ не понятно. Лучте спойте-ка что нибудь и повеселите вату Боярышню; видите она сидитъ у васъ, какъ опущеная въ воду.»

— Мы сшанемъ пъшь подблюдныя пъсни, оппъчали пъвицы, желая сдълать сшаруху учасиницей игръ своихъ и посмъяшься надъ ней,—не хочешь-ли, бабушка, взять чашу съ кольцами и сказывать: что кому сбудется? —

Прошивъ чаянія спаруха охопно согласилась на то. Обрадованный хоръ запълъ; отгадчица стала вынимать кольца — и насмышницы прикусили языкъ: предсказанія ея были такъ сообразны съ положеніемъ каждой гадальщицы, какъ будто она знала самыя сокровенныя мысли и желанія всъхъ бывшихъ тупъ дъвушекъ. Прорицатель-

ница приправляла разсказы свои шушками, и шакъ забавно разскращивала ихъ, что сама Ольга, слушая ее, не могла удержаться отъ смъха.

«Ты давно не смѣялась, моя звѣздочка ясная, сказала старуха, обращаясь къ ней. Дай Богъ, чтобы я принесла тебѣ веселье и счастье! . Пожалуй колечко свое: не скажу ли я и тебѣ что нибудь хорошенькое...»

Ольга вздохнула. — Мнъ не о чемъ загадывать, старушка, отвъчала она.

«Теперь жизнь скучна шебъ , я это знато, но почему знать, что будеть впередъ. — Посмотримъ какая пъсня споется шебъ.»

Любопышствуя услышать, что скажеть ей эта чудная женщина, Ольга подала кольцо свое. Прорицательница, сказавъ надъ нимъ нъсколько невнятныхъ словъ, бросила его въ чашу. Дъвушки запъли:

Сшоящъ саночки, самокащочки; Онъ сами кошящъ, сами ъхащь хошящъ.

И совсьмъ шъ сани снаряжены: Разноцвъшнымъ ковромъ подернушы, Теплой полосшью обернушы.

Вороные кони поводья рвушь, Поъзжане невъсту у церкви ждупъ.

А кому мы спъли, іпому добро, Кому вынется скоро сбудется Скоро сбудется не минуется.

Слава!

Съ послъднимъ словомъ пъсни, кольцо Ольги, какъ бы само собой, выпрыгнуло изъ чаши и зазвънъвъ упало на столь, возль котораго сидьла старуха. «Видишь ли, сказала она, какъбы не замьчая изумленія всьхъ тупъбывшихъ, — тебь вышла сватьба.»

Сердце Ольги дрогнуло и румянецъ покрыль ея щеки.—Нѣшъ, сшарушка, ошвѣчала она, всѣмъ говорила шы хорошо, а мнѣ сказала неправду: до моей свашьбы далеко.

«Пъсенка говоришъ, что суженый давно тебя дожидается: прежде чъмъ снъгъ сойдетъ, вънецъ долженъ покрыть твою голову, и какъ это кольцо выпрыгнуло изъ чаши, такъ точно и ты, бъдная птичка, вылетишь изъ своей клътки.»

Спаруха говорила эпи слова таинственнымъ, пророческимъ голосомъ, и хоппя Ольга не совсъмъ върила имъ, но они глубоко западали въ ея душу, дълали на нее какое-то непонятное впечатплъніе, въ которомъ она сама себъ не умъла датть отпчетта. Дъвушка задумалась и сомнительно покачала головою.

«Если ты хочешь увърипься въ словахъ моихъ-продолжала прорицапельница, -- пойдемъ со много на перекрестокъ: тамъ я вызову твоего суженаго... Да, хотябъ онъ былъ за тридевять земель, въ тридесятомъ государсивъ, и тогда я заставлю его явипься передъ побою...» Тупъ глаза чудной женщины засвыпились еще ярче, дрожащій голось ея сдълался звучнъе, сгорбленный станъ началъ разпрямляшься, - даже самыя морщины, казалось, сгладились съ лица ея.-Всъ смотръли на нее съ ужасомъ.... но черезъ минутту Ольга готпова была въришь, что воображение обмануло ее: старуха была вся таже сухая, сгорбленная, полумертвая.

— У меня не было суженаго и прежде, сказала Ольга, когда сппрахъ ея миновался; а пеперь откуда онъ возмется?—

«Жемчужину ищупть на днѣ морскомъ, кладъ отрывають и подъ землею, отвѣчала колдунья; а на твою дѣвичью красоту свѣтитъ солнце... Попробуй, пойдемъ со мной: мое гаданье покажетъ тебѣ, какъ въ зеркалѣ, судъбу твою.»

Ръчи спарухи больше и больше брали силу надъ Ольгой и пришягивали ея любопышство, какъ магнишъ пришягиваенъ желъзо. Ей хошълось наконецъ поднять мрачную завъсу будущаго, хошълось увъриться въ шемныхъ, но отрадныхъ предсказаніяхъ колдуны. Даже дъвки, женщины, сама нянька Ольги, нешерпъливо желали узнать, что увидить на перекресткъ ихъ Боярышня. Какъ можно было прошивить-

ся искушенію? оно было слишкомъ сильно для женщины. Ольга колеблясь, ошговариваясь нъсколько минушъ, ръшилась наконецъ идши за сшарухой.

Бояринъ Андрей, утомясь въ тотъ день на охопть, спаль крыпкимъ сномъ на другой половинъ спроенія, раздъленнаго по срединъ широкими сънями, и любопышная дъвушка шъмъ свободнъе могла выполнишь свою волю. Перекрестокъ же былъ такъ близко, что ей не приходило и въ голову бояпься чего нибудь, - кромъ развъ пъхъ ужасовъ, которые представитъ колдунья: не дальше какъ за спо шаговъ опть дома, у конца огорода, скрещевались двъ дороги, и тамъ-то спаруха хоптьла показать искуство свое.-Надъвъ длинную лисью шубу, опушенную соболями, остатокъ прежнихъ богашенвъ своихъ, подвязавъ розовыя шечки плашкомъ, Ольга вышла изъ горницы за колдуньей. Спаруха одной рукой опиралась на коспыль свой, а въ другой несла чашу полную воды, пу самую, изъ котпорой вынимала она кольца, и гдѣ остались еще: уголь, глина и корка хлѣба, положенные вмѣстѣ съ кольцами, во время подблюдныхъ пѣсенъ. Дѣвки и женщины слѣдовали за ними.

«Стойте здѣсь, покамѣсть не позовуть вась, сказала старуха, когда онъ пришли къ воротамь, а до тѣхъ поръ не трогайтесь съ мѣста, или чортъ посвертить вамъ шеи. Пойдемъ, дитя мое, продолжала она, тебъ нечего бояться: потъ, кого ты увидишь, для тебя не страшенъ. Я только хочу заплатить тебъ за привѣтъ твой и ласку, хочу, чтобы съ этихъ поръ жизнь была для тебя веселье.»

Ободряя пакимъ образомъ дъвушку,

въ душъ которой суевърный страхъ начиналь борьбу съ любопышешвомъ, колдунья привела ее къ перекрестку. Ночь была свыпла и тепла; только мълкой, частой снъжокъ падая сверху, застилаль мьсяць какъ ситомъ. Тускло видълисъ всъ предметы и туманная даль скрывалась ошъ взоровъ. «Здъсь!» сказала колдунья, осіпановившись и очерчивая кругъ костылемъ своимъ. Пошомъ она посшавила на землю чашу съ водой, и склонившись надъ ней, съ пихими заклинаніями три раза ударила огнивомъ въ кремень. Яркіе, крупные искры сыпались струей опть кремня и, озаряя краснымъ, мимолешнымъ свътомъ лице старухи, съ прескомъ падали въ воду. Колдунья зажгла пукъ какой-то сухой травы, и, бросивъ дымящееся зелье въ средину круга, начала шихимъ, но вняшнымъ голосомъ призывать суженаго Ольги. Страшно отзывались слова колдуныи въ ушахъ препещущей дъвушки,

спірашно было ей слышать какъ она призывала небо и адъ на помощь себъ, и казалось, хоптьла расторгнуть землю, ударяя по ней своей клюкой. Лай и вой собакъ сливался съ ея заклинаніями, какъ будто гончія Боярина, запершыя въ хлъву, чуяли близость страшныхъ явленій. Холодъ пробъгалъ по членамъ Ольги, колъна ея дрожали, дыханіе замирало въ груди. Ей чудилось, что огненные змъи, вылетая изъ смраднаго курева, обвивають голову спарухи, что тысячи злыхъ духовъ, сь воплемъ и визгомъ гошовы вшоргнупься въ кругъ. «Слышишь ли? сказала наконецъ колдунья, пришихнувъ.... онъ близко... приложи ухо къ землъ.» Полумертвая от страха Ольга повиновалась... и вошь шочно слышишся ей топоть коня, словно кто вихремь по полю... вошъ становится ближе, ближе... вотъ и вътеръ, отъ быстраго скака, пахнулъ на нее. «Стой, стой!» крикнула стару-

ха, кръпко схващивъ Ольгу руками. «Вопть онъ, вопть онъ, хрипъла она, смопри на него!» Ольга взглянула: шагахъ въ нъсколькихъ передъ ней въ самомъ дълъ стоитъ тънь человъка; лице его видишся шускло, но онъ молодъ, высокъ; черныя кудри выошся по плечамъ его, мъсяцъ блеститъ на серебреныхъ застежкахъ кафтана... Вдругъ онъ простираеть руки къ дъвушкъ, хочеть переступить за черту круга; колдунья зачурала, плеснула изъ чаши водой.... Обезпамяптъвшая Ольга вскрикнула и не взвидъла ничего....

Конвой дѣвокъ и женщинъ, оставленный у воротъ, бросился къ ней на помощь: старуха держала ее на колѣняхъ и терла снѣгомъ ея голову. Возлѣнихъ не было никого, кругомъ все тихо и смирно. Наконецъ Ольга открыла глаза.

Возврашившись въ горницу, она долго

еще не могла хорошенько придпи въ себя. Цълый вечеръ то жаръ, то знобъ пробъгали по ней. «Чего ты такъ испугалась, дитя мое? говорила старуха, стараясь ее успокоивать, пы видъла не гробъ, не мерппвеца, а своего суженаго. Каковъ показался онъ тебъ?» Ольга краснъла и не отвъчала ничего. — Было ужь поздно. Колдунья составила и подала ей какое-то вкусное питье, которое утишило волненіе дъвушки. Глаза ея начали смыкаться; она легла на мягкой пуховикъ свой и сонъ ея во всю ночь быль шихъ и спокоенъ. Ни одна страшная мечта не возмутила его. — По утру, когда Ольга проснулась, старухи ужь не было: никпю не видалъ когда ушла она, никто не зналъ куда она дъвалась.

Этотъ чудный случай сдълалъ сильное впечатлъніе на дочь изгнаннаго Боярина. Ей думалось, что она въ са-

момъ дълъ была занесена въ какой-шо волшобный край. И мудрено-ли? даже всь окружающіе Ольгу думали, что старуха, показавшая ей жениха, была сама въдьма, и именно въдьма Кіевская, потому что она шла изъ Кіева. Всъ онъ безъ ужаса не могли вспомнить о томъ страшномъ вечеръ, въ который явилась колдунья, хоппя и никто изъ нихъ не видалъ никакихъ чудесъ и не слыхаль ничего кромь лаю собакь. Правда, что от испуга, и самой Ольгъ нъкошорыя подробности гаданья представлялись смуппно, неясно, какъ будтю во снъ; но за то образъ незнакомца глубоко връзался въ ея воображеніе: она видъла его какъ живаго.

«Кшо же онъ, думала Ольга, кшо эшошъ, суженый мнъ?.. По его богашому плашью, по его величавой посшупи, онъ долженъ бышь рода знашнаго.... Но за чъмъ онъ зайдешъ сюда? гдъ увидишъ меня? для чего захочешъ

ветупить въ родетво съ бъднымъ изгнанникомъ, на котпораго налъ гнъвъ Царя Грознаго?....» Иногда Ольгъ приходило въ голову, что злая колдунья на смъхъ обморочила ее своими чарами; що опящь думалось ей, что гаданье можеть и сбыться: что участь опіца ея перемѣнишся, что она снова будеть въ Москвъ.... По крайней мъръ послъдняя мысль была для нее ушъшишельнъе. Призракъ, кошорый видъла она, невольно сдружился съ ея сердцемъ. Ей было радостно думать о немъ, радостино было оживлять надеждой мечшы свои. — Но дни проходили за днями, а участь изгнанника не перемънялась; глухая стпорона, въ которой жиль онь, была по прежнему дика и пуспънна; Ольга, по прежнему, груспіна и одинока; Бояринъ, по прежнему, ъздилъ на охоту.

Прошли двъ недъли съ шъхъ поръ, какъ чудная спранница посъпила

Ольгу, и прошли, какъ ужь сказаль я, безъ всякой перемъны. Но вошь однажды Бояринъ Андрей, выъхавъ на порошу, далеко заскакалъ въ чащу лъса и ошбился от своихъ охоппниковъ. Онъ гнался за лисицей; полько двъ гончія привязались къ ней, но Боярину не хотьлось отстать от добычи, которая начинала томъть и насилу бъпо рыхлому, мягкому снъгу, выпавшему въ ночь. Ужь голоса собакъ слышались ему ближе и ближе, ужь онъ настигаль ихъ, какъ вдругъ онь, бросивь сльдь, зашерявшійся между груды поломанныхъ сучьевъ и огромныхъ деревъ валежника, остановились, взлаяли и вспрокинули шерсть. «Что шамъ нашли, дураки! закричалъ Андрей, подскакавъ къ нимъ; или плупповка вскочила на дерево?» Но собаки съ воемъ и лаемъ, то бросались въ валежникъ, що опять, прыжками, какъ бъщеныя, опіскакивали назадъ, будто чуя памъ чпо-по спрашное. Опыпный

охошникъ понялъ наконецъ, что это значить: сердце его вздрогнуло отъ радосши, смышанной съ невольнымъ, минушнымъ трепетомъ, который морозомъ пробъжалъ по немъ. Бояринъ привязаль коня своего, опцыпиль опты съдла рогатину, выдернулъ длинный охопничій ножь и, сбросивъ съ себя кафіпань, въодномь полошубкь, смьло пошель впередь. «Ну дружки, закричаль онь, подсвисивывая и ободряя собакъ своихъ, подымайте его!» Собаки, съ пѣною у ріпа, съ сверкающими глазами, броенвшись въ глушь, залились, словно кто обдаль ихъ горячей водой... валежникъ запірещаль и — огромный медвъдь поднялся изъ берлоги. Спрашный ревъ разсерженаго звъря далеко раздался по звонкому лѣсу; разинушая пасть готова была поглотить неопвязчивых в гостей, потревоживших в покой его; но проворныя собаки опискочили къ ногамъ своего хозяина, и два противника стали другъ противъ друга.

Андрею было льшь пяшьдесяшь; но тълесныя силы и кръпость, за которыя ручались высокій рость и широкія плеча, его не оспіавили. Еще съ молоду онъ, какъ удалой охопникъ, хаживалъ одинъ на медвъдя, и потому бой, въ который теперь вступаль Бояринъ, былъ ему не вдиковинку. Твердой рукой вонзиль онъ рогашину въ грудь звъря, приближающагося къ на заднихъ ногахъ, и крѣпко держась за нее, поворачивался съ нимъ вмъсшъ, ожидая минушы, въкоторую долженъ будеть нанесть рышительный ударь ножемъ остервенълому живопному, больше и больше напирающему на острое жельзо. Но вошь одинь невърный шагъ измъняешъ ему: зацъпившись за корень дерева, онъ спопыкается, падаешъ древка рогашины, выпущенная изърукъ, ударилась въ пень, разлептьлась въ дребезги — и медвъдь накрыль его всей своей шяжесшью.... евыпъ выкаппился изъ глазъ Боярина...

Когда Андрей опомнился, переда нимъ стоялъ какой-по человъкъ. Красивый конь его, съ брошенными поводами, храпълъ и таурился глядя на издыхающаго медвъдя, котпорый, въ нъсколькихъ тагахъ, лежалъ съ разрубленной головою. Три собаки обтохивали убитаго звъря и лизали кровь. Вдали, привязанная у дерева, стояла лошадь Боярина, и поднявъ уши, смотръла на эту картину.

Сначала Андрею казалось, чтю ему подаль помощь кіпо нибудь изъ его охошниковь; но вглядъвшись въ своего избавителя, онъ увидъль, что это быль незнакомець, высокато роста, пріятный лицемь. Ему по видимому не было еще тридцати льть, но во всъхъ чертахъ его изображалась какая-то гордость и отвага, а охошничій, или лучше сказать, почти военный нарядь, придаваль ухваткамъ молодаго человька что-то величавое.

Въ рукахъ онъ держалъ шопоръ, за поясомъ его свъшились— кинжалъ и два писшолеша.

«Что, товарищь, спросиль незнакомець, цълы-ли твои кости?»

—Кажешся не переломаны — ошвъчалъ Андрей, приподнимаясь и ощупывая себя; — а порядкомъ помяшы... Но кшо-же шы, избавишель мой, — продолжалъ онъ, осматриваясь вокругъ и припоминая все, что случилось сънимъ, — какимъ чудомъ Богъ нанесъщебя?...

«Я пакой же охопникъ какъ пы, опівъчаль незнакомецъ; пакъ-же гонялся въ льсу за звърями, а услышавъ ревъ и лай, бросился въ эпу спюрону. Хорошо, что я приспълъ въ пору, прибавиль онъ, а то медвъдъ пакъ бы убазокалъ пебя своими лапами, что пебъ пришлось бы долго спапъ на снъжной перинъ.»

— Да, прокляпый такъ стиснуль мнъ грудь, что я не взвидълъ свъту Божьяго.... чъмъ могу заплатить за услугу твою? —

«Помяни на молитвъ имя Владиміра, сказалъ молодой человъкъ вздохнувъ.»

— Ты, мнѣ кажешся, долженъ бышь рода знапнаго, продолжалъ Андрей, поглядывая на него съ любонышсивомъ; гдѣ-же швое жилище?

«Настоящее жилище мое не близко отсюда; а въздъщнія мъста я пріъзжаю на время поохотиться, и живу гдъ попало. Для охотника много-ли надобно: уголъ въ теплой избъ, да охабка соломы — вотъ и все туть.»

— Нынъшнюю ночь пы по крайней мъръ не опкажешься провесии у меня, сказалъ Бояринъ, желая хопъ чъмъ нибудь опблагодаришь незнакомца; мой домишко не далско. Прежде Андрей

Троерукій угосіпиль бы своего избавишеля по Царски, а шеперь не прогньвайся, чьмь Богь послаль.—

Незнакомецъ не отказался от приглашенія; какая-то радость блеснула въглазахъ его. «Если ты зовещь меня от чистаго сердца, отвъчалъ от , то твои хлъбъ-соль покажутся мнъ вкуснъе Царскаго кушанья.»

— Особливо такого Царя, какъ нашъ, подхватилъ Андрей. Сидя за столомъ Іоанновымъ того и гляди, что самъ попадешь на вертелъ. Однакожь товарищь, прибавилъ онъ, подходя къ коню своему и расправляя помятые свои члены, говорить мы можемъ и дорогой. На дворъ ужъ не рано, а изълъса мы не скоро выберемся. Я даже такъ закружился, скакавъ за лисицей, что теперъ, хоть убей, не знаю куда ъхать.

«Объ этомъ тужить нечего; всё тропинки въ здётнемъ лёсу мнё такъ знакомы, какъ волкамъ и лисицамъ, которые живутъ въ немъ.»

— Хорошо если такъ. А то ночью здъсь не мудрено встръпшться съ такимъ человъкомъ, который покажется хуже медвъдя. —

«Развѣ съ побой это случалось?» спросилъ незнакомецъ съ нетерпъніемъ.»

— Покуда Богъ миловалъ; да я никогда въ полъ и не запоздывалъ. Говоряшъ, однако, что сосъди мои, изъ Покровскаго, не такъ по любятъ госпей, которые ъздятъ по мъсяцу.—

«Не всякому слуху върь, Бояринъ. Я попрежде іпвоего узналъ здъшнюю сторону и часто бываю въ ней, только никогда не встръчался съ такими людьми, о какихъ говоришь ты.»

— А слыхаль-ли шы, какъ свистять и кричать по ночамъ на Заклятомъ Урочищъ?..

«Ну чіпо дълають черти, въ томъ люди не виноваты.»

Разговаривая шакимъ образомъ, они оправились и съли на коней своихъ. — Прощай, пріяшель, сказалъ Андрей, взглянувъ на убишаго медвъдя. Завигра мы пришлемъ за шобой, а шеперь, покуда, спасибо за добраго госия. —

«А мое спасибо за ласковаго хозяина, подхвашилъ молодой человъкъ. Впрочемъ, Бояринъ, мы можешъ бышь и безъ шого бы скоро узнали другъ друга: я прежде слыхалъ о шебъ и мнъ давно хошълось вспръшишься съ шобой на охошъл

Всадники тронули лошадей; тупть только Андрей замътиль огромную, черную собаку своего товарища, ко-

торая побъжала впередъ, и, безпрестанно поднимая чутье, какъ будіпо осмаіпривала дорогу.

Между тъмъ, какъ два новые знакомца выбирались изъ льса, Ольга была въ спрашномъ горъ. Охопники Боярина, долго дожидаясь его, думали, чио онъ проъхалъ прямо домой и возврашились одни. Бъдная дъвушка не знала чипо думанть объ опцъ своемъ, не знала гдъ искапть его. То боялась она, читобы онъ не попался въ руки разбойниковъ; то воображала, что ужь какой нибудь злой духъ затащиль Андрея на проклятое мъсто, и памъ гошовишся, въ слъдующую ночь, сделать изъ него пирушку- для своей брашьи. Наконецъ, въ сумерки, сказали, чипо Бояринъ вдешъ съ какимъпо госшемъ. Но Ольгъ было не до гостей: она думала полько объ опцъ своемъ, и со слезами радости выбъжала къ нему на встръчу.

«Баппошка, милый баппошка! говорила она, когда Андрей взошелъ на крыльцо, я думала, что тебя не увижу.»

— Это легко могло статься, отвъчалъ Бояринъ, еслибъ Богъ не послалъ мнъ избавителя. Вотъ гость нашъ: благодари его за спасеніе отца. —

Ольга взглянула на госппя и — какъ будшо громовая спръла пришибла ее къ мъспу, какъ будшо яркая молнія ослъпила глаза ея: ей казалось, чшо она опять перенеслась въ волшебный кругъ чудной спарухи, казалось, что передъ ней споить поть, кого она видъла на перекресткъ....

Между шъмъ, какъ дъвушка, робко поклонившись незнакомцу, не могла еще опомнишься ошъ удивленія, не могла произнесши ни одного слова, Бояринъ, разсказавъ въ корошкихъ сло-

вахъ происшествіе, которое случилось съ нимъ, вошелъ въ горницу вмъстъ сь госпіемь; и Ольга сь пылающими щеками, съ пысячью различныхъ чувсивъ возвращилась въ свою свъилицу. «Неужели пророчество старухи ебудения, думала она; неужели эпо мой суженой? . . Его, точно его , видъла я... И какимъ чуднымъ случаемъ встрытился онъ съ батюшкой, въ самую ту минуту, когда помощь его была такъ нужна?... Во всемъ этомъ происшествіи Ольга находила тайную, непосшижимую игру судьбы, которой прошивишься, по ея мнѣнію, было не возможно. Различныя, перелепныя думы, сміняясь одні другими, сильно волновали въ шошъ вечеръ грудь дъвушки. Но больше всего ей хоппълось узнать: кто этоть незнакомець, и долго-ли онъ пробудентъ у нихъ?... хошьлось узнашь даже и що, какое впечатлъніе сдълала она на него при первой встръчъ?...

Послъдняго вопроса, разумъетия, не могъ разръшить, кромъ незнакомца; но Ольгъ по крайней мъръ, что взглянулъ на нее-какъ будщо на знакомую; чпю какой-по привыпъ, какоето удовольствие выражалось въ пламенномъ взоръ его, въ ту минуту когда онъ поклонился ей. Чіпо же касаетіся до того: кто быль гость этоть, по и самъ Бояринъ Андрей зналъ о немъ не больше своей дочери. Ему было извъсипно шолько имя молодаго человъка, котпорымъ онъ самъ себя назвалъ въ льсу; но когда, дорогой, рычь коснулась до его рода и племени, юноша съ мрачнымъ видомъ опівъчалъ, чіпо онъ сирота, почти безпріютный, — и казалось, вопросъ Боярина пробудилъ въ немъ какое-то непріятиное чувство. «Можетъ быть онъ такъ-же несчастливъ, какъ я, думалъ Андрей, можетъ бышь еще больше?... за чъмь-же разшравлять раны его нескромностью!..»

Въ самомъ дѣлѣ на лицѣ молодаго человѣка изображалась по временамъ какая-то печаль и задумчивость, которыхъ онъ не могъ преодолѣть; состраданіе, смѣшиваясь съ благодарностію въ сердцѣ Андрея, привлекало его вдвойнѣ къ своему избавителю.

На другой день госпіь и хозяинъ опять вздили на охопу, и опять прівхали вубств. Бояринъ дивился ловкости на вздника, дивился летучей быстропть коня его, и быль безь памяши радъ, что нашелъ себъ такого поварища. Сверхъ того, живучи совершенномъ уединеніи, Андрей, съ самаго переселенія своего въ шу спюрону, не видалъ ни одного человъка, съ кошорымъ бы могъ онъ поговоришь о чемъ нибудь, сидя вечеркомъ за дружеской чашей меда; а молодой человыкь, въ продолжении двухъ вечеровъ, котпорые провели они вмысть, показался ему и въ эпомъ опношеніи такимъ же хорошимъ шоварищемъ, какъ и на охошъ. Словомъ, чъмъ больше узнавалъ Бояринъ своего госпя, шъмъ больше начиналъ любишь его. Ошъъздъ Владиміра, по просъбъ хозяина, ошкладывался день за день; да и самъ онъ, казалось, не спъшилъ осшавишь госшепріимную кровлю Андрея.

Но не одинъ Бояринъ желалъ, чтобы новый знакомецъ погосилилъ него по долъе; присупствіе Владиміра было не совсъмъ прошивно и милой, задумчивой его дочькъ. Правда, чию по шогдашнимъ обычаямъ дъвушка не могла присушствовать на вечернихъ бесъдахъ опіца своего съ молодымъ человъкомъ, но не смотря на то онъ довольно часто находиль случай видъть ее. Опъ того-ли, что ловкій, смътливый госпъ имълъ особенный даръ опыскивать подобные случаи, оть тоголи, чио и сама Ольга, шакъ-же какъ онъ, искала ихъ-это намъ неизвъстпно;

но по крайней мъръ извъсшно що, чипо всякій разъ, когда она выходила на крыльцо, или шла черезъ широкія съни, госпъ, какъ нарочно, встръчался сь ней; всякій разь заводиль разговорь; и хоппя скромная дъвушка слушала его съ разгоръвшимися щеками, съ поттупленнымъ взоромъ, и даже съ какимъ-то страхомъ глядъла на его величавый видъ; но со всемъ шемъ ръчи его были шакъ сладки, голось такъ смягчался въ эти минуты, чию невольно огонь щекъ ея переливался къ ней въ сердце.

Такъ прошло нъсколько дней. Владимірь наконецъ объявиль, что ему должно ъхать.

«Неужели пы совсьмъ оставишь насъ?» спросилъ огорченный Бояринъ, ужь заранъе чувствуя скуку.

 Дъла меня опізываютть не надолго, опівтчалъ молодой человъкъ. Домъ мой скученъ, одиночество становится не-

«И такъ ты воропишься?»

— Если не буду въ шягость тебъ.

«Ты спась мою жизнь, сказаль тронутый Андрей; но я и безь того полюбиль бы тебя. Пусть домь мой будеть твоимь собственнымь, когда это можеть доставить отраду тебь.»

Гордость, и признательность къ участію Боярина, повидимому, боролись въ душть молодаго человъка. То было замътно, что дружба и ласковое приглашеніе Боярина глубоко его прогали, то казалось опять, что онъ принималь ихъ какъ должную дань, которой требовать имълъ право и могущество. Такая неровность характера не удивляла однакожь Андрея: «Гость мой долженъ быть происхожде-

нія высокаго, думаль онь, и ни опть кого не привыкъ просить милости. Теперь-же, когда несчастіе разразилось надъ нимъ, сдълало его почти безпрітотнымъ, очень не мудрено, что каждая ласка, каждая услуга, сама по себъ ничего незначущая, кажутся ему одолженіемъ и таготять гордую его душу.»

Владиміръ убхалъ ночью, и черезъ двое сущокъ, ночью же опящь возврапился. Съ тъхъ поръ онъ спалъ опплучатися ръже и ръже, и всегда на корошкое время. Только все еще никто не зналъ гдъ жилище его, и куда ъздишъ онъ. Вообще въ поступкахъ его была какая-то таинственность. Не смотпря однакожь на то, онъ умълъ привлечь къ себъ всъхъ живущихъ въ домъ Боярина: всь считали его, какъ домашнимъ своимъ, всь радовались, когда прівзжаль онъ. Псари и охопники Боярскіе невольно уважали моло-

даго человъка за отвату и ловкость, котпорыя казались имъ сверхъ-естиественными. «Вопть молодецъ! говорили они, когда бывали съ нимъ на охошъ, полько бы водишь на Ташаръ полки Царскіе: за нимъ, кажешся, не спрашно броситься въ омутъ.» Дъвки и Нянька Ольгины любили напрошивъ ласковаго Владиміра за его веселую разговорчивость и за небольше подарки, которые онъ имъ дълалъ. Самъ Бояринъ Андрей увърялся больше и больще, что шаинственный гость его быль никто другой, какъ юноша благородный и знашный, скрывающійся отъ преслъдованія сильныхъ враговъ, или, что еще въроятиве, опъ преслъдованія самаго Царя, шогда уже ширана, сполько же спірашнаго для невинныхъ, какъ и для виновашыхъ. А Ольга? — Ольга смотпръла на него, какъ на своего суженаго: и сладкія рѣчи Владиміра, и ласковый голось его, и огненный взоръ — все говорило ей, чипо пророчество чудной старухи сбудется. Сердце подсказывало тоже, — а сэрдце никогда не обманываетъ дъвушекъ: это бывало и встарь и нынче.

Однажды, поздно вечеромъ, Ольга пошла въ избу проведать больную женщину. Теплая шихая погода прельспила ее. Возвращаясь домой, она осшановилась на крыльць и, завернувшись въ шубу свою, съ какимъ-то удовольспвіемъ, котпорое извѣстно только однимъ жишелямъ съвера, дышала свъжимъ зимнимъ воздухомъ. Дъвки, провожавшія ее, развясь и играя въ снъжки, разбъжались по двору; Ольга осталась одна. Вдругъ сънная дверь шихо скрыпнула — передъ ней споялъ Владиміръ, котпорый въ то время гостилъ у нихъ.

«Ольга, милая Ольга? сказалъ онъ, озираясь вокругъ и взявъ ее за руку. Я давно искалъ случая говоришь съ

тобой на свободъ; выслушай же теперь тайну, которая лежитъ у меня на сердцъ, которая будетъ сосать его, какъ змъя, до тъхъ поръ, пока я не услышу твоего отвъта: я люблю тебя больше жизни, для одной тебя живу я здъсь... хочешь ли быть моей?...»

Дъвушка не могла вымолвить ни одного слова, но она не отымала руки своей, не старалась уйти. И сильный трепеть ея, и занимающееся дыханіе— все доказывало счастливцу, что онъ любимъ.

«Рѣшишься ли ты пожертвовать мнъ всѣмъ, продолжалъ Владиміръ, рѣшишься ли жить со мной гдѣ бы-то ни было: въ лѣсу дремучемъ, въ пустынъ непроходимой?...»

— Вездъ, вездъ, только съ тобой сказала наконецъ Ольга прерывающимся голосомъ. Судьба назначила мнъ тебя, и мнъ не нужны ни почести , ни богатетва. —

«И такъ ты моя, моя Ольга! говориль восхищенный юноща сжимая ее въ своихъ объятіяхъ; теперь никто не разлучить насъ!.. Ты помирила меня съ жизнію, которая становилась мнъ въ тягость!...»

— Но кшо шы, милый другъ? шеншала робко дъвушка, склонивъ пылающее лице на грудъ къ нему; ошкройся мнъ, разскажи повъсшь жизни пвоей?...

«Посль узнаешь все; повъсть жизни моей долга, и теперь не время ее разсказывать. Въдь для тебя все равно кто бы я ни быль: ты все также будеть любить меня?

[—] Все также, все также!

«Но ощець швой.... согласишься ли шы осшавишь его, согласишься ли бъжашь со мной?..»

— Бъжать! повторила Ольга съ ужасомъ, бъжать отъ отца!... за чъмъ же?

«И пы думаешь, что онъ захочеть опдать тебя мнв, у котораго нътъ ни роду, ни прітоту, ни — имени.... Нътъ! никогда на это не ръшится онъ. Ты должна выбрать одно изъ двухъ: или опецъ, или я: кто дороже тебъ?.

Ольга заплакала. — Я не покину его, говорила она, ни за что не покину?.. — Развъ и безъ того мало горя ему?...

Молодой человъкъ вспыхнулъ. «Вошъ женщины! сказалъ онъ. За минушу

клянушся въ любви, и черезъ минушлу гошовы взяшь назаль свою кляшву! Объщающь любиць больше жизни, и не хошишь пожершьовашь ни чьмъ! . знаешь ли шы, чио мнъ сшоило сказапь одно слово, споило шолько захошъщь - и ни сшъны эппой упплой лачужки, ни оппецъ тпвой, ни спарые мъшки, которые живушъ здъсь и ъздящъ съ нимъ на охонгу, не защитили бы тебя отъ моей власити!.. Но я не сдълалъ эппого; напрошивъ я какъ ангелъ хранитель безпрестанно стюрожиль надъ шобой, надъ опщемъ швоимъ, надъ всьмъ, что близко тебь; ожидалъ, чиюбы ны полюбила меня по воль собсивеннаго сердца, а не по принужденію... и теперь все потеряно !... я вижу, что пы не можешь любить такъ, какъ бы я желалъ, и все глаки силой долженъ буду оторвать тебя отъ старика, котораго пъ предпочищаешь мив....

Съ препеномъ слушала дъвушка эни грозныя слова. — Бапношка! банношка! повнюряла она, какъ бы призывая опца своего на помощь. Чудный другь ея опомнился.

«Не бойся, не бойся! сказаль онь смягчившимся голосомь, любовь къ шебъ свела меня съ ума. Я самъ не помню, что говорю, самъ не знаю чъмъ грожу тебъ. Забудь слова мои, не върь мнъ. Клянусь, что безъ воли опща твоего я не ръшусь ни на что. Только ради Бога не чуждайся меня, и по крайней мъръ, хоть жалъй обо мнъ... я несчастливъ, милая Ольга, очень несчастливъ! у меня много мукъ на душъ, много кручины на сердцъ!..»

Слезы опять покапились изъ глазъ Ольги. — Для чего же, сказала она, не хочешь пны оппкрыпь своей груспи оппцу моему? Неужели онъ не пронешся ей: у пето сердце не каменное!—

«Невозможно! нъшъ, надобно сыскащь другое средство, которое бы склонило его. » Тутъ Владиміръ задумался... Для чего быль я такъ безкорыстенъ?— говориль онъ какъ бы разсуждая съ самимъ собой,— тогда бы еще можно было надъяться..... Но что же: стоитъ опять свиснуть, гаркнуть и все будетъ у меня!... Да, я сыщу это средство, во чтобъ то ни стало сыщу! Бояринъ увидитъ что могу я сдълать для него, и согласится на мое счастье...»

— Въ самомъ дъль? — спросила Ольта радоспио.

Владиміръ вздрогнулъ. «Непремънно согласишся, сказалъ онъ пошомъ; шолько для эпого намъ должно разсшашься шеперь. Завпра рано ушромъ я уъду, и не знаю на долго ли... можешъ бышь шы никогда меня не увидишь. За шо если я ворочусь, по мы будемъ счасшливы....»

Ольга хоптьла еще возражать, хоштьла разспрашивать; но шушь послышались голоса и шаги. молодой человъкъ шолько успъль взять кляшву съ нее, чтобы она до его возвращенія хранила, какъ мершвая, общую тайну ихъ, шолько быстро коснулся своими усшами ея устамъ и— скрылся.

Этпоть первый поцълуй любви потрясь душу Ольги чувствомь, до тъхь норь совершенно неизвъстнымь ей, связаль кръпче всякой клятвы уста ея.

Долго не могла она сомкнуть глазъ въ ту ночь. И любовь и надежда и страхъ сильно ее волновали. Ольга видъла, что судьба ел ръшена, но кто былъ тоть, кому отдала она свое сердце? Какіл тайны окружали его? Что заключали онъ въ себъ?... Иногда она вздрагивала отъ мысли, что такъ скоро, такъ простодушно высказала любовь свою; то опять какая то не-

ноъяснимая отграда наполняла ея грудь. Ей весело было думать о любви друга, весело было вспомнишь, что она сердцемъ обручена ему. И не сказалъ ли онъ самъ, чио безъ согласія Боярина ни на что не рышится? Не надъялся ли онъ получить это согласіе?.... Чегоже было страшиться ей?... Кромъ такихъ ушъщительныхъ мыслей, которыми Ольга старалась успокоишь себя, надобно еще вспомнишь, чию любовь слъпа — особливо любовь 46 льшней, неопышной, какъ въ шогдашнее время, дъвушки!.. Въ самомъ дълв въ ней наконецъ одно сладостиное чувство этой первой любви взяло верхъ надъ всьмъ: сомнънія Ольги разсъялись, и только грустная мысль о разлукъ съ другомъ, налегая камнемъ на сердце, превожила и прерывала безпокойный сонъ ея.

Поушру, вмѣсшѣ съ свѣшомъ, госшь Боярина опправился въ пушь. Андрей, привыкшій къ такимъ отлучкамъ, по обыкновенію ни о чемъ его не разпращивалъ, а только просилъ возврапиться скоръй. Ольга проводила взоромъ того, вслъдъ за которымъ рвалось ея сердце, и грустная, одинокая просидъла цълый день у окна въ своей горенкъ.

Три дни не было никакого слуху о Владиміръ, три дни Ольга грустила и плакала; наконецъ на четвертый день онъ возвратился. Лице его было радостно, надежда сіяла въ его взоръ.

«Ольга, сказаль онъ проходя мимо дъвушки, которая, выбъжавъ изъ своей горницы, встрытила его въ длинныхъ съняхъ, я думалъ, что счастые далеко отъ меня, думалъ, что мнъ долго искать его, но оно само пришло ко мнъ...»

Больше имъ говоришь было некогда: 42° онъ спъцилъ идпи въ свъилицу къ боярину.

Андрей, который умирая от скуки, ждаль такъ-же гостия своего съ нетеривніемъ, почти съ перваго взгляда замътилъ необыкновенную весслость его; и черезъ полчаса послъ свиданія, когда разговоръ ихъ больше и больше оживлялся откровенностію, онъ склонилъ ръчь къ тому, что начинало подстрекать его любопытство?

«Ты нынче что-то очень весель, сказаль Бояринь. Съ тобой върно случилось что нибудь хорощее: ужь не ждеть ли ты перемъны въ судьбъ своей?» Послъднія слова изгнанникъ произнесь какъ бы съ завистью.

—Можешъ спапься, опівъчалъ Владимірь; по крайней мъръ я видълъ сонъ, копіорый объщасть мнь многое. «Сонъ! повіпориль Андрей, съ удивленіемь; а гдъ шы ночеваль нынче?»

— Не шакъ-що далеко описода. Послушай, Бояринъ, прибавилъ Владиміръ съ шаинсшвеннымъ видомъ, я не хочу ничего скрывашь ошъ шебя: — шушъ онъ сълъ возлъ Андрея—шы слышалъ про кладъ, кошорый зарышъ на Закляшомъ Урочищъ....

«Какъ не слыхать; въздъщней, проклятой сторонь, каждый ребенокъ полкуеть о немъ и о пляскъ нечистыхъ духовъ, которые тамъ почти всякую ночь веселятся.» При этихъ словахъ Бояринъ перекрестился.

— Ну, слушай же: еще до знакомства съ тобой прівзжая въ здъшнюю сторону на охоту, я всегда приставаль на пчельникъ у одпого старика, не подалеку отъ Заклятаго Урочища. Старикъ, мой знакомецъ, живній здъсь сполько льшь, зналь объ эпомь кладь больше всьхъ насъ. Онъ любиль меня, многое разсказываль про спарину, и опъ него узналъ я, что кладъ положенъ съ заговоромъ. Съ какимъ именно онъ не сказалъ мнѣ, а говорилъ полько, что тому, съ къмъ сбудутся всѣ условія, назначенныя въ заговоръ, кладъ долженъ даться самъ собой, и что стращные хранители его разлешятся отъ этого человъка, какъ воробьи отъ ястреба.

«Съ нами крестная сила! прервалъ Андрей. Стало быть человъкъ этотъ долженъ сдълаться чернокнижникомъ?»

— Прежде я и самъ шакъ думалъ, и пошому заклящое сокровище ни сколько не манило меня; да и къ чему деньги, когда жизнь не мила намъ! Но не больше, какъ за три дни назадъ— мысли мои перемънились: я пожелалъ сдълаться обладащелемъ клада, головъ

быль опцапь за него душу свою, и рышился ъхашь къ спарику, рышился, во чтобъ то ни стало, вынышань ошь него проклящую шайну, котторая была ему извъсшна. Ты видъль самъ какъ я сълъ на коня, какъ поъхалъ. Прівзжаю на пчельникъ, и что-же? избушка, въ которой жилъ старикъ и зиму и льто, пуста, отворена наспежь; но все въ пей цъло, все по старому, словно хозяинъ только чио вышелъ. « Если шы не застанешь меня дома, говариваль онъ мнв и прежде, то тебь только стоить выдии къ льсу, да свиснушь по громче: и никогда не ухожу далеко опть пчельника и тотчасъ тебя услышу. Такъ я и дълалъ: бывало свисну, гаркну — спарикъ откудова ни возмется. Теперь вздумаль я кликнуть его такъ-же, не туть то было: свисталь, кричаль, ъздиль по льсу — никого ныпь. Тушъ только вспомниль я, что въ избъ было холодно какъ въ волчей берлогь,

шушь шолько замьшиль, чию кругомь ее нъпъ ни слъдинки. Видно старикъ ушелъ еще вчерась, и куда нибудь далеко, подумаль я; затопиль печку и ръшился его дожидаться. Прошли сутки, хозяинъ не возвращался; прошли другіе, все шоже. Можешь посудинь весело-ли мнъ было сидъпъ въ эппой лачугъ. Днемъ брала меня одурь, ночью находиль на меня какой-то ужась, который не даваль мнъ спать; но желаніе достапь кладъ овладъло мной пакъ сильно, что, не смоттря на скуку и страхъ, я готовъ былъ ждать стпарика цълый въкъ. Иногда приходило мнъ въ голову, что онъ умеръ, но въ шакомъ случав, кшо-же похоронилъ его? зачъмъ остались въ избъ хльбъ, квасъ, и все чио въ ней было? Развъ не съъли-ли его звъри? но онъ самъ говаривалъ мив, что они не смъющь къ нему присшупищься, и говорилъ еще про свою долгую жизнь, конорая была ему въ шягость,

кія чудныя вещи, чіпо у меня волосы спіановились дыбомъ... короче: піакая скорая, внезапная смерпіь спіарика казалась мні невозможна, и словно кіпо нибудь нашеппіываль мні, чіпо ожиданіе мое не пропадепіь даромъ,—піакъ и случилось.

На прешью ночь мнь было еще спрашнъе, чъмъ въ прежнія ночи. Я вовсе не думаль спашь; но вошь около полуночи, глаза мои вдругъ сомкнулись, и мив показалось, что старикъ вошель въ избу и остановился передо мной. Длинная, съдая борода по прежнему закрывала его грудь; но вмъсто смураго худаго кафшана, на немъ была одежда бълая какъ снъгъ. Морщины на лицъ разгладились, и оно шакъ свъщилось, чию мнъ больно было гляльшь на него. «Знаю, сказаль онь, что ты давно ждешь меня, но до нынъшней ночи не въ моей было власипи придпи сюда; знаю и по для чего пы

искалъ меня, но это былъ трудъ напрасный: въ нынъшнюю ночь я вездъ бы явился тебь, гдьбъ ты ни быль. За три дни назадъ, съ тюбой сбылось условіе заговора, съ котпорымъ положено извъсшное шебъ сокровище; съ той самой минуты сдълался обладателемъ, и съ тъмъвмъстъ развязаль грышную мою душу. Знай, что это сокровище нъкогда принадлежало мнъ, чито я самъ собиралъ его, самъ пряталь. Тяжело мнь было разставапися съ нимъ передъ смерпино! и я въ безумной алчности, въ отчаяніи — назначиль его шакому счастливцу, который не могъ скоро сыскаться, а до птьхъ поръ закабалилъ страшной клятвой. Но произнося это заклятіе, оппысканное мной въ черныхъ книгахъ, я закабалиль имъ и свою душу: сверхъестественная сила приковала се къ дряхлому, хворому шталу; земля не хоптьла приняпь меня до птъхъ поръ, пока золошо, скрышое мной, не перей-

дешь въ руки другаго, и я долженъ быль много льшь скишаться вокругь моего сокровища, не смъя ни прикоснушься къ нему, ни удалишься ошъ него, ни даже опкрышь кому нибудь тайну, от которой зависило пріобрьтеніс клада. Таково было наказаніе за пижкой гръхъ мой, но плеперь оно кончилось.» Туппъ спарикъ открылъ мив, что должно было случиться съ шъмъ, кому завъщаль онъ богашенво свое, напомниль, чию все это сбылось со мной и пошомъ сказалъ: «Завира объ энгу же пору спунай опыскивань кладъ; онъ скрышъ подъ дубомъ, на днъ колодца. Ты легко доспіанень его, только возьми съ собой товарища, конпорый бы помогъ шебъ спусининься шуда, и вошъ эшу золотую конъйку: ее первую положиль я въ кладъ: когда она будеть съ тобой, кладъ дастся тебъ безъ всякихъ ужасовъ.» Онъ пропіянуль ко мнь руку и-я проснулся. Подль меня никого не было, но слова спарика все еще отпътвались въ ущахъ моихъ, какъ будто я слышалъ ихъ на яву. Волосы на головъ моей стали дыбомъ, холодный потпъ просттупилъ по мнъ. Я перекрестился и думалъ, что это мечта, но копъйка въ самомъ дъль была въ рукахъ у меня.

«Чудно! сказаль Бояринь, кошорый и самь при эшомь разсказь чувствоваль какой-шо ужась; мнь за шебя страшно!...»

— Да, въ другой разъ не желалъ бы и я видъпъ эпопъ сонъ: мертвецъ стоялъ передо мною, какъ живой. А если я не послушаю его приказанія, то онъ върно будетъ являться мнъ до прехъ разъ.

«Что-же, ты думаень идпи доставать кладь?»

— Непремѣнио. Не хочешь ли быпь монмъ поварищемъ?

«Сохрани меня Богъ! я лучше пойду вдругъ на десяпъ медвъдей.»

—Послущай, Бояринъ: еслибъ съ нами могло шамъ случишься чио нибудь опасное, то върно бы и я не захошълъ мънять голову на золото. Но клады доставали не мы первые, не мы и послъдніе. Спарику не изъ чего было приходить съ того свъща за тъмъ полько, чтобъ обмануть меня.

Андрей задумался. «Ощь чего-жь, спросиль онь, не сказаль шы мнь съ какимъ заговоромъ былъ положень кладъ, и чию шакое сбылось съ щобой?»

— Теперь не могу, а когда мы доспанемъ его, погда узнаешь все.

«Покажи же по крайней мъръ копъйку, конорую далъ шебъ сшарикъ?» —Изволь; это не запрещено мнь.— Владиміръ вынуль изъ кармана монету и подаль ее Боярину.

»Экая старина! сказаль Бояринь разсматривая съ любопытствомъ конъйку; видно, что она долго лежала въ земль.... И какое чистое золото! много-ли то этакихъ было устарика...»

—Онъ сще при жизни говариваль, что заклятому сокровищу смъты нътъ. Впрочемъ пойдешь, пакъ увидишь самъ.

«Такъ пы непремънно хочешь, чтобъ я шелъ съ тобой?»

— Кого же больше звать мнъ? Да и кому кромъ шебя могу я довъриться?

Андрею не могло придши въголову, чтобы Владиміръ разсказывалъ ему сказки. Въ самомъ дъль: что за цъль

была бы этому странному человъку вести съ собой Боярина опыскиващь кладъ, еслибъ онъ точно не былъ увъренъ, что найдетъ его! Любопытство Андрея усиливтлось съ каждой минутой. Сверхъ того и находка клада, въ которомъ онъ, по праву товарищества, могъ сдълаться участникомъ, начинала соблазнять его.

«Изволь, сказаль онъ наконець, хорошенько одумавшись, если шебъ необходимо нуженъ шоварищь, иду съ шобой. Людей я не боюсь: имъ нечего взяшь у меня, а нечисшому духу Господь Богъ не напусшишь погубить Хрисшіанина.»

День прошель въ пригошовленіяхъ къ страшному походу. Владиміръ отыскаль веревку, небольшую бадью и ломъ; осмотрълъ, исправиль всъ эти вещи, и пригошовиль ихъ къ вечеру, не давъ никому замътить работы своей. Во весь день онъ былъ шакъ-же

весель, какъ по упіру, - и мудреноли? счастливецъ обладалъ сердцемъ милой, прелесшной дъвушки и сверхъ того надъялся скоро обладать несмътнымъ богашешвомъ: кщо-же бы не порадовался на его мъсшъ?.. Всякой разъ, когда Ольга встръчалась съ нимъ, щеки ея загорались, взоръ высказываль любовь. Она не знала о томъ, что ошкрыль Владимірь Боярину, не знала ничего о тайныхъ приготовленіяхъ къ ночному походу. Спрахъ за милаго друга не превожилъ ее. Но ей казалось странно и непріятно то, что онъ до сихъ поръ не говорилъ еще о ней съ опщемъ ея.

«Завтра, сказаль Владимірь, когда Ольга спросила его о томь, завтра рышится участь наша, а до тыхь порымы все еще должны молчать о любви своей.»

Опецъ Ольги пакже быль не совстмъ

спокоенъ. Намърение его ,идпи съ госпимъ своимъ на страниное заклящое мъсто, было пвердо и непоколебимо; но всякой разъ, когда онъ шолько вспоминаль о шомь, холодь пробыталь по его жиламъ, и ему ужь казалось, что онъ видить передъ собой ужасныхъ хранишелей клада; онъ воображаль, чшо они съ своимъ дикимъ воемъ и свисшомъ ужь летають вокругь него, какъ голодные, злые коршуны, у коппорыхъ ошнимають добычу. Между шьмъ день вечерълъ, ръшительная минута приближалась.

Блѣдное, зимнее солнце давно ужь закашилось за дремучій лѣсь; сѣрыя, шяжелыя шучи нависли на небѣ и шемная ночь покрыла окресшносшь. Одна шолько бѣлизна снѣга ошевѣчивалась во шьмѣ; вѣшеръ глухо вылъ и шумѣлъ въ лѣсу. Не смошря на непогоду и шемношу, два шоварища, около полуночи, шихо сошли со двора, не бывъ

ни къмъ примъчены, и направили пушь къ мъсшу, гдъ хранился кладъ. Владиміръ несъ на себъ всъ снаряды, съ помощію которыхъ хотълъ онъ спуститься въ колодецъ. Онъ шелъ впереди и показывалъ дорогу Боярину. Андрей слъдовалъ за нимъ въ глубокомъ молчаніи.

«Убей меня Богь, сказаль наконець Бояринь, если и хошь чшо нибудь вижу! Право мы попадемь въ оврагъ и замерзнемъ.»

— Не бойся ничего, отвъчаль ему спутникъ, дорога знакома мнъ. Прежде чъмъ пътухи пропототь, мы будемъ у колодца. —

Бояринъ опящь замолчалъ и пошелъ за своимъ шоварищемъ, робко всмапіриваясь въ каждый предмешъ, прислушиваясь къ каждому шороху. Темноша ночи, глухое мъсшо, къ кошорому подходили они, молчаливость сто спутника — все раждало въ немъ по крайней мъръ сотпио непріятиныхъ чувствь и мыслей. То живо представляль онъ себъ чудный сонъ, разсказанный Владиміромъ, и ему мнилось, что бълый старикъ идетъ вмъстъ съ ними. То отзывался въ утахъ его какой-то вой, какъ бы издали наносимый вътромъ.

Наконецъ однакожь Бояринъ увърился, что возлѣ нихъ никого не было въ бѣломъ—кромѣ сугробовъ и кустовъ, занесенныхъ снѣгомъ, что въ лѣсу никто не вылъ— кромѣ вѣтра. Но туттъ сомтѣнія и недовѣрчивость овладѣли имъ: и часъ, и мѣсто были какъ нарочно выбраны для скрытнаго злодѣянія. Въ первый разъ подозрѣніе къ таннетвеннымъ поступкамъ Владиміра запало въ душу Андрея, и этта внезапная мысль тѣмъ сильнѣе поразила его, что прежде опа никогда не приходила ему въ голову. «Послушай, сказалъ онъ, вдругъ остановившись и взявъ за руку проводника своего, ну если ты мыслишь противъ меня что нибудь худое?...Правда, личной вражды мы сътобой не имъемъ, но ты , можетъ быть, подкупленникъ враговъ моихъ?...»

Владиміръ, не сказавъ ни слова въ опівьть, вынуль изъ за пояса пистолешы, подаль ихъ Боярину и опяшь попель передь нимь. —Этопть безмольный укоръ заставилъ Андрея опомниться: имъя въ рукахъ оружіе своего товарища, онъ имълъ и средства раздробить ему голову прежде, чъмъ тотъ бы успълъ сдълать мальйшее подозришельное движеніе, или произвесть крикъ; да и къ чему было Владиміру употреблять столько хитростей, къ чему было спасать Боярина при первой встръчь въ льсу, еслибъ онъ желаль ему зла?.. Сообразивъ все это вмъстъ, Андрей сознался въ душъ, что одно

дурное расположеніе духа, настроенное ко всякаго рода ужасамъ, засшавило его бышь несправедливымъ къ своему госппо. Всъ сомнънія его разсъялись, и когда они подошли къ подошвъ холма — цъли своего пущеществія, онъ снова ни о чемъ больше не думалъ кромъ тъхъ чудесъ, которыхъ гоповился бышь свидътелемъ.

Поканость горы, ведущая къ колодцу, въ когпоромъ скрывался кладъ, была не круша, но камениста и покрыша куспарникомъ, что и дълало входъ по ней, особливо въ шемношъ, довольно заптруднительнымъ. Не видя ничего передъ собой, кромъ снъгу, закрывавшаго всъ неровносии, Бояринъ безпрестанно спотыкался на каменья, и нъсколько разъ долженъ былъ хвашашься за кушакъ своего шоварища, кошорый, не смотря на то, твердымъ шагомъ подавался впередъ, поворачивая то вправо, то влево, между кустовъ.

Наконецъ они выбрались на ровную площадь, составляющую вертину холма. Колодецъ былъ близко; сердце Андрея облилось кровью.

Вдругь что-то въногахъ у него спрашно захлопало, и бросившись вверхъ, съ свистомъ разсъкло воздухъ.... Въ испуть Бояринъ опискочилъ въ спорону, думая, что онъ потревожилъ покой какого нибудь злаго духа; но шушъ другой духъ захлопаль еще страшнье прежияго и чуть не сшибъ его съ ногъ, ударивъ по носу чернымъ, шяжелымъ крыломъ своимъ. «Чуръ меня! чуръ меня! съ нами невидимая сила!, закричаль Андрей, обомльвшій ошь ужаса..... И вошь стращное хлопанье начало раздаваться со всъхъ сторонъ и пысячи крыльевъ засвиспіали вкругъ головы его, какъ будшо цълый легіонъ нечиспыхъ духовъ взвился надъ нимъ. Однакожь заклинаніе Боярина, казалось, произвело желаемое дъйствіе: въ одно

мгновеніе все умолкло, исчезло, и онъ ничъмъ не вредимъ, хопія безгласенъ н почини бездыханенъ, присоединился къ своему товарищу, который даже и въ эшу рышишельную минушу не пошеряль своего мужесива. Можеть быть эшо произошло опть пого, что Владимірь ужь быль готовь къ такой сцень; или можеть быть, онь просто счель разлешьвшуюся сшаю духовь ни чемъ другимъ, какъ спадомъ шешеревей, зарывшихся, по обыкновенію, въ снъгу для ночлега. Какъ бы то ни было, только онъ ободрилъ своего спутника. Они сдалали еще насколько шаговь, и остановились передъ грудой меньевъ: эпо былъ колодецъ.

Владиміръ сбросиль съ себя ношу свою, развязаль пукъ лучины, который принесъ съ собой, высъкъ огня, и нарубивъ сучьевъ, зажегъ ихъ въ разсълинъ между камней, чтобъ удобнъе приступить къ работъ. Между тъмъ,

какъ онъ пригоповлялъ бадью и веревку, Андрей съ любопышствомъ и трепетомъ разсмапіривалъ это чудное мъсто при свъть огня, озарившаго внутренность колодца. Впадина, гдъ онъ находился, углублялась въ землю аршинъ на шесть, стъны ея были выкладены каменнымъ плишникомъ. Андрей думаль, что обладатель сокровища върно собственными руками устроиваль для него кладовую. Онъ не могъ разсмотръть и опредълить глубоко ли споншъ вода на днъ колодца, и на сколько она покрываетъ сокровище, подъ ней скрытое, но ему казалось по крайней мъръ, что въ спруяхъ ея, отражающихъ красноватый свыпъ огня, шочно блещешь золошо и горяшь алмазы.

Черезъ нъсколько минушъ всъ нужныя пригошовленія были сдъланы. Бадью, привязанную къ веревкъ, перевъсили черезъ шолешый сукъ дуба, осъ-

нявшаго колодецъ, и Бояринъ началъ осторожно спускать своего товарища. «Вошъ теперь-то пойдеть потьха!.» думаль онь, ожидая всякую минушу, что хранители клада цълой вереницей бросгопися на дерзкаго, осмълившагося войппи въ мрачное ихъ жилище. Однакожь Владиміръ, спустившись до самой воды, ужь стояль на большомъ выдавшемся камнъ, ужь пробовалъ ломомъ дно колодца, а все еще ни одно стращилище не показывалось. Да и вет поиски молодаго человтка, казалось, были напрасны: ломъ быется въ каменья и — шолько.... Но вошъ стукнуль во что-то звонкое; Владиміръ скакиваенть по колена въ воду, вынимаеть что-то тяжелое, нагружаеть бадью и кричить Боярину, чтобы онъ тащилъ ее. Андрей шянешъ... шянешъ... шяжесшь не помърная!.. Наконецъ кое какъ вышащилъ онъ бадью: къ ней была привязана огромная серебрянная чаща съ каки-

ми-то чудными знаками и письменами, частію изгладившимися отъ времени. Бояринъ навърное полагаль, что эти знаки и письмена заключающь въ себъ волшебную силу, и пошому не осмъливаясь открыть чаши, сняль ее такъ осторожно, какъ будто-бы она была разкалена на огнъ. По крику шоварища онъ опяшь спусшиль къ нему бадью, и опять вышащиль ее нагруженную ньсколькими слишками серебра и золоша. Къ нимъ Андрей прикасался смълье, потому что на нихъ не было никакой подписи. Такъ бадья спускалась и возвращалась нъсколько разъ, то съ слипками, то съ древней, драгоцънной посудой. Наконецъ, когда Владиміръ ошарилъ всь углы колодца и выгрузилъ начисто мертвый канишаль скупаго хозяина клада, онъ вылезъ и самъ къ своему товарищу, у котораго глаза разбътались на несмъщное богатилво.

[«]Ну, теперь въришь ли ты, ска-

залъ Владиміръ, что я не имълъ пропивъ тебя никакого злаго умысла, и не сказки тебъ разсказывалъ?»

—Върго, върго, отпвъчалъ Андрей; но мнъ бы очень хотълось узнать поскоръе, что такое въ этой чашъ. Право я думаю, что въ ней осю пору еще сидитъ душа старика, который зарывалъ кладъ...

Вмѣсто отпѣтна Владиміръ толкнулъ чашу ногою. Крыша слетьла, и глазамъ Боярина представилась груда золотыхъ и серебрянныхъ монетъ различнаго чекана. «Господи! вскричалъ Андрей съ изумленіемъ, какъ возможно накопить столько денегъ!... Вѣрно нечистый духъ собиралъ ихъ со всѣхъ концевъ вселенной и приносилъкъ своему властелину... Послушай, прибавилъ онъ голосомъ робкимъ и какъ-бы стыдясь самаго себя, если ты отдашь мнъ, какъ товарищу, половину пого, что въ этой чашъ, по я не стану жальть о прежнемъ моемъ богатенвъ...

Владиміръ усмъхнулся. — Этого я не могу сдълать, сказаль онъ. Правда, что по заговору мнъ должно раздълить кладъ, только не съ тобой. —

«Какъ! воскликнулъ Андрей, оскорбленный эпими словами; для чегожь пъ звалъ меня? Развъ не я пвой поварищь?..»

- —Не горячись и выслушай меня, сказалъ Владиміръ, мнъ съ шобой надобно поговоришь о многомъ. Тушъ онъ поправилъ огонь, сълъ подлъ него, посадилъ Боярина и началъ:
- —Прежде всего я долженъ сказать шебъ, въ чемъ состоялъ заговоръ клада, вынутаго нами. По словамъ старика, о которомъ я говорилъ тебъ, онъ могъ достаться только тому, кто прежде

умълъ бы сыскать кладъ еще болье ръдкой: чистую, безкорыстную любовь женскаго сердца....

«Колдунъ, который сдълалъ такой заговоръ, долженъ быть не дуракъ и большой проказникъ» перебилъ Андрей горько улыбнувщись и посматривая недовърчиво на своего товарища. Но тоть не обратилъ вниманія на эти слова и продолжалъ разсказъ свой:

—Я не зналь, какъ ужь сказаль шебь, эшого заговора, и нечаянно нашель свое счастье. Одна дъвушка полюбила меня, не предвидя, что я буду обладать несмѣтнымь богатствомь, не зная кто я, словомь полюбила такимь, какъ видъль пы меня до сихъ порь: бъднымь, безпріютнымь изгнанникомь,— съ ней то должень я раздѣлить мое золото....

«Дѣвушка! повторилъ Андрей вышаращивъ глаза; дѣвушка полюбила тебя. . . Но ктоже такая эта дъвушка?..»

- Дочь твоя.

«Дочь моя! вскричаль Бояринь вскочивь съ своего мъста. Песчастный! я согръль змью въ пазухъ!... Дочь моя любить тебя и ты не скажещь мнь ни слова объ этомъ!.. Подлый человъкъ! ты устъль погубить ее...»

—Еслибъ я быль такъ-же горячь, какъ ты, сказалъ Владиміръ гордо, но не перемъняя своего положенія, — то давно бы наказалъ тебя за несправедливость; еслибъ я былъ подлый обольстиниель, — то не такъ бы поступилъ тогда. Нътъ, Бояринъ! ты напрасно обижаеть меня. Я могъ бы увезть дочь твою, но не контълъ этого сдълать: слезы Ольги падали бы искрами на мое сердце, и я искалъ любви ся честнымъ образомъ. Только три дни

тому, какъ я узналь о моемъ счасть в, но бъдный изгнанникъ не могъ ръшиться просить у тебя руки твоей дочери, — теперь обладатель сокровища говорить съ тобой смълъе...

Хладнокровіе и непоколебимое присупіствіе духа Владиміра всегда брали верхъ надъ опромѣтчивымъ харакіперомъ Андрея. И теперь эти слова успокоили Боярина. Онъ сѣлъ, посмотрѣлъ на своего товарища, на золото, которое лежало у ногъ его, и, казалось, хотѣлъ обдумать то, что слышалъ.

«И такъ ты хочешь жениться на моей дочери?» спросилъ онъ по минутномъ молчаніи.

— Да, и раздълить все это съ ней; а она можетъ дълиться съ тобой, какъ хочетъ.....

Богатство ослъпило Андрея. «Если Ольга точно любить тебя, сказаль

онь, по мнь грышно разлучить вась: она — дочь моя, ты — мой избавитель. Но еще одно слово: какъ гостя, я не хопълъ тревожить тебя разспросами, теперь какъ будущаго моего зятя, мнь должно спросить: кто ты?..»

— Это тайна — отвъчалъ мрачно Владиміръ — которую я обязанъ хранишь до времени подъ страшной кляшвой.... Знай только, что родъ мой не нанесепть тебъ безчестья. Впрочемъ какое дъло тебъ до того кто-бы я ни былъ. Съ этихъ поръ я останусь жить вмъстъ съ вами. Дочь твоя будетъ счастлива, — за это я ручаюсь. Мы сыграемъ скоръе свапьбу, оставимъ здъшнюю, скучную сторону, гдъ только видимъ однихъ волковъ да медвъдей; переселимся въ Лишву, и шамъ въ веселостяхь и въ избыткъ, будемъ смѣяпься надъ гнѣвомъ Іоанна, копторый, обобравъ тебя и удаливъ отъ

двора, сравняль съ мерзкимъ, но не ядовишымъ гадомъ, нестноющимъ даже и того, чтобы раздавить его ногою.... Согласенъ ли ты? отдаещь ли мнъ Ольгу?...—

Мысль удалишься въчужую землю, и тамъ пріобрътя опять почести и богатиство, насмъяться надъ своими врагами, давно верппълась въ головъ Андрея, - и онъ даже нъсколько разъ, въ минупы откровенности, говорилъ о томъ своему гостно. Съ нъкоторыхъ поръ желаніе оставить эту глухую, пустынную сторону овладьло имъ еще сильнъе: слухъ пронесся, что не больше какъ дни за два, гдъ-то по близости разбили Царскую казну, котпорая шла въ Москву изъ Южныхъ областей, и Бояринъ опять началъ опасаться сосъдства, повидимому мноточисленной шайки, людей недобрыхъ; даже началь опасапься, чтобы враги не вздумали зачернить его самаго въ

глазахъ Царскихъ, эшимъ новымъ, ужаснымъ преступленіемъ. Андрей составляль несколько плановь къ своему переселенію изъ опостыльвшаго жилища, но безъ денегъ ни одинъ изъ нихъ не могъ придпи въ исполнение. А теперь, вдругь, онь увидъль себя обладателемъ несмъпнато богатства, увидъль желанія свои сбывшимися, дочь свою счасипливой съ любимымъ ей человъкомъ... Всь эппи мысли, съ быстротою молніи, пробъгали одна за другой въ головъ Боярина. Онъ прошянуль руку своему товарищу. «Ольга твоя, сказаль Андрей; но съ условіемъ: половина сокровища должна принадлежать собственно мнъ. Отецъ таки невластень располагать добромъ зяшя и дочери.»

Владиміръ согласился; договоръ былъ заключенъ и — дрожь невольно пробъжала по членамъ Боярина. Тогда была полночь: Андрей вспомнилъ

это, вспомниль на какомъ мъстъ находился онъ; взглянулъ на чуднаго человъка, который сидъль противъ него, завернувшись въ черную свиту, нахлобученной, черной же шапкой глаза; посмотрълъ на груду золота, озаренную краснымъ свътомъ огня, -и ему показалось въ шу минушу, что онъ продалъ и себя и дочь свою нечистому духу.... Но въ договоръ не было сказано ни слова о душъ — ни объ его, ни объ Ольгиной, - даже не было взятю росписки кровыю, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ. Неужели лукавый быль такъ не догадливъ, на этотъ разъ, что упусшилъ изъ вида главное? Онъ же спюлько времени жилъ въ домъ его; пилъ, ълъ сь нимъ вмѣсть, ѣздилъ на охоту... Спрахъ Андрея начиналъ исчезапть опть эппихъ размышленій, какъ упіреній тумань исчезаеть оть солнца. Наконецъ ласковый, геловъгеский голосъ Владиміра вывель его изъ мечтаній:

надобно было идпи домой. Большую часть клада спрятали опять подъ каменья; только нъсколько денегъ взяли съ собой. — И когда Бояринъ возвратился подъ мирную свою кровлю, когда усталый бросился на постель— черныя мысли его совершенно разсъялись; ему представлялась одна счастливая, веселая будущность.

Дневной свыпь, этоть закореньлый врагъ привидъній и ночныхъ ужасовъ, еще больше придаль смълости Андрею. По утру самь онъ подвель дочь свою къ жениху, сложилъ ихъ руки, и ему казалось тогда, что не нечистые духи, но ангелы должны веселипься глядя на эту чету: такъ удовольствіе, наполнявшее сердца молодыхъ людей, было неизъяснимо, такъ счастіе ихъ было велико! Правда, что въ глазахъ жениха сверкаль какой-то огонь, но въдь не всякой же огонь долженъ бышь ад-СКИМЪ....

До поста оставалось не далеко. Боярину хошълось перебраться за границу прежде распушицы, и пошому сватьбу нельзя было ошкладывань на долго. Владиміръ шакъ-же нешерпъливо желалъ скорње все кончишь. Сама Ольга, казалось, не была недовольна такою поспъшностью. Только временемъ, когда какое нибудь слово напоминало ей о близкомъ замуженивь, взоръ ея спыдливо опускался въ землю, или подъ унылые сващбишные напівы, наполнялся слезами. Но это была грусть минутная, невольный препепь дъвичьяго сердца передъ роковымъ часомъ, решающимъ судьбу цълой жизни. Больше всего тревожило Ольгу любонышетво: ей хошълось подробно знашь вст обстоятельсинва будущаго своего мужа, хошълось знашь какая судьба играла имъ. Но Владиміръ былъ пвердъ, какъ камень: ни ласки, ни просьбы не могли его шронушь: прошедшая жизнь его осшавалась загадкою для невъсты.

Впрочемъ ей нечего было много и думать о томъ: Отецъ согласился на ея счастье, другъ объщалъ не разлучаться съ ней и сверхъ того везъ ее въ мѣста веселыя, въ шумные многолюдные города. Съ дѣтскою радостью думала Ольга о будущей своей жизни, заранѣе предвидѣла всѣ удовольствія, которыя ее ожидають. Съ этими сладостными мечтами дождалась она дня своей сватьбы.

Ольги въ то утро; но все какая-то таинственность, какая-то мрачность была замътна въ его поступкахъ. Онъ котълъ непремънно, чтобы брачный обрядъ совершился вечеромъ, — какъ будто свътъ Божій былъ противенъ ему, какъ будто онъ не желалъ, чтобы солнце озаряло его свадебный поъздъ. Боярину очень не нравилось ночное путешествіе въ село, куда онъ и днемъ, къ объднъ, ъздилъ не совсъмъ

охопно. Ему приходило въ голову, что спрашныя, звърскія лица тамошнихъ жиппелей, при свъчахъ покажущся еще спрашнье, что ночью они въ самомъ дъль могушь сыграшь какую нибудь разбойническую штуку, которую днемъ не осмълились бы исполнишь; но Владиміръ опять умьль убъдить его. Горделивый, величесшвенный видъ молодаго человъка, его самонадъянная усмышка, и нысколько словы, сказанныхъ имъ, увърили Боярина, что этноть страхь быль напрасный. «Онъ самъ лучше знаешъ, чшо нужно для его безопасности, разсуждаль Андрей; моженть бышь, въ самомъ дъль, гонишели безпресшанно его преслъдують,и скрышность въ этомъ случат необходима... Только мнь, право, самому странно, прибавилъ онъ призадумавшись, опть чего этпопть человъкъ имъстъ надо мной какую-пю непостижимую власть и заставляеть себя во всемъ слушать?..» Какъ-бы то ни было, но

размысливь обо всемъ корошенько, Бояринъ, какъ ужь сказали мы, согласился на желаніе будущаго своего зяшя, и свадебный поъздъ ошправился въ церковь не прежде, какъ совсьмъ смерклось.

Повзяв этоть быль не огромень. Женихъ, одинъ одинехонекъ, улетълъ впередъ на своемъ огненномъ, ворономъ конъ. Бояринъ благословилъ дочь свою, посадилъ ее въ сани, и самъ вмъстъ сь ней, поъхаль сь образомь. Дорогой ему спало груспно. «Такъ-ли, думаль Андрей, должнобь мнь было праздновать свадьбу единственной дочери?.. Теперь я опять богать, теперь я, какъ говоришся, могъ-бы задать пиръ на весь міръ; но какая польза въ деньгахъ тамъ, гдв нътъ ни друзей, ни пріятелей?... Въ могиль онъ и подавно не нужны!..» Эппи мрачныя мысли, казалось, сообщились и Ольгь: и шемный льсь, мимо котораго проъзжали они, и сумракъ, окружающій ихъ, — наводили на нее какойто ужасъ. Ей пришло въ голову гаданье на святкахъ, которое сбылось
такъ чудно, такъ совершенно. Теперь
бы она желала опять перенестись въ
волщебный кругъ, стать лицемъ къ
лицу съ стращной колдуньей и спросить ее вновь о будущемъ... Сердце
дъвушки сильно билось, когда она
вошла въ церковь.

Тамъ было мрачно, какъ въ могильномъ склепъ. Только двъ, или при свъчки горъли передъ шемными, спаринными ликами иконоспаса. Даже любопышныхъ, прошивъ чаянія Боярина, почши совсъмъ не было; нъсколько человъкъ спояли возлъ дверей, но и шъ, казалось, осшавили обыкновенную свою наглость, упихли, смирились и едва смъли глядъшь на жениха и невъсту. Самъ священникъ, какъ будшо робълъ: пакъ, по крайней мъръ, можно было

подумать, потому чио онъ началь обрядъ нетвердымъ, дрожащимъ голосомъ.

Вънчанье приходило къ концу; ужь новобрачныхъ обвели вкругъ налоя, ужь сняли съ нихъ вънцы, какъ вдругъ, возль церкви, раздался громкій свисть, похожій на тоть, который слышался по ночамъ на опушкъ лъса. Всъ присупіствующіе вздрогнули. Владиміръ, какъ молнія, вылешълъ изъ церкви, и въ одно мгновение опять возвратился. «Спасайся, сказаль онь Ольгь, спасайся вмѣсшѣ со мной, или голова швоя будеть на плахъ!...» Бъдной новобрачной казалось, что громъ разразился надъ головой ся, казалось, что она видишъ страшный, несбыточный сонъ. Она упала на руки мужа. «Я швоя—» прошентала Ольга въ полубезпамятствъ. — Владиміръ повлекъ ее. . . . Бояринъ Андрей стояъ, какъ шальной; языкъ прильнулъ къ горппани его, ноги не двигались съ мъсща.

Конь новобрачнаго быль готовъ у крыльца. Быстро онъ вскочилъ на него вмъстъ съ несчастной жертвой своей, обхвашиль ее могучей рукой, и помчался вдоль по деревиъ. Свисить и крикъ раздавались со всъхъ сторонъ, люди сь оружіемь выбытали изъ всьхъ дворовъ. «Царскіе воины! царскіе воины! кричали они. Ашаманъ, собирай насъ!.» Но тоть, къ кому, казалось, обращались эти слова, какъ будто не хотълъ слышать ихъ: онъ все несся впередъ съ драгоцинной добычей своей, — все шибче, и шибче.... «Стой! раздалось у околицы, никшо живой не выдешъ опісіода!...»

Я сказалъ ужь прежде, что по близости жилища Андреева разбили казну. Только двое изъ провожавшихъ ее спаслись; они разсказали, что на нихъ напала цълая шайка удальцевъ, что ими предводительствовалъ какой-то наъздникъ, на лихомъ ворономъ конъ, вооруженный съ головы до ногъ, и съ огромной черной собакой у спремени. Подозрѣніе падало на жителей села Покровскаго, о которыхъ и прежде носились недобрые слухи; этого было достаточно для Іоанна, раздраженнаго такой дерзостью, — и вотъ Царская Опричина, посланная опыскать разбойниковъ и произвесть надъними судъ и разправу, окружила село для того, чтобы сдѣлать обыскъ. Всѣ въѣзды и вытѣзды были заняты: бъглецънигдъ не могъ проскакать безопасно.

«Стой! повторилось опять; говори кто ты!» Отвъта не было, но сильный конь Владиміра спибъ грудыо двухъ человъкъ, хотъвшихъ остановить его, и вихремъ вылетъль въ чистое поле. "Это онь! закричали воины, которымъ были извъстны примъты предводителя разбойниковъ, это апаманъ ихъ!—Вотъ и сатана, товарищь его, сидитъ съ нимъ на съдлъ, — сказалъ кто-то изъ нихъ,

слышавшій наканунь шь же самыя сказки о чудномъ богашырѣ, кошорыя прежде разсказывали Ольгѣ. Пули засвисшали надъ головой бѣглеца, но ни одна изъ нихъ, казалось, не сдѣлала вреда ему. Цѣлый ошрядъ Опричниковъ пусшился за нимъ въ погоню.

При шускломъ свъшь молодаго мьсяца, задернутаго тонкими облаками, воинамъ Царскимъ было видно, что атпаманъ скачетъ не далско впереди. Они нудили коней своихъ, однакожь не могли къ нему приблизипься ни на одинъ шагъ: онъ скакалъ съ шакой быстротой, какъ будто не лошадь, а въперь несъ его. Такъ проскакали они сь поль-версты, по гладкой полянь. Вошь близко и льсь; вошь бытлець повернулъ въ гору, по каменьямъ и кусшарникамъ, прямо къ сшрашному, заколдованному мъсту. Тупъ наконецъ конь его, казалось, началь чувствовашь двойную ношу свою: какъбудшо

стомился, потеряль быстроту. Вонны, съ каждой минутой, ближе и ближе подвигались къ навзднику... ужь они почти настигали его; но вошь онь поровнялся сь колодцемь, изъ котораго былъ вынутъ кладъ, и вдругъ.... и агламана и жены его--- точно и не бывало: они, какъ говоришея, сгибли да пропали въ глазахъ у воиновъ, - и только одинъ черный конь ихъ, безъ съдоковъ, мчался къ лъсу. Отрядъ остановился, сдълалъ кругъ, разсыпался — нигдъ никого не было. «Чудно, говорили между собой Опричники, видно и вправду нечиспый духъ помогаешъ ему, - онъ провожалъ его собакой, когда разбили казну, онъ и теперь быль съ нимъ, только въ другомъ образъ...» Всъ почти были готовы согласиться съ этимъ мнъніемъ, однакожь рышились дождаться свыта, чтобы сдълать новые поиски.

Взошло солнце. Царскіе Опричники

все стояли на томъ же мѣстѣ. Они осмотрѣли колодецъ, весь холмъ, и опять не нашли ничего. Даже слѣды, по которымъ бы можно было открыть что нибудь, въ ночь заровняло заметью. Подивясь еще чуду, и полагая, что атаманъ именно долженъ былъ провалиться въ колодецъ, воины поѣхали прочь, крестясь и творя молитву.

Часть казны Царской въ самомъ дълъ нашлась у жителей села Покровскаго, другая въ жилищъ Боярина Андрея; но большой половины ея отыскать не могли. Боясь позорной, мучительной смерти, ни одинъ изъ разбойниковъ не дался живой въ руки, и о чудномъ атаманъ ихъ, — о которомъ разсказывали столько сказокъ, и который такъ спранно пропалъ вмъстъ съ молодой женой своей, — съ тъхъ поръ не было никакого слуху; и кто былъ онъ, и куда скрылся— пре-

даніе ничего не говоришь о шомь... Неизвъсшно, шакъ-же, чшо случилось съ Бояриномъ Андреемъ; думашь надобно, чшо захваченный въ селъ, онъ погибъ шамъ вмъсшъ съ другими.

И село Покровское, и его вешхая деревянная церковь, и жилище изгнаннато Боярина — все исчезло съ лица земли отъ гитва Іоаннова. — Прошло много льшь съ шьхь порь; опустошенныя мъста начали засъляться новыми людьми, новыми строеніями; но слухи о кладъ, разпущенные еще во времена разбойниковъ, и разсказы объ аппамань ихъ живо сохранились въ народной памяпи. Нъкопорые креспьяне окружныхъ селеній, думая, чіпо кладъ еще цьль, пышались въ самомъ дьль искапь его, и хоппя они не видали никакихъ страшилищь, какъ разсказывали суевъры, но и безъ того всъ ихъ попышки оставались ищепными. Только одному счасшливцу удалось найши въ самомъ колодцѣ нѣсколько серебряныхъ денегъ и небольшой серебряный кресшъ.

Съ тъхъ поръ повърье, о которомъ сказалъ я выше, распространилось въ народъ.

Конецъ первой части.

СОДЕРЖАНІЕ

первой части.

Предисловіе	1
Предубъжденіе	3
Колодецъ	205

замъчательныя опечатки

первой части.

Cmpan.	cmp	. nancr.	rum.
56	22	къ тому	къ шону
156	12	но пальцамъ,	по пальцамъ
142	7	явное любо-	всякое любопыш-
		пынство	сшво
187	15	ашенцію	аппенцін
188	20	по ссоръ	и о ссоръ
227	4	кошяшт,	катятъ
229	22	вся	все